

В номере:

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

*Мнение Редакции
может не совпадать
с мнением авторов!*

**Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:**
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

Слово главного редактора3

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир КРУПИН
Фашизм. Откуда он взялся?4

Александр АНДРЮШКИН
«Катастрожка» Зиновьева
в свете недавнего опыта36

Максим ВОРОБЬЁВ
Неувоенные уроки фашизма178

ЮБИЛЕИ

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
К 90-летию со дня рождения Фазу Алиевой
«Я родилась горянкою простою...»7

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
Западник на русской подкладке
Штрихи к портрету Василия Боткина26

ПОЭЗИЯ

Магомед АХМЕДОВ
«Придёт строка, чтоб мучить и звучать...»12

Инна ВАРВАРИЦА
Память поколений и веков.....33

Инна МУХИНА
«Неравнодушно сердце бьётся...»42

Пётр ГУЛДЕДАВА
«Великий бред поэзии любви...»57

Юрий БОГДАНОВ
Из цикла сонетов.....78

Светлана ГОРОШИЛОВА
Русский храм.....96

Виктор КАШКИН
«Я ухожу опять за детством...»103

Валерий БОКАРЁВ
Солнечный день111

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№1(43) 2022
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева
141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 23.04.22.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ I-1500

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

<i>Юрий МУРАШКИН</i> «Во славу правды мир творит...».....	120
<i>Евгений ХАВАНОВ</i> Голоса эпох.....	130
<i>Антонина ШМАТКОВА</i> Во имя Победы.....	136
<i>Василий ЛОВЧИКОВ</i> Чесменское сражение.....	141
<i>Сергей ГАЗИН</i> Кругом земля родная.....	153
<i>Элла КУЗНЕЦОВА</i> С родной землёю связь.....	155
<i>Владимир ПЛЁСОВ</i> «Всё пройдёт...».....	160

ПРОЗА

<i>Татьяна ГРИБАНОВА</i> Рассказы.....	46
<i>Екатерина ГЛУШИК</i> Страхи счастливой семьи.....	60
<i>Денис ПОПОВ</i> Забывшие.....	91
<i>Евгения ПОЛЯКОВА</i> Про заек.....	99
<i>Галина РОМАНОВА</i> Две сказки.....	107
<i>Анатолий КАЗАКОВ</i> Бомбят Донбасс.....	116
<i>Сергей ГОРБАТЫХ</i> Погиб за Францию.....	123
<i>Юрий ЯХОНТОВ</i> Тайна рождения.....	133
<i>Леонид ДОНСКОВ</i> Рассказы.....	145
<i>Юлия АЛЕКСАНДРОВА</i> Талисман.....	157

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

С началом военной спецоперации на Украине Россия вступила в новый период своей истории, который без преувеличения можно назвать судьбоносным. Главные задачи, стоящие сегодня перед Вооружёнными Силами РФ, – освобождение ДНР и ЛНР, а также ликвидация нацистского гнойника, образовавшегося в изначально братской соседней стране; освобождение живущих на Украине русских людей, ставших заложниками преступной власти и фашиствующих банд; освобождение украинского народа от преступной власти с дальнейшим созданием условий для приемлемого развития украинской государственности. К моменту начала спецоперации ситуация на Украине находилась в крайне запущенном состоянии, что и обусловило жестокость сопротивления российской армии-освободительнице со стороны ВСУ и украинских нацистов. За прошедшие постсоветские годы на Украине была возвращена огромная армия безумных маньяков, вооружённых, помимо собственно оружия, выморочной квазинационалистической идеологией, опирающейся на теоретические установки и преступный опыт нацистского рейха; не жалеющих даже своего народа и озабоченных только сохранением собственной власти над страной. В дальнейшем предстоит длительный и болезненный процесс «раскодировки» украинцев, одурманенных националистическим бредом.

С момента преступного разрушения Советского Союза наша многонациональная Россия испытывала острый дефицит русской целостности. Сегодня мы получили исторический шанс на восстановление этой целостности – русского триединства (великороссов, малороссов, белорусов). Другого выбора у нас нет. Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» полностью поддерживает военную спецоперацию на Украине, желает нашим Вооружённым Силам скорейшей победы над силами зла, а украинскому народу – скорейшего выздоровления и возвращения в круг бытийных интересов триединого Русского народа.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан
Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2022
© Авторы, 2022

Фашизм. Откуда он взялся?

Уж, казалось бы, за шесть тысячелетий человечество опытным путём исследовало все пути жизни человеческой. И индивидуальной и общественной. Но почему же ни человек, ни общество никак не становятся умнее? Ведь только дураки могут позволить надеть себе на голову узду так называемого «мирового порядка», а на шею хомут так называемых «общечеловеческих ценностей»?

Там, где этот порядок как правило насильно внедряется, льётся кровь, ломается устоявшийся быт, рушится национальная культура, отчаяние и безысходность овладевают душами людей.

В самой главной войне истории человеческой цивилизации, Великой Отечественной, был побеждён фашизм. Казалось, навсегда. Но вот он опять являет свой звериный лик, сопровождая и охраняя шествие по миру «мирового порядка».

Так кто же или что же остановит нашествие фашизма новых времён? Без этого миру спокойно не жить. Такие времена настали, что никто даже и не заикается о светлом будущем. Какое светлое? Какое будущее? Мы же постоянно видим, что человек становится не лучше, а хуже. Где эта хваленая эволюция?

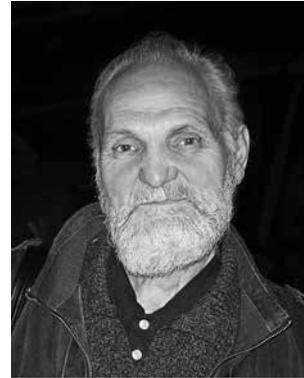
Нет эволюции. Если и есть, то только со знаком минус. Какой позор для просвещения России, что в школе доселе преподаётся происхождение жизни от одноклеточных. Это явный признак того, что учебники биологии писали одноклеточные. Ведь человек не от обезьяны, его Господь Бог сотворил.

Но откуда же взялся фашизм? И неужели кто-то ещё думает, что его можно остановить дипломатией, экономикой, деньгами, оружием? Всё перепробовано и всё не помогло. Его остановит единственное – обращение западного мира к Иисусу Христу.

Так откуда же взялся фашизм? Где его корни?

Распятие и Воскресение Христа – это не история, это непреходящий центр мировой жизни. У Бога нет времени, он вечен и бесконечен, всегда

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

был и всегда будет. Он любит нас, дал нам свободу выбора. А на что её тратит человечество? Мы, православные, живём для соединения с Богом, это главное наше отличие от теперешних наших недоброжелателей.

А остальной мир? В этом мире уже не стыдно, а почётно быть гомосексуалистом. А отчего погибли города Содом и Гоморра, Помпея, разрушен Карфаген? Именно из-за Божьего гнева к этой мерзости. И что, Богу трудно ещё пару раз потряхнуть землю под нечестивцами?

Времена раннего христианства. Гонения на христиан. Кровь, пытки, кистри, казни, звери разрывают верующих... и что? Учение Христа только усиливается. Ибо люди видят великую награду для мучеников – жизнь безконечную.

Иудеи – враги Христа, видят бесполезность физических гонений на христиан и идут по пути хитрому, иезуитскому – изгоняют из Священного писания его Христологическую основу. Убирают из Ветхого Завета книги Макавеев, Пророка Исаяи, других, говоривших о приходе в мир Сына Божия, уродуют сердце Ветхого Завета – Псалтирь, изгоняя из него всё, что говорит о спасении. Оказывается, Бог не воскрес, а «проснулся». Делают так называемый масоретский перевод Библии, который стал основой для латинского его варианта – Вульгаты.

Мы, слава силе Твоей, Господи, получили перевод Писания, выполненный семьюдесятью толковниками, так называемую Септуагинту, сохранившую чистоту первоначальных источников Священных книг.

Итак, западный мир стал жить без Христа, а что из этого получилось, мы видим воочию. Держат его на плаву только доллар, дубинка и наглость.

Вообще, думающие люди Запада, а они и там были, где-то к средним векам стали соображать, что что-то неладно: Писание есть, а миропорядок рушится. Стали с тоской вспоминать античность и её возрождать, и время это доселе сльвёт, как время Возрождения. Но какое там возрождение? Возрождалось дикое язычество. Ну да, Парфенон, Фидий, фаюмский портрет, олимпиады, театр... Но ведь всё это без центра, без Единого Бога. Богов на Олимпе много, да нет симфонии: Геба ветрена, Гефест хромает, Посейдон мокрый, Афина на охоте, Афродита у зеркала...

Не получилось у Запада никакого возрождения: продолжались войны, грабежи, работоторговля, золотишко заехало в красный угол. Спасти бы от этого молитвой, но кто будет молиться, у кого она сильна? В монастырях разврат. Дошло до того, что от греха стало можно (и модно) откупиться. Купи индульгенцию, получи квитанцию и иди, грешни. Кстати, Лютер восстал как раз против индульгенций. Протест честного человека. Но потом он поставил в основание протестантизма не восточную Церковь, а понятие прихода, и что? И стали протестанты плодиться без передышки. У всех своя платформа, свои вожди, и все, конечно, по-своему правы. А это как раз признак сектантства.

Энциклопедисты выбивались из сил, доказывая, что можно прожить без Бога. Особенно сатанист Вольтер. Да и Руссо, и Дидро. Руссо: «Главная привычка – не иметь никаких привычек», – искалечил «зеркало русской революции». Лев Толстой, даже образок с изображением Руссо на шее вместо крестика носил. Увы, сильны бесы, слушали больше их, а не здравые умы Гёте, Ломоносова, Державина, Пушкина, святых. И позднее, хорошо ли читали Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, Леонтьева? А Данилевского?

Вернёмся в XVIII-XIX века. Думали, думали западные умы, что же спасёт мир? Додумались – чувства, воспитание чувств! Джон Локк доказывал, и это вроде правильно, ведь именно чувствами мы познаём мир. Но одному холодно, другому в это же время жарко, одному недосолено, другому пересолено. Одному верста коротка, другому и аршин длинен. Словом, как в при сказеньке, один говорит: стрижено, другой: брито.

Кант, Гегель, эти взялись за разум. И тоже верно: кто управляет чувствами? Разум. Но и с разумом незадача, он же разный у всех. Опять перессорились.

Далее замаячили Шопенгауэр, Ницше. Эти ребята посерьёзнее. У них есть железное слово: воля. Воля, она разгуляться ни чувствам, ни разуму не даст. И вот как раз тут-то диавол и высовывает на свет теорию происхождения видов Дарвина. О, какое ликование было в стане безбожников! Не Бог нас сотворил, не Бог, от обезьяны мы. Кстати говоря, ведь они это о себе говорили: доселе эти потомки шерстяных тварей цепляются за всякие черепа неандертальцев, за коллаидеры. Что угодно, лишь бы без Бога обойтись.

Без Бога хотели дойти до образа сверхчеловека. Как иначе: от инфузориитуфельки дошли до человека, надо дальше идти. Отсюда и фашизм, он от обезбоженности. Шли к человеку, дошли до озверения.

Не спасали Конституции: где Конституция, там безправие. Не спасали банки: где банки, там нищета, не спасали партии: где партии, там интриги, склоки и враньё и т.п. Миром правила и правит жадность: к власти, к богатству, к пространствам, к славе. От Бога установленная система монархической власти была свергнута революциями, и если где она ещё осталась, то в картонном, декоративном виде, а не в настоящем, когда царь – единовластный хозяин и отец нации.

Неужели ещё кто-то из простаков верит, что демократия создана для людей? Создана для их безправия, унижения, ограбления. Царствует при ней, особенно в России, диктатура воровства. А что нас жалеть, сами же в неё верили. Кому верили? Чикагским мальчикам, Горбачёву? Пьяному руководителю с лицом ресторанного вышибалы? Почему же не верили, не вняли святому Иоанну Кронштадскому, сказавшему на все времена: «Демократия в аду». В аду и живём. Так нам и надо.

В сверхчеловеки славян не пустят: черепа (по теории Ломброзо) не подойдут. В сверхчеловеки, нам, славянам, нельзя, мы недочеловеки, унтерменши, нам хватает водки, табаку и балалайки. Да ещё егэобразного обезьяньего образования. При котором так и не научишься читать и писать, а только будешь тыкать в кнопки, утыкаться в большие и маленькие экраны, любоваться развратом, ржать над пошлостью и мерзостью «камеди-клубов», поглощать синтетику и отраву современной пищи, пить, курить и колотьясь. И верить, что Россия способна развязать войну. И что фашистов победила Америка. И что гомосексуалисты – это хорошо, а целомудрие плохо.

В мире одно противостояние: кто за Христа, кто против. Всё остальное прикладное.

Фашизм не победить, пока Запад не обратится ко Христу. Это единственное условие. Всё другое от лукавого.

И не надеяться, что мы скоро его победим.

Молиться надо! Спаси, Господи, Россию, Дом Пресвятой Богородицы!

ЮБИЛЕИ

К 90-летию со дня рождения Фазу Алиевой

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

«Я родилась горянкою простою...»

Многонациональная советская и российская литература представлена большим рядом славных имён поэтов и прозаиков, создававших свои произведения в преемственности по отношению к русской классике, к богатым и многообразным национальным традициям наших братских народов, в согласии с духом мятежного и творческого XX века. Все народы Советского Союза принимали активное участие в строительстве новой жизни, основанной на принципах социальной справедливости, взаимного уважения и единства созидательных целей. Литература Советского государства оставила наследие, которое навсегда вошло в золотой фонд культуры России и всего просвещённого мира. Одним из выдающихся деятелей литературы, утверждавших своим творчеством высокие гуманистические идеалы, человеческое и национальное достоинство, принципы равенства и братства, народные традиции прошлого и достижения живущих поколений, была дагестанская поэтесса Фазу Гамзатовна Алиева (1932–2016). Её творчество органично вошло в духовную жизнь всего нашего народа, пользовалось признанием и любовью читателей всех национальностей. Её произведения переводились на иностранные языки, были известны далеко за пределами нашей страны, практически во всём мире. Фазу Алиева была удостоена высокого звания народной поэтессы Дагестана, и это звание полностью отражало масштаб её таланта и личности. Вклад Фазу Алиевой в российскую литературу и государственность был отмечен высшим орденом Российской Федерации – орденом Святого апостола Андрея Первозванного.

Для моего поколения Фазу Алиева была живым классиком, чьи стихи звучали по телевидению и радио, публиковались на страницах авторитетных изданий. Главной причиной её популярности было то, что в её поэзии люди находили ответы на вопросы, волнующие каждого человека,

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, критик, публицист, переводчик. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работает в Московской городской организации Союза писателей России. Кандидат филологических наук, Секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Международной Федерации журналистов. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан, Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия.

Живёт в Москве.

независимо от возраста и национальности. В то же время, большое значение имела авторская интонация, способность поэтессы говорить о вечных вопросах простыми словами, не снижая при этом уровня их глубины и сложности. Она любила своего читателя и доверяла ему, и читатель отвечал ей взаимным доверием и любовью.

Как и её великий собрат по перу, народный поэт Дагестана Расул Гамзатов, Фазу Алиева свои произведения создавала на родном аварском языке. Очень быстро её творчество получило признание в Дагестане. В переложении на русский язык лучшими нашими поэтами-переводчиками стихи обретали русскоязычную форму и становились фактом не только дагестанской, но и русской

Фазу Алиева

поэзии. Аварский народ дал Дагестану такие прославленные и всемирно известные имена, как Махмуд из Кахаб-Росо, Гамзат Цадаса, Расул Гамзатов и ещё целый ряд талантливых поэтов – наших современников. Фазу Алиева органично восприняла эту линию преемственности, посвятив всю свою жизнь служению родному языку и народу Дагестана. Уже сами названия её книг свидетельствуют об их гуманистической, национальной и общечеловеческой направленности: «Мой родной аул», «Резьба на камне», «Вечный огонь», «Орёл точит клюв о камень», «Родники рождаются в горах», «Аварские тосты», «Закон гор», «Нежность», «Корзина спелой вишни», «Когда радость в доме», «День добра», «Память», «Целебное слово»... Благородный подвиг – развитие родного аварского литературного языка – ставит Фазу Алиеву в ряд выдающихся деятелей дагестанской и российской культуры. В нынешнее время, когда, в ходе процесса глобализации, происходит настойчивое и зачастую агрессивное вытеснение национального духа на обочину магистрального направления культуры, особенно остро ощущается необходимость писателей, развивающих свои языки. Многонациональный и многоязычный Дагестан на протяжении XX века обогатил нашу общероссийскую литературу большим количеством талантливых произведений. Необходимо, чтобы и в дальнейшем поэты и прозаики Дагестана и других республик продолжали творить на родных языках, давая возможность соотечественникам-россиянам лучше узнавать нашу великую Россию, в которой в братской любви и мирном труде живут такие разные и такие талантливые народы. В этом состоит завет Расула Гамзатова, этому благородному призванию служила Фазу Алиева, на этом поприще неустанно работает нынешний Союз писателей РД под

руководством народного поэта Дагестана Магомеда Ахмедова – талантливого и самобытного продолжателя дела своих великих предшественников.

Моё личное знакомство с Фазу Гамзатовной Алиевой состоялось 5 декабря 2007 года, в ходе празднования 75-летнего юбилея знаменитой поэтессы в Махачкале, в Государственном республиканском русском драматическом театре им. М. Горького. По поручению Правления Московской городской организации Союза писателей России я поздравил Фазу Гамзатовну с юбилейной датой и вручил ей нашу писательскую награду – Золотую Есенинскую медаль. Поразило огромное количество народа, пришедшего на праздничное мероприятие в большой зал главного театра Махачкалы. Зал был заполнен, люди стояли в проходах, сидели на ступеньках, заворожённо внимаая тихому, но твёрдому и энергичному голосу своей прославленной соотечественницы. Был оглашён текст поздравительной телеграммы Президента России В.В. Путина, в которой была дана высокая оценка творчества и общественной, просветительской и организаторской деятельности Фазу Алиевой. Вечер продолжался более двух часов, было большое количество поздравлений – от государственных и общественных деятелей, друзей и собратьев по перу. Фазу Гамзатовна с достоинством принимала знаки уважения и признания. Впоследствии, в ходе праздничного банкета, мне удалось перемолвиться с ней несколькими словами. Я выразил ей своё искреннее уважение, от имени московских писателей ещё раз пожелал здоровья и вдохновения. Она в ответ улыбнулась светлой спокойной улыбкой и поблагодарила за поздравление, награду и добрые слова. Поразило то, что от этой маленькой хрупкой женщины с негромким голосом исходило ощущение большой внутренней силы, твёрдого и мужественного характера. Но иначе ведь и не могло быть. Она не смогла бы столько сделать, добиться таких результатов и в литературе, и в общественной жизни, не обладая, помимо таланта, выдающимися личностными качествами.

Вторая моя встреча с Фазу Алиевой состоялась через пять лет, в 2012 году в ходе празднования её 80-летнего юбилея, которое проходило так же в Русском драматическом театре Махачкалы. Всё была на такой же высокой духовной волне – заполненный поклонниками зал, огромное количество выступающих, взволнованные лица друзей и коллег. И самое главное – дух единства народов Дагестана, которые сплотила своим талантом и силой духа хрупкая женщина с негромким голосом. Это был истинный праздник поэзии и народного единения.

Главные темы стихов Фазу Алиевой – это любовь к Родине и к своему народу, уважение к честному труду, приверженность традиционным ценностям. Для выражения вечных общечеловеческих помыслов и чувств поэтесса не придумывала новых слов, но умела так использовать знакомые слова, что они обретали первозданную свежесть и прелесть. Это хорошо удалось передать её талантливым переводчикам на русский язык.

*Я родилась горянкою простою,
Но голос мой был с детства не простой –
Был полон родниковой добротой,
Пронизан ледниковой чистотой,
Овеян гор суровой красотой,
В нём отразилось всё пережитое,
В нём и снега, и лето золотое,*

И.Ю. Голубничий и Ф.Г. Алиева, 2012 г.

*И тучи над тропинкою крутою,
И жарких трав дурманящий настой...*

(Перевод С. Северцева)

Поэтесса простыми и в то же время яркими художественными средствами подчёркивает своё кровное родство с Отчизной, с её природой, с героическим прошлым своего народа, и делает это очень талантливо, проникновенно и убедительно. Характерно, что она сразу же, в первой строке, заявляет о своём простом происхождении, подчёркивая свою принадлежность к народу. Она – часть народа, народный поэт в глубинном, бытийном смысле этого определения.

Стихи Фазу Алиевой зачастую афористичны, она обладала способностью вместить в малое количество строк большое содержание, глубокую мудрость, сильную эмоцию.

*За старыми дворами и домами
Увидела я дерево в саду,
Избитое ветрами и дождями, –
Все корни на виду.*

*И памятью я потянулась к маме,
К её рукам, приученным к труду,
Избитым и ветрами, и дождями, –
Все жилки на виду.*

(Перевод В. Туркина)

Какое простое, и в то же время глубокое, классическое обобщение, какая тонкая ассоциация... Следует обратить внимание на то, как органично использовано сопоставление, поэтому столь сильным делает оно эмоциональное воздействие на сознание и воображение читателя. Один из признаков большого таланта – уметь найти сильную и правдивую аналогию и оформить её в слове так, чтобы она звучала предельно жизненно.

Горячо и исповедально выражена в поэзии Фазу Алиевой любовь к Отчизне.

И здесь также, в соответствии с масштабом её дарования, стихотворная речь выражает содержание и чувство в предельно концентрированной форме, не растекаясь в риторике и многословии. Каждая строка несёт максимальную смысловую и эмоциональную нагрузку, каждое стихотворение передаёт чувство и мысль в их концептуальной завершённости.

И.Ю. Голубничий на вечере памяти Фазу Алиевой

*О если бы страданья всей отчизны
Сумела в сердце я своё вобрать
И всеми ранами моей отчизны
Одна могла за всех перестрадать,
Тогда бы эти прежние страданья
Уже не мучили сердца людей,
И в трудный век борьбы и созиданья
Дышалось легче родине моей...*

(Перевод С. Северцева)

Жизнь Фазу Гамзатовны Алиевой являет собой пример неустанного служения Родине, народу и родному языку. Её заслуги были отмечены государственными наградами СССР и Российской Федерации. Её жизнь напоминает о том, как в нашей великой стране человек, обладающий талантом и целеустремлённостью, имел возможность выбиться в первые ряды и стать для молодых поколений своих соотечественников примером того, как нужно жить, как строить свою судьбу, каким идеалам служить, чтобы стать достойным членом общества и гордостью своего народа. В современном мире, где на словах проповедуются общечеловеческие ценности, а на деле зачастую торжествует вульгарный материализм и попирается человеческое достоинство, так остро ощущается необходимость талантливого и честного поэтического слова, способного объединить народ, поставить перед ним великие цели и вести его к достижениям этих целей – во имя правды, добра и справедливости. Таким талантом была щедро одарена верная дочь Дагестана и всей России, истинно народная поэтесса Фазу Гамзатовна Алиева.

ПОЭЗИЯ

Магомед АХМЕДОВ

МАГОМЕД АХМЕДОВ

Магомед Ахмедович Ахмедов – российский дагестанский поэт, переводчик, критик, публицист, общественный деятель. Родился в 1955 г. Народный поэт Республики Дагестан. Председатель Правления Союза писателей Дагестана. Сопредседатель Правления Союза писателей России. Лауреат Большой Литературной премии России, литературной премии Международного фонда Расула Гамзатова, Государственной премии Республики Дагестан. Переложил на аварский язык ряд произведений Александра Пушкина, Александра Блока, Сергея Есенина, Юрия Кузнецова, Николая Рубцова, Владимира Соколова и ряда других классиков русской поэзии. Создал литературные портреты выдающихся русских и дагестанских писателей.

Живёт в Махачкале.

«Придёт строка, чтоб мучить и звучать...»

Вопрос непростой я услышал однажды
Из уст человека, презревшего страх:
«Когда ты умрёшь от любви иль от жажды,
Чьё имя застынет на мёртвых устах?»

И я растерялся под шёпот и вздохи,
И ворот от стылого пота промок –
Я нёс на плечах отголоски эпохи,
Но был я при этом, как перст, одинок.

На сумрачном небе звезда задрожала,
Направив мне в душу рассеянный свет:
«Ведь было и звёздных мгновений немало,
А звёзды поэтов спасают от бед!..»

Огонь, затухавший в остывшем камине,
Тревожащий отсвет нацелил в меня:
«Да ведь без огня счастья нет и в помине...
Как можно Отчизну любить без огня?..»

Но сердце шепнуло: «Высокого слога
Поэту в пути не достигнуть никак,
Когда позабудет про Господа Бога
И скажет: небесная сила – пустяк!..»

И понял я, что и в часы безвременья,
Когда и не раб может спину согнуть,

Лишь Бог мне даёт и слова, и терпенье,
И высшего смысла высокую суть.

Я поднял глаза... И увидел – высоко
Парили созвездья, дрожа на весу.
И губы шепнули про Господа Бога,
Чьё имя с собой навсегда унесу.

Отару Чиладзе

«Честь имею...» – коротко и страстно...
Честь имели храбрые мужи.
Вызов на дуэль... Рассветом ясным
В пистолеты вложены пыжи...

Разве нынче помнят про дуэли?
За углом ударили под дых...
Вместе с той эпохой отшумели
Страсти дуэлянтов удалых.

Никого уже у речки Чёрной
Подойти к барьерам не зовут.
Честь иметь – давно почти позорно,
Честь имеешь? – первым оболгут.

Чёрный воск ползёт по чёрной свечке,
Чернота на кончике пера.
Черноту нам в души с Чёрной речки
Всё приносят чёрные ветра.

Бросишь взгляд... Жестоко ошибёшься.
Застит очи чёрная пурга.
Нелюбимой в чувствах поклянёшься,
Следом друга примешь за врага...

А потом, почти уже немея,
Позабыв про славу и талант,
Прохрипишь чуть слышно: «Честь имею...»,
Как с пробитой грудью дуэлянт.

Одиночество

Как можно исправить, как можно придумать любовь,
Коль рухнуло всё?.. Эта женщина стала чужою...
Но я говорю себе – истине не прекословь! –
Опять одинок? – Да я женщины этой не стою!

От белой метели в окне моём стало темно,
Сижу без огня, одиночество – жуткая пытка.
Остылую кровь всё сильнее разбавляет вино –
Печальное сердце иного не жаждет напитка.
И что тут поделатъ? Смириться?.. Такая юдоль...
Но ломит виски, и всё чуются женские руки.
И боль одиночества, кажется больше, чем боль,
И боль от разлуки, наверное, больше разлуки...

Набоков

Владимиру Павловичу Смирнову

*Россия... Звёзды... Ночь расстрела...
И весь в черемухе овраг...*

Владимир Набоков

Был он болен и слаб... И признался красавице Белле¹,
Провожая глазами её восхитительный стан,
Что устал от всего... И что нервы давно на пределе:
«Так в Россию хочу!.. Без России мечты оскудели...
Мне б куда-нибудь в горы... Безвестным... В седой Дагестан».

Я об этом узнал...
И вдруг понял – откуда высокий
Этот росчерк пера, это чудо набоковских строк.
До того, как прочёл, я уже полюбил эти строки –
Был, как горы в Гунибе, полёт его мысли высок.

И я стал его ждать ...
И я стал его ждать непрерывно.
Но душа его взмыла, невинной снежинки белей,
Выше хмурых небес, выше горных вершин Дагестана,
Выше русских берёз и отлётной тоски журавлей...

Я, как мог, сохранял
Этот дух – озорной и бунтарский,
Отпуская с ладони ранимую бабочку-стих.
И гордился, что можно теперь прочитать по-аварски
Оголённые строки, что бьют тебя будто под дых...

Значит, нет у стихов
Ни границ, ни пределов, ни сроков.
Мне всё снится ночами – истерзан, измучен и наг,
Прикрываю его... А меня прикрывает Набоков...
И мы падаем оба в набитый телами овраг...

¹ Белла – поэтесса Белла Ахмадулина

Расул Гамзатов

Где наш язык? Остался в доме плача,
Когда ты смолк, в небесный взмыв аул.
Ты был Поэт... Ты всё переиначил,
У нас два моря – Каспий и Расул.

Чем дальше ты уходишь, тем всё ближе
Становишься... А тайны наших гор
Лишь одному тебе открылись... Вижу,
Как ты глядишь на недругов в упор.

Как мы любили этот взгляд с прищуром!
Для всех влюблённых не было родней
Симфонии аварского пандура,
Гамзатовских певучих журавлей...

Те строки и рыдали, и лучились,
И как ты этот край ни назови,
Влюблённые всех стран соединились
В краю тобой восславленной любви.

С тобою малой не казалась малость,
В любом бессилье прибавлялось сил,
И даже горечь горькой не казалась,
Когда ты другу что-то говорил.

Но ты ушёл... Иные жаждут славы,
Не отточив ни слова, ни пера...
Бездарные щенки, как волкодавы,
Ликуют, что настала их пора.

Они ликуют, ничего не знача,
Их песни ветер – дунул и задул...
Где наш язык? Остался в доме плача...
Но есть два моря – Каспий и Расул.

Есть в ночи...

Есть час в ночи, длиной в одно мгновенье,
Когда ты просыпаешься в поту,
Грехи тебя зовут, зовёт прозренье,
Вопросы задают сквозь немоту.
Как ты живёшь и что другим оставишь?..
Не покривить душой, не промолчать.
И музыка в душе... А из-под клавиш
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Ты робким подмастерьем
Стоишь... Ты свой не выучил урок.
Ты всё забыл, во что недавно верил,
А что запомнил – то тебе не впрок.
И всё гадаешь – что решит Всевышний?
Позволит ли он думать и дышать?
Всё остальное лишним будет, лишним...
Спешит строка, чтоб мучить и звучать.

Есть час в ночи... Его, как мост Сиратский,
Лишь одолеет чистая душа.
Грехи же вниз потянут... В пламень адский,
Но как пройти по жизни, не греша?
И ты идёшь, гонимый чёрным веком,
На лбу сомнений горькая печать.
Но если ты остался человеком –
Придёт строка, чтоб мучить и звучать.

Николай Гумилёв

*Мы дрались там...
Ах, да! Я был убит...*
Н. Гумилёв

Брожу по Петербургу... Ночь темна.
Мелькнула тень... Ушла... Мелькнула снова.
Неверный свет из тусклого окна...
Чья это тень? Неужто Гумилёва?

Остановился... Начал свой рассказ.
Холодный вечер обжигал метелью:
«Для русских стихотворцев стал Кавказ,
Как для тебя мой Питер, – колыбелью!»

Я помолчал... Потом сказал в ответ,
Боясь – растает этот образ милый,
Что Питер сам – и город, и поэт,
Поэтам ставший братскою могилой.

Вот Пушкин умирает на снегу,
Вот гибнет Блок без воздуха и звука.
Есенин в «Англетере»... Не могу
Иначе думать – вот какая штука.

На небе Петербурга столько звёзд!
И каждая звезда – душа поэта.
В мой Дагестан стремится звёздный мост.
И здесь свинец – мне помнится про это.

Лишь горы знают тайны их смертей:
Друг застрелил Махмуда – кровь кипела,
Хан ослепил Саида без затей,
Анхил Марин с зашитым ртом запела.

В Сибири побывал Казак Ирчи,
Петь песни запретили Батыраю.
Судьба поэта... Сколько ни кричи,
Иной судьбы для гения не знаю.

И снова темень... Узкий двор тюрьмы,
Выводят на расстрел приговорённых.
Сто лет прошло... Тесней прижались мы –
Стоим среди Всевышним не спасённых.

– Кто здесь поэт известный Гумилёв?
Вас отпускает наша власть Советов...
... Он будто бы не слышит этих слов:
«Я – офицер, не вижу здесь поэтов!»

Переспросил я: «Вправду было так,
Иль кто-то фантазирует без меры?»
Он усмехнулся: «Жизнь – такой пустяк!
Я был поэт, да вышел в офицеры!»

И снова по Гунибу мы бредём,
Как только что брели по Петербургу.
И снова с Гумилёвым мы вдвоём
По-братски делим тёплую тужурку.

И снова понимаю я – Поэт
Весь шар земной своим спасает словом.
А, значит, в этом мире смерти нет,
Пока шагаешь рядом с Гумилёвым!

Плач слепого охотника

Я – старый охотник... Я выбился просто из сил,
Бродя по ущельям, одежду стирая в отрепья.
Последнего тура я нынче в горах застрелил,
А пуля вернулась... Попала в меня... И ослеп я...

В глазах потемнело... И сделались дали пусты.
И солнце шепнуло: «Тебя я навеки покину...»
За годы скитаний я столько убил красоты,
Что не отличить мне теперь от низины вершину.

Был взгляд мой намётан... В стрельбе я не знал неудач.
И падали туры, склоняя пронзённые выи.
И только ослепнув, вдруг понял – я только палач...
А где эти души, а где эти души живые?

На шелест, на шорох умел я мгновенно стрелять,
Мой выстрел являлся предвестником смертного часа.
Куда всё девалось? Я это не в силах понять,
А сердце похоже на турье сгоревшее мясо...

Я так ликовал, если выстрелом сбитый моим
Катился подстреленный тур вдоль глухого ущелья.
И кровь закипала... И был я Аллахом храним,
Но кровь моя сделалась чёрной, как мутное зелье.

Тяжёлое солнце стекало в межгорный провал,
И скалы пугались вот этого лютого смеха,
Когда я, убивший, от радости долго скакал,
И сердце гудело в груди, будто горное эхо.

А нынче Всевышний забрал мой прищуренный взгляд.
Во тьме засыпаю... Во тьме просыпаюсь и каюсь...
И только в мозгу моём выстрелы снова звучат –
От них просыпаюсь... От выстрелов я просыпаюсь.

Последний мой выстрел... Тур падает, громко храпя,
А сердце опять наполняет шальное веселье.
Я снова стреляю... И вновь попадаю в себя,
Подстреленным туром летя в грозное ущелье.

Облака

Тучки небесные, вечные странники...

М. Лермонтов

Люблю вас, облака, парящие вдали,
Художники небес, рисующие вечность.
Вы свет людских сердец на небо вознесли,
Чтоб заново уплыть куда-то в бесконечность.

И только ваша тень легла на тень мою,
Две тени на земле одною тенью стали.
Я в горечи своей о Родине пою –
Ей тоже нужен свет средь мрака и печали!

Плывите, облака, мне вас не удержать,
Два облака парят, и лучик солнца – между.
Пусть мне не воротить свою былую статью,
Но, уплывая вдаль, вы дарите надежду.

Довольно ей рыдать бессильно на земле,
Довольно и стихам напрасно ждать свободы!
Дарите белизну, пока вы не во мгле,
Пока летит строка сквозь горести и годы.

Ведь это на земле важнее всего – загон,
Где держит властелин доверчивое стадо.
Плывите в небесах, там свет со всех сторон,
И никаких оград ничьей душе не надо.

Но всё-таки земле оставьте хоть клочок
Той воли, облака, что вас несёт далёко,
Чтоб Родину мою пусть чуточку, но смог,
Он светом озарить, струящимся с востока.

Ведь Родина одна... Люблю её такой,
Какою даровал Всевышний в миг рожденья.
Гляжу на облака... Им вслед машу рукой.
От Родины своей не жажду снисхожденья.

Забыла про меня она в мой горький час...
Неся небесный свет в медлительном полёте,
Парите в небесах... Нет Родины у вас.
Мне жаль вас, облака – без Родины живёте.

Памяти Сергея Наровчатова

Я прожил двадцатое лето...
В один из октябрьских дней
Меня, молодого поэта,
К Есенину на юбилей
Поехать позвал Наровчатов...
– Меня?.. В Константиново? – Да! –
Ответил он, в память впечатав
События те навсегда...
О, как я робел, выступая!
Дрожал со стихами листок.
И капельки пота, вскипая,
Текли на неопытность строк...

Как быстро года промелькнули!
Но чудится, что до сих пор
Стихи мои в розовом гуле
В есенинский скачут простор.
Туда, где поэзия свята,
Где слову поэта верны,
Где рядом со мной – Наровчатов,
Пришедший со страшной войны.

Где юность... Где ветры тугие,
Где зёрнышка ищет скворец...
А нынче поэты другие –
Без боли... Любви... И сердец...

Птица сердца

Владимиру Кострову

Вновь птица сердца в грудь стучит мою,
Чтоб песню, что в душе, закрыть крылами.
А я слезами камни напую,
И камни зарыдают вместе с нами.

И заиграет музыка в ночи,
Чтоб хмурость смыть с грядущего рассвета.
Коль безголос, то лучше помолчи –
Для тех, кто слышит Слово, песня эта!

О, птица сердца, вольности сестра,
Ты лишь у гор и совести во власти.
Будь к Родине моей всегда добра –
Ведь сам Всевышний к ней не безучастен.

Пускай погряз в коварстве новый век,
Но и в ночи я слышу клёкот птицы.
Она кричит, что тот не человек,
Кого во мгле не радуют зарницы.

Она гнездо не бросила своё,
И в жаркие края не упорхнула.
Когда явилось злое воронье,
Чтоб свет изгнать из каждого аула.

О, птица сердца! Жар других сердец
Несёшь, крича: «Чтоб тучи не сгущались,
Твори, Поэт!.. Чтоб вороны боялись...
А кто не слышит песни – тот мертвец!»

Николай Рубцов

Зелёные звёзды порою мне светят с небес,
Зелёные травы мне дарят зелёные тайны.
И в зелени луга мне чудится столько чудес,
Хотя я всего лишь – растерянный путник случайный.

Здесь всё неподдельно, и всё пробирает до слёз,
И сердце поэта зелёное марево лечит.
Зелёные косы раскидистых русских берёз
В Гунибе ласкают мои утомлённые плечи.

Стою у надгробья и что-то боюсь говорить.
Земля вологодская... Скромная эта могила.
Любимая только способна поэта убить...
Ты просто любил... А любимая просто убила...

Зелёные звёзды с собой ты неслышно унёс.
Стою у могилы... Какие здесь могут быть речи?
Зелёные косы родимых гунибских берёз
Мне в Вологде молча ласкают усталые плечи.

Ушёл ты не понятным... Не понимают меня –
Вовек не сойти нам с того бесконечного круга.
Но токи земли через нас проникают, звеня,
В высокое слово... И мы понимаем друг друга.

Я горского хлеба принёс тебе щедрый кусок,
Голодные птицы на хлеб напустились оравой.
Ты был одиноким... Я тоже давно одинок.
Бог видит – сочтёмся с тобою посмертной славой.

Боюсь обмануться и что-то промолвить не то...
Могила твоя не забыта в краю богоданном.
Есть памятник даже... Ты в чёрном немодном пальто.
И в шарфике чёрном... С нелепым своим чемоданом.

Собрался в дорогу... Последний готов пароход...
Вечернее эхо неспешно парит над рекою.
Минута-другая – и твой пароход уплывёт...
Последним поэтам ты нервно помашешь рукою.

Букетик к букету... Торжественный траурный ряд.
Стихи подступают... И нет у поэзии края.
Стихов твоих звёзды давно над Гунибом парят,
Цветы из Гуниба у ног твоих чуть озаряя.

Из «Египетской тетради»

1.

Памятник

Я памятник себе воздвиг нерукотворный...

А.С. Пушкин

У пирамид стою, где воздух выпит
Тысячелетней сущностью времён.
Не начертал ни слова здесь Египет.
Ползут века.... Безмолвен фараон.

Не знаю ничего, хоть мир просторен,
Что было бы вселенского важней –
Два памятника... Тот – нерукотворен,
За этим – сотни жизней и смертей!

Какая-то неведомая сила
Душой владеет, в память заложив
Хеопса ненасытного могилу,
На «милость к павшим» пушкинский призыв.

Тропа не зарастает к пирамиде
Не потому, что нету здесь травы...
Я фараона не хочу обидеть –
Ведь с ним тысячелетия на «Вы».

Но для строки преград нет и кордонов,
А потому, примите без обид –
Поэзия превыше фараонов,
А значит Пушкин выше пирамид.

2.

Взглянула...
Эти очи роковые!
Улыбкой мимолётной обожгла
Арабка... Я забыл, Александрия,
Что я здесь гость,
Что есть ещё дела.

Бродили рыбаки,
Сновали люди,
Спешил на берег ласковый прибой.
И понял я, что сердце не забудет
Бездонных глаз
Арабки молодой.

Я здесь лишь гость,
Здесь только до зари я,
Брожу, седин от взглядов не тая.
Но всё-таки не зря,
Александрия,
Мне улыбнулась
Девушка твоя...

3.

Древний хлеб

В музеях Египта одни чудеса,
Обломки всего, что случилось на свете...
Ты здесь пробираешься за полчаса
Сквозь мрачную толщу угрюмых столетий.

Не только события жизни земной,
Но даже таинственность Рая и Ада
Мелькает, глаза ослепив, предо мной –
Я в Рай не спешу, и мне Ада не надо.

И вздрогнешь ты, если душою не слеп,
Когда попирая мирские законы,
Является взору не камень, а хлеб,
В горниле веков – на века! – испечённый.

Ты просто склонишься смиренно над ним –
Дошедшим до нас через войны и зимы.
Тот хлеб, несомненно, Аллахом храним,
А с хлебом и все мы Аллахом хранимы.

Бывало, спохватишься – соли нет,
И нечем согреть ладонь.
Но соль одолжит тебе сосед,
Даст спички разжечь огонь.

Теперь же лишь ноги кровавит наст,
Бессилен бредёшь и сед.
Попросишь... Но соли сосед не даст,
И спичек не даст сосед.

Туманны вершины, в горах обвал,
Брести не осталось сил.
Всего только соли сосед не дал
И спичек не одолжил.

Последние поэты

Прийти... Уйти... Таков им выпал жребий –
В эпоху равнодушия... Во мгле...
Поэзия рождается на небе,
А вот Поэты гибнут на земле.

От той беды, что сами очертили,
Мюриды, проигравшие судьбе.
Давно извечный выбор «или – или»
Своей строкой примерили к себе.

На кладбищах заброшенных аулов
Хоронят их, воспевших Ахульго.
Орлов – и тех с родных предгорий сдуло,
Ни Родины... Ни слова... Ничего...

Пусть нету их... Я вижу эти лица,
Они несли какой-то тайный свет.
Так можно только Родиной светиться
И словом заслонять её от бед.

Зачем их имена стране, забывшей
И собственное имя, и людей,
Когда-то книгу искренне любившей,
А нынче ставшей – лютого лютей?

Забыто всё – и строки, и дуэли,
И жертвенность, готовая на бой.
Поэты не народу надоели,
А тем, что ныне властвуют страной.

А я стою, те строки вспоминая,
Стою один... Твержу свой горький стих.
Когда уйду, страна моя родная,
То и меня ищите среди них.

Баллада

Было... Сплыло... Ушло... Мы сегодня с другими,
Но едва наступает бессонная ночь,
Колыбельною песней звучит твоё имя,
Ну а сердце не в силах прогнать его прочь.

И метельной порой, и порою предвесней,
И в жару, и в дожди песня слышится вновь.
Если вправду любовь так похожа на песню,
То и песня похожа на эту любовь.

Пусть, петляя, дорога спешит на вершину,
Где разбилась звезда, обратившись в цветок.
С высоты эту песню любви не отрину,
Уроню её в травы, где месяц продрог.

Пусть и сердце с годами моё опустело,
И напрасной моя оказалась печаль,
Это имя твоё повторяю несмело,
Эта песня плывёт в потускневшую даль.

Пусть любовь – это свет... Миром правят поэты,
Жизнь спасая строкою, коль вовсе невмочь.
Я шепчу твоё имя... Ты помни про это...
Ведь поэты себе лишь не в силах помочь.

Кто бежал впереди,
нынче в панике мчится назад,
Кто тащился в хвосте,
нынче в панике мчится вперёд...
И куда вы бежите?.. Какой в вас вселился азарт?..
Я не в силах понять...
И боюсь, что никто не поймёт...
Так куда же вы, люди? – кричу я опять и опять, –
Может жизнь оборваться...
Молитесь!..
Есть Праведный Суд...
Но толпа понимает
Одно только слово: «Бежать...»
Люди мимо себя,
Люди мимо молитвы бегут...

Перевод с аварского
Анатолия АВРУТИНА

Западник на русской подкладке

Штрихи к портрету Василия Боткина

В истории России фамилия Боткиных широко известна и, в первую очередь, благодаря Сергею Петровичу Боткину, именитому русскому врачу. Но и его старший брат Василий Петрович Боткин, очеркист, литературный критик, переводчик, также оставил свой след в той эпохе.

Василий Петрович Боткин родился 8 января 1812 года в Москве в семье известного чаеоторговца Петра Кононовича Боткина, фирма которого «Боткин и сыновья» просуществовала вплоть до роковых событий 1917 года.

Образование юный Боткин получил в пансионе В.С. Кряжева – одной из лучших в то время частных школ в России. Находясь в пансионе, Василий выказал огромное стремление к знаниям. Там он блестяще выучил французский, немецкий, английский языки, а в дальнейшем самостоятельно освоил ещё два – итальянский и испанский.

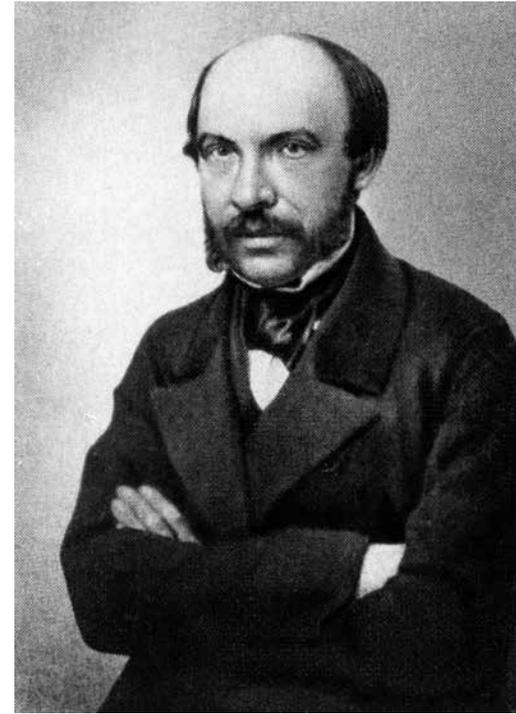
Казалось бы, с таким знанием европейских языков юноше уготована прямая дорога в дипломаты. Однако после завершения учёбы в пансионе отец определил его... приказчиком в чайный амбар, где молодой Боткин с утра до вечера помогал родителю в торговых делах. Сын старательно исполнял эти обязанности. Но даже в такой обстановке он находил время основательно заниматься самообразованием. Весь подоконник в этом складском амбаре был завален книгами, в том числе томиками Шекспира, Шиллера, Гёте, Гейне... Юноша читал их произведения в подлиннике, мечтая о скорой поездке за границу.

Ещё одной страстью Боткина была музыка. Если выпадала свободная минута, он тут же брался за скрипку. Однако случалось, что инструмент и смычок отец выбивал из его рук, требовал, чтобы он занимался делом.

Только в 1835 году Василий добился от отца разрешения поехать в Европу. Но это была, можно сказать, служебная командировка, связанная

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военнополитическое общевоинское училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

Василий Петрович Боткин, очеркист, литературный критик, переводчик

с торговыми делами фирмы отца в Англии. Успешно решив все вопросы на берегах туманного Альбиона, Боткин уговорил отца предоставить ему годовой отпуск для заграничного путешествия. Тот, как настоящий купец, поторговавшись, дал добро на поездку.

Отпуск у нашего героя удался. Он посетил Германию, Францию, Италию. Длительное путешествие очень помогло формированию его литературных и эстетических вкусов, чувства прекрасного. «Искусства я тогда не понимал, – вспоминал он позднее, – а впервые лишь почувствовал его в Италии, особенно в Риме». Действительно, наиболее тёплые и трепетные чувства остались у Боткина после Италии, которую он едва ли не всю обошёл пешком.

По возвращении из-за границы, жизнь Боткина круто изменилась. Да, он продолжал заниматься чайными делами, но од-

новременно Василий оказывается в кругу мыслящей московской молодёжи. Знакомство с Виссарионом Белинским, который уже твёрдо «протаптывал» своим бойким и острым пером путь в большую литературу, привело его в литературно-философский кружок Николая Станкевича.

Купец, путешественник, знаток западноевропейских языков сразу заинтересовал интеллектуалов кружка. «Боткин – молодой купец, недавно приехавший из-за границы, – писал Станкевич, – человек, каких я, кажется, не встречал: столько ума, столько гармонии и святости в душе... Может быть, я увлекаюсь, но нельзя не увлечься, встретив человека, в котором так много прекрасного».

Боткин был старше Станкевича, но не намного. Это был молодой человек с чрезвычайно умными и выразительными глазами, в которых меланхолический оттенок постоянно сменялся огоньками и вспышками, свидетельствующими о физических силах, далеко не покорённых умственными занятиями, писал о нём Анненков. Он был немного бледен, очень строен, и на губах его мелькала добродушная, но какая-то осторожная улыбка.

Подобную характеристику Боткину дал и писатель Дмитрий Григорович, назвав его «умным, с тонким, развитым вкусом» человеком. Он же точно подметил неуравновешенность характера Боткина, в частности, его неожиданные переходы от нежности к резкости, от умиления к беспричинному быстрому раздражению.

Знал об этих чертах характера Боткина и Тургенев, который позже прозвал его «Анчаром», посвятив ему едкую эпиграмму:

*К нему читатель не спешит,
И журналист его боится,
Один Панаев набезжит
И, корчась в муках, дале мчится...*

В отличие от большинства членов кружка Станкевича, Боткин не учился в университете. Всё его образование, как уже сказано, ограничивалось лишь частным благородным пансионом Кряжева. Конечно, новому члену кружка явно не хватало знаний, какие имели Станкевич и его друзья. Поэтому он, ощущая дружеское плечо Станкевича, с большим желанием начал постигать науки.

Боткин обладал несомненным, пусть и не ярким, литературным дарованием. Не без помощи Станкевича Василий активно приобщается к журналистской и писательской деятельности. В журнале «Телескоп», являвшемся вотчиной «братии», на постоянной основе стали печататься его путевые заметки, рецензии. Например, в течение нескольких месяцев он опубликовал в газете «Молва» (приложение к журналу «Телескоп») больше десяти заметок и рецензий, посвящённых книжным новинкам.

Довольно плодотворным было участие Боткина в журнале «Московский наблюдатель», где также костяком редакции являлись члены кружка Станкевича – К.С. Аксаков, М.А. Бакунин, М.Н. Катков во главе с неофициальным редактором В.Г. Белинским. По словам современника, это издание стало «одним из лучших журналов по цельности характера, по достоинству литературного отдела и, наконец, по критике». В 1838 году Боткин перевёл для «Московского наблюдателя» повести Гофмана «Крейслер» и «Дон Жуан», опубликовал в журнале музыкально-критические статьи о концертах Леопольда Мейера, Олебуля и Брейтинга.

Но заметный писательский след Боткин оставил своими путевыми записками. В частности, и по сей день интерес представляет увесистый том его «Писем из Испании». В своих заметках он рассказал о национальном характере испанцев, об особенностях испанского костюма, кухни, живописи, памятниках... Не забыл Боткин поведать русскому читателю о свободе нравов испанцев, их страсти к вольнице и об их «обожании тела». Годами позже Максим Горький, прочитав «Письма из Испании», скажет: «Боткинские письма из Испании не сравнимы ни с чем в литературе. Единственная книга, написанная русским о другой стране».

В других путевых заметках, озаглавленных «Русский в Париже», Боткин описал свою встречу с Виктором Гюго, автором читаемых и в наше время романов «Собор Парижской богородицы» и «Отверженные».

Когда Станкевич уехал учиться и лечиться за границу, их дружеские отношения продолжились в письмах. «Любезный Василий Петрович!» или «Милый Василий Петрович!» – так начинал обычно свои послания Станкевич к другу, которого искренне любил.

О чём они писали друг другу? Основные темы их переписки – это философские дискуссии, суждения о литературе, музыке, раздумья о «вечных» вопросах бытия, заметки о культурных событиях. «Большое sensation сделал здесь русский музыкант из Петербурга (на скрипке) Ремерс, – сообщал из Берлина Станкевич. – В пятигрошевом (60 к.) концерте удалось мне слышать симфонию С-mol Бетховена – исполнение не образцовое, но, что это за вещь, Боткин! Как я жалел, что тебя не было».

В другом письме Станкевич спрашивает своего ученика и одновременно даёт ему наставление: «Читал “Эстетику” Гегеля? Читай её, когда вздумается, ради Бога не берись за “Логику”. У Гегеля её никто не понимал – а теперь через новое преподавание идёт всё хорошо. Я возьмусь за большую порядком только по выслушании курса, а теперь исподволь читаю её. Приеду и расскажу вам всё, чему учился».

В одном из ответных писем, выражая благодарность Станкевичу за его «благословение», Боткин писал: «Мне хочется сказать честно тебе то, что никогда и ни с кем не имел я дружбы, как с тобой, что никого ещё я так не любил, как тебя любил. Что люблю и теперь не так, как прежде. Теперь ещё больше, потому что после отъезда твоего за границу я узнал многое, за что ещё больше полюбил тебя. Мне это давно хотелось сказать тебе...»

Они мечтали встретиться. «Ты верно давно знаешь, что я тебя люблю, – писал Станкевич Боткину, – и что ты принадлежишь к немногим людям, вне моего семейства, делающим мне возвращение в Россию приятным».

Но этому намерению не суждено было сбыться... Станкевич умер в 1840 году в далёкой Италии.

Между тем жизнь шла своим чередом. Боткин, по сути, продолжил дело Станкевича. Как когда-то у Станкевича на Большой Дмитровке собирались молодые умы, так теперь дом Боткиных, что на Маросейке, стал сходбищем чуть ли не всей тогдашней литературной Москвы. Виссарион Белинский, Александр Герцен, Николай Огарёв, Михаил Бакунин, Тимофей Грановский, Александр Дружинин, Иван Тургенев, Иван Панаев, Николай Некрасов... Какие славные и яркие имена! И это далеко не весь московский литературный и интеллектуальный цвет.

Словесные баталии, в которых скреживали, словно шпаги, свои взгляды и позиции западники и славянофилы, не стихали до поздней ночи. Боткин в этом уважаемом кругу мыслителей считался одним из лучших истолкователей философии Гегеля. И как тут не вспомнить незабвенного Станкевича, однажды усадившего своего друга изучать работы немецких философов! Труды эти оказались ненапрасными.

Боткин, хотя числился в стане западников, но не был таким яростным, как тот же Тургенев. «Западник, только на русской подкладке из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать жутко», – так характеризовал близко знавший своего родственника Боткина поэт Афанасий Фет.

Вот что написал в «Былом и думах» о боткинском кружке А.И. Герцен, к слову, частый гость на Маросейке: «Такого круга людей талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде, ни в высших вершинах политического мира, ни на последних маковках литературного и артистического. А я много ездил, везде жил и со всеми жил; революцией меня прибило к тем краям развития, далее которых ничего нет, и я по совести должен повторить то же самое».

«Друзья сходились большею частью по вечерам у Боткина... Разговор был постоянно одушевлённый, горячий, – это уже из воспоминаний И.И. Панаева. – Предметом его были толки об искусстве с точки зрения Гегеля: с этой точки строго разбирали Пушкина и других современных поэтов».

И ещё одно свидетельство. Писатель и литературный критик А.В. Дружинин, часто обедавший у Боткина, записал в своём дневнике: «Сборы. Огромный обед и питие. Грановский, Кетчер, Щепкин... Мне дана от Бога способность наслаждаться малым и находить поэзию в мелочах жизни, в этом отношении

я, бесспорно, пошёл далее самого Василия Петровича... Боткин, Анненков, я и Толстой составляем зерно союза, к которому примыкают Панаев, Майков, Писемский, Гончаров и т.д.»

В конце 30-х – начале 40-х годов в жизни Боткина произошёл внутренний надлом. С одной стороны, этому способствовали изрядно надоевшие ему торговые дела, в которых всё было подчинено только одному, – «ковать деньги, наживаться и наживаться». С другой – неудачный брак, выбивший его из душевного равновесия. Всё это отразилось как на общественных, так и художественных взглядах Боткина. Романтический период завершился, началась проза жизни.

Летом 1853 года умирает отец Боткина. По семейной традиции, на правах старшего брата, Василий Петрович становится на некоторое время главой семейства и владельцем большого чайного дома. Но торговые вопросы его тяготят всё больше и больше. «Здесь я словно в лесу – нет, хуже, – в лесу тень и свободно, а здесь, словно одни стволы без листьев», – признаётся он в письме Н.А. Некрасову.

Через два года, в 1855 году, как только представилась возможность, Боткин передал дела в руки подросших младших братьев, а сам уехал в Петербург. Но и литературная деятельность не приносит ему удовлетворения. После «Писем об Испании», этих замечательных южных картин, он не написал ни одного крупного произведения. Но правда и то, что Василий Петрович продолжал публиковать в различных изданиях свои статьи, рецензии, эссе, переводы.

«В Москве, оставаясь на зиму, Боткин работал для литературы, переводил и составлял статьи для журналов, – свидетельствует в своих «Воспоминаниях» Александра Владимировна Щепкина, урождённая Станкевич, дружившая с Боткиным. – Он был так добр, что желая доставить удовольствие своим знакомым, собрал однажды у себя друзей и дам и прочёл нам одно из своих произведений. Это была его статья о Скандинавской мифологии и о героях скандинавских саг. Статья эта вошла в собрание его сочинений и замечательна своим изящным изложением. Впервые познакомила она тогда многих с оригинальными и величавыми образами богов скандинавской мифологии, начиная с Одина, белеющего сединами, как снега северной зимы».

Между тем жизнь Боткина клонилась к закату. Некогда крепкого сложения человек, с чрезвычайно умными и выразительными глазами, он стал терять зрение и способность двигаться. Поездки к заграничным лекарям, к сожалению, не приносили желаемого результата. Боткин, словно свеча на кандиле в церкви, медленно сгорал.

По свидетельству современника, за три дня до смерти, будто предчувствуя свой уход в мир иной, «он как бы на прощальный пир пригласил обедать старых друзей своих... Самого его принесли на руках и поместили на хозяйском месте; он не владел руками, и печать смерти, видимо, уже лежала на нём, но глаза блистали огнём полного и живого сознания. Ел он мало, но с видимым удовольствием. В середине обеда он опустил голову и лёг ею на свою тарелку, на которую тотчас же положили маленькую кожаную подушку... А вокруг него шёл все тот же весёлый и живой разговор, который так любим был им и в котором он чувствовал необходимость до самых предсмертных своих минут. К десерту он велел вновь приподнять себе голову, съел какой-то фрукт, потом перенесли его на диван, и гости его продолжали вокруг него смеяться и болтать.

А накануне смерти Боткин заказал себе к следующему утру выступление квартета и долго обсуждал его программу.

– Музыку надо выбрать пояснее, – давал он последние указания одному из друзей, – я ведь слаб, сложное утомит меня».

Он скончался октябрьским утром 1869 года под «Лунную сонату» Бетховена. Сразу несколько изданий отдали дань памяти Боткину. В некрологе, помещённом в «Московских ведомостях», было сказано:

«Кто понимает значение художественного элемента в развитии человека и общества, тот оценит и значение Боткина в нашей современной культуре. Он много способствовал развитию эстетических потребностей в той социальной среде, где родился и, благодаря своему дальнейшему образованию, высоко развившемуся чувству изящного, воспитанному основательными и многосторонними изучениями, при своих литературных связях, он имел несомненное влияние и на ход нашей литературы. К его советам прибегали даровитейшие из наших современных писателей, с которыми он находился в дружеских отношениях. Он присутствовал при рождении лучших произведений сороковых и пятидесятых годов, он оценивал их прежде, чем они появлялись в свет, и его тонкой, умной критике многие из них были отчасти обязаны своим успехом. Он был знаток живописи, изучил все галереи в Европе и имел обширные познания в её истории. Но особенно любил он музыку, которая была господствующею страстью его души».

В другом некрологе, не менее трогательном, говорилось: «...даже в последние годы, уже удручённый болезнью, он следил за всем, что совершается в нашем Отечестве, с истинно патриотическим настроением. Около него охотно собирались люди самых разнообразных убеждений, потому что не было в нём вовсе нетерпимости, и всякий извлекал много поучительного из разговора с этим увлекательным, приятным и остроумным собеседником... Если будущий историк нашего умственного развития не ограничится только тем, что представит печать, а обратит внимание на влияния, хотя и малозаметные для массы публики, но тем не менее действовавшие сильно и благотворно, то В.П. Боткину обеспечено почётное место в истории нашей литературы. Его имя будет неразрывно связано с именами целой плеяды лучших наших деятелей».

В те же скорбные дни Афанасий Фет написал и эти строки, посвятив их памяти Боткина:

*Прости! Развёрстая могила
Тебя отдаст родной земле...
Скажи, что смерть изобразила
На этом вдумчивом челе?
Ужель, добра поклонник страстный,
Ты буйству века уступил
И обозвал мечтой напрасной
Чему всю жизнь не изменил?
Ужель сказал: – «За вами поле,
Вы правы, тщетен наш союз!
Я ухожу, – нет в мире боле
Ни светлых дум, ни вещей муз!»
Нет; покидая жизнь земную,
Ты вспять стопы не обращал
И тихо лепту трудовую
Трём старшим музам завещал.*

К сказанному остаётся добавить, что незадолго до своей кончины Василий Петрович Боткин оставил духовное завещание. В нём он завещал 70 тысяч рублей на поощрение науки и искусства, в том числе: «Московскому университету и в консерватории Петербургскую и Московскую по 15 000 руб.; остальные же 25 000 руб. распределены поровну между Петербургским обществом поощрения художеств, Московскими художественным обществом, художественно-промышленным музеем, мещанским училищем и училищем для глухонемых».

Да, были люди в то славное время...

ПОЭЗИЯ

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, побывала в США, Египте, Японии. Автор восьми поэтических сборников, книги стихов и прозы, двух детских книг. Член МГО СПР.

Живёт в Москве.

Память поколений и веков

Город

(взгляд с высоты 86-го этажа)

Город – как же много нагрождено
Здесь разнокалиберных домов!
Город весь опутан, как положено,
Паутиной улиц и дворов.
Город – высота и многоярусность
От глубин земли до облаков.
Город – красота и несуразности,
Память поколений и веков.
Город – муравейник суетящийся,
Весь и ночью в сон не погружён.
Столько окон, до утра светящихся!
Столько дела и безделья в нём!

Перевидели немало судеб
Камни этих мостовых и стен!
Город к деловым и к безрассудным
Равнодушен и безжалостен!
Город – чьи-то взлёты и падения,
Чаще тех, кто стать великим мнит.
Только безразличны к мельтешению
Кирпичи, булыжники, гранит.
И в толпе здесь бродит одиночество,
Тщетно ищет для души приют.
Здесь тебя по имени и отчеству
Только единицы назовут.

Да и то не каждого, пожалуй.
 Быть песчинкой – большинства удел,
 Просто жить, довольствоваться малым.
 Тем, кто слишком многого хотел,
 Ожиданий город непокорный
 Не исполнит! Для чего ж тогда
 Кое-кто пытается упорно
 «покорить» большие города?!
 Город знал побед великих славу!
 Что амбиций чьих-то пустяки!
 Он стоит и смотрит величаво
 В зеркало петляющей реки!

Памяти В.А.

Было солнечно. Чёрная-чёрная туча
 Ниоткуда взялась, всё затмила вокруг.
 Ветер, ветками клёна по окнам метущий,
 По-разбойничьи грубо врывается вдруг!
 И обрушило небо под выстрелы грома,
 Под сверкание молний, потоки воды...

Так, бывает, мгновенно спокойствие дома
 Сокрушает внезапность неожиданной беды...

Воронья луна¹

Промозглый день. Пожухлая трава
 Ещё теплом весенним не согрета,
 От плена снежного избавившись едва,
 Не ожила без солнечного света.
 Двенадцать дней до первого апреля.
 Застряли в тучах вешние лучи.
 И из Москвы грачи не улетели –
 Зимуют в городе ленивые грачи,
 Всё бродят по раскисшему газону.
 А дождь вдруг превратился в снег опять!
 Тоскливо по-осеннему и сонно.
 Весна ли это – птицам не понять!

¹ Вороньей луной называют полнолуние в день весеннего равноденствия – в ночь на 21-е марта. По народным приметам, громкое карканье ворон перед рассветом означает конец зимы и начало астрономической весны.

Но полная луна пробилась вдруг
 Янтарным блюдцем! Ночью в мире сонном
 Волшебный свет свой разлила вокруг,
 Послав какой-то тайный знак воронам!
 Так громко в предрассветной, зябкой тьме
 Они раскаркались! И это означало,
 Что в эту ночь пришёл конец зиме,
 А для весны астрономической – начало!

«Катастрожка» Зиновьева в свете недавнего опыта

Всем известно, какое большое влияние оказывала на М. Горбачёва его жена, тем обиднее то, что в своём романе «Катастрожка» (1989) замечательный русский писатель Александр Зиновьев посвятил Раисе Максимовне один-единственный, и то несерьёзный абзац:

«Дома Михаила Сергеевича ждала новая неприятность. Любимая супруга Раиса Максимовна, прозванная обожающими её трудящимися Горбачушкой, категорически заявила, что она хочет в Париж. По Эйфелевой башне соскучилась. По Лувру побродить захотелось. А главное – годы уходят, её красота, потрясая весь мир, вянет. Пройдёт ещё пара лет, и «Ненька», престарелая супруга бывшего президента Рейгана, опять будет считаться первой красавицей мира... А уступать «Неньке» первенство по красоте нельзя ни в коем случае. Это будет грубая идеологическая, политическая и даже военная ошибка... Раисе Максимовне надо обновить гардероб в самых модных магазинах Парижа. Михаил Сергеевич и сам был бы рад посетить Париж... Но выкроить для этого пару дней никак не удавалось.»

Увы, это всё. Больше мы ничего о Раисе Горбачёвой и о её взаимоотношениях с мужем в этом романе не прочтём.

Кстати, и самому Горбачёву повезло в произведении Зиновьева ненамного больше. Он появляется

Александр Павлович Андрюшкин (1960 г.р.) – прозаик, литературный критик, историк, член Союза писателей России. Печатается с 1989 г., первое опубликованное произведение – рассказ «Полдома в деревне» («Точка опоры», сборник прозы молодых авторов. Л., «Лениздат», 1989). Работает Исполнительным директором АНО «Христианское служение».

Живёт в Санкт-Петербурге.

лишь в первой главе «Катастрожки», а потом исчезает как некий ненужный для властного расклада в России персонаж. Но был ли Горбачёв столь не нужен и мало важен, как изобразил Зиновьев?

Однако сразу же внесу ясность: я считаю Александра Александровича Зиновьева (1922–2006) одной из крупнейших фигур в духовной культуре России XX века, прозаиком и философом тем более выдающимся, что он соединил два этих типа мышления (литературно-художественное и философское), создал «социологический роман», то есть незаёмный русский жанр литературы, лучше всего пригодный для объяснения того, что происходило тогда в России, да и во всём мире.

Но у всякого жанра есть достоинства и недостатки; как и у каждого мыслителя есть сильные стороны, а есть то, что ему удалось меньше. Об Александре Зиновьеве, помимо этой статьи, мною написаны две другие; я не знаю, в каком порядке они выйдут в свет, но замечу, что в одной из них я высоко оцениваю Зиновьева как философа (как продолжателя международного философского течения скептицизма), в другой – я отдаю должное изобразительной мощи его прозаического таланта.

В данной же статье я решил сосредоточиться на политике, а это, увы, такая область, где ошибаются все, где прогнозы почти никогда не сбываются, и лишь причисление к лику святых позволяет говорить, что «такой-то» был полностью прав.

Поэтому, да простит мне читатель некоторую критику Зиновьева: она не отменяет моего глубочайшего уважения к памяти Зиновьева, а связана всего лишь с тем, что я в некоторых вопросах более согласен с М. Горбачёвым и Б. Ельциным, чем с критиковавшим их Зиновьевым.

Итак, вкратце перескажу роман «Катастрожка», написанный в сугубо критическом духе по отношению к Горбачёву, с чем я и не согласен.

В романе Зиновьева Горбачёв зачем-то решил создать в СССР свободный для въезда иностранцев район (будто не было открытых для них союзных столиц и «Золотого кольца» в придачу...). На роль этого показательного анклага он определил некий Партград и для начала послал туда комиссию из Москвы. Описание работы комиссии и составляет содержание романа. Партград объединяет многие противоречия советского строя. Город глубоко провинциален, но в нём находится самое передовое в мире предприятие «Атом». Обеспеченность города продуктами – почти на нуле (магазины пусты), но в закрытых магазинах для работников «Атома» есть почти всё. Первобытные нравы и неграмотность соседствуют с не виданной нигде в мире высотой научных исследований... И так далее. Зиновьев наслаждается описанием этих противоречий и подводит читателей к мысли: ну возможны ли хоть какие-то «реформы» в такого рода обществе? Какая может быть «перестройка», в каком направлении и по каким критериям?

Александр Зиновьев

Комиссия из Москвы наметила для иностранцев аж восемь маршрутов по Партграду и решила, что все «сойдут». Грязновато, голодно, но ведь поймут же... На этом и конец романа. Поменять в СССР ничего невозможно, не нужно, и даже пытаться не следует. Так считал Зиновьев.

Он не верил, что Горбачёвские реформы хоть к чему-нибудь приведут, и этот свой скептицизм высказал довольно резко и определённо, сначала в большой статье «Горбачевизм» (1988), а потом и в романе «Катастрожка». Напомню: Зиновьев был выдворен из СССР в 1978 году, и создалось такое впечатление, что взгляды его застыли в момент выезда в эмиграцию и далее не менялись. Ельцин, встретившийся с Зи-

новьевым в эфире французского телевидения в марте 1990 года, так и сказал о Зиновьеве: «Это человек, который отстал».

Вкратце скажу об этой передаче, затем вернусь к феномену Горбачёва. Ведущими был французский журналист Бернар Пиво, и сегодня доступна текстовая запись французского телеэфира (<http://zinoviev.info/wps/archives/518>). В передаче были представлены одновременно две книги: «Катастрожка» Зиновьева и «Исповедь на заданную тему» Ельцина (опубликованная во Франции под заглавием «До самого конца»).

Март 1990 года был временем удивительным: обе книги ещё не допускались к печати в СССР (хотя Ельцин заявил в программе, что вопрос о выходе его книги уже решён «на периферии», в Риге, на Урале и в Ленинграде). А вот Солженицына в советскую печать пропустили в предыдущем году: «Архипелаг ГУЛАГ» в «Новом мире» (1989, № 7–11). Тогда же, осенью 1989 года, состоялся знаменитый прыжок Ельцина с моста в реку (инсценировка покушения).

Оценка же событий Ельциным и Зиновьевым в телепрограмме оказалась диаметрально противоположной. Ельцин верил, а Зиновьев не верил, что социалистический строй на евразийском пространстве исчезнет (некоторые последователи Зиновьева не верят в это до сих пор). Зиновьев заявил дословно следующее:

«Я не политик... я исследователь... Что будет, я вам абсолютно точно скажу... Через пять-шесть лет восстановится нечто такое, что было при Брежнев. Даже, может быть, хуже, может быть, даже ближе к сталинскому варианту. А ещё пройдёт какое-то время, о брежневском времени будут вспоминать как о золотом веке советской истории. Вот что будет. Это я говорю как учёный».

Однако Ельцин был другого мнения. Он-то знал, насколько далеко уже зашло разрушение социализма внутри СССР, хотя, конечно, и он не мог в точности предвидеть будущие события.

Теперь к вопросу о Горбачёве. Роман Зиновьева «Катастрожка» начат с пассажира, талантливо показывающего поток сознания Горбачёва, вот цитата:

«Он был не в духе и имел на то серьёзные причины. Трудящиеся вместо минеральной воды, которую Михаил Сергеевич советовал пить вместо водки, пили самогон и всякого рода одуряющие жидкости. Снабдить трудящихся минеральной водой оказалось труднее, чем водкой. Конечно, трудящиеся могли бы удовольствоваться водой из водопровода. Она у нас не хуже минеральной. Трудящиеся, однако, этого ещё не осознали. Тут явный пробел в идеологическом воспитании. Тут тоже реформа нужна. Надо ускорить процесс идеологического воспитания. Конечно, в деле коммунистического воспитания мы опередили Запад. Значит, надо ускорить процесс опережения Запада в деле воспитания. Имеет смысл начать переводить трудящихся на систему самовоспитания, подобно тому, как мы переводим предприятия на систему самофинансирования...»

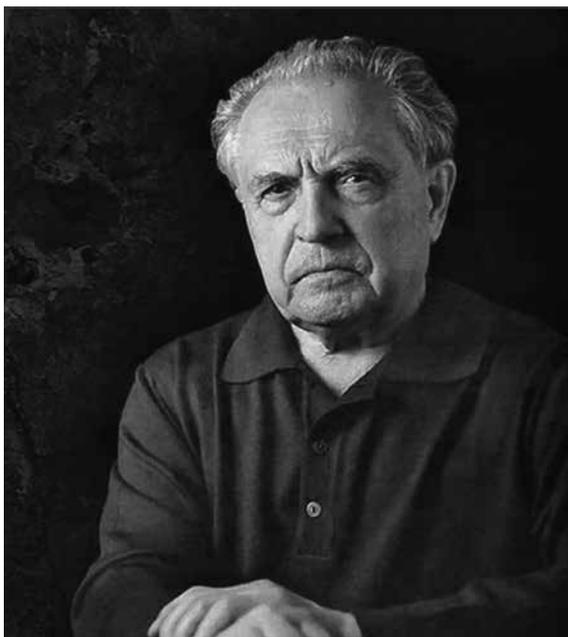
Повторюсь: мне кажется, что здесь и далее в романе Горбачёвские интонации и некоторые повороты мысли ухвачены талантливо, — однако зададимся вопросом, что именно передал здесь Зиновьев: внутренние рассуждения Горбачёва или его ораторские приёмы, то есть то, что люди обычно применяют для сокрытия намерений?

Увы, мне кажется, что Зиновьев поймал второе: болтовню, а не сущность. Суть же дела состояла в том, что Горбачёв в первые годы своего правления держал в руках мировую власть — и сам это хорошо понимал. Он даже сумел использовать Рейгана в качестве одного из статистов «хора», той «свиты», которая «играет короля».

Горбачёв, напомню, смело предложил Рейгану на пятьдесят процентов сократить стратегические вооружения. Посаженный на президентство военно-промышленным комплексом, актёр Рейган не имел полномочий даже всерьёз обсуждать такие вещи, а не то что доводить их до конца. И американцы сразу всполошились: «пятьдесят процентов — чего?» и т.д. А вот Горбачёв имел власть делать то, что считал нужным, в том числе, и в военной области, и весь мир это понял после нескольких встреч на высшем уровне.

Сегодня говорят, что Горбачёв позже непоправимо унизился до рекламы западных товаров, — но отворачиваются от позднего Рейгана, о котором тоже можно сказать, что он после двухлетнего поединка с Горбачёвым скатился до пересказа советских анекдотов под камеру и оставил попытки вершить политику.

Далее я выскажу одно очень рискованное предположение или догадку. Допустим, мы примем гипотезу об Абсолютном духе или о Мировой душе (о чём писали многие философы, но ярче всех Гегель...). Не логично ли будет

предположить, что Мировой дух переместился в Россию как раз в 1985 году, с приходом к власти Горбачёва? Но Зиновьев – хотя и был философом – такую идею, по моему, даже не рассматривал, эпохального смысла Горбачёвских реформ он, увы, не заметил.

А вот весь мир в Горбачёве увидел что-то очень необычное по сравнению с предыдущими советскими вождями, и это «что-то», повторюсь, была абсолютная власть, возможность и желание единолично решать важнейшие вопросы мировой политики.

Предпосылки к расформированию Варшавского договора и Советского Союза создал уже Горбачёв, Ельцин лишь довёл до конца эту политику. Большинство сегодня говорят, что это были чудовищные и преступные «предпосылки» и что вся политика Горбачёва была «предательством».

Если рассуждать строго практически, то это было именно так: путь к катастрофе, «Катастрофка», говоря словами Зиновьева. Зиновьев резко и определённо заявил, что начатые в СССР преобразования закончатся провалом (или приведут к восстановлению того же самого строя, возможно, в ухудшенном варианте), и он оказался прав, насчёт провала Горбачёва... Но прав только в том случае, если мы будем рассматривать Горбачёва как одного из генеральных секретарей (что делал Зиновьев).

Однако если взглянуть на Горбачёва как на того, кто вознамерился положить конец череде генсеков и выйти на иной уровень, то здесь придётся говорить не о неудаче, но об эпохальном успехе Горбачёва (и Ельцина).

Между прочим, оба эти лидера имели в чём-то похожие отношения с жёнами... Во всяком случае, совпадает факт единственного брака на протяжении всей жизни. Конечно, нельзя придавать разнovidностям брака определяющего значения. Хрущёв был женат трижды, Брежнев единожды, но мессианских черт в характере Хрущёва было, пожалуй, больше, чем у Брежнева.

И всё-таки мне кажется, что невнимание Зиновьева (женатого трижды, как и Хрущёв) к «вопросу пола» во всех без исключения его романах неслучайно и в чём-то объясняет его полный отказ понять Горбачёва и Ельцина. Скажем прямо: Зиновьев – это во многом «мачо» (то есть мужчина «бойцовского типа», таковыми практически «обречены» быть фронтовики и даже их сыновья), но Горбачёв – фигура других измерений, не сводимая к понятиям «мачизма» и, возможно, более отвечающая вневременному складу русского человека.

Такого рода вождь это – «мужчина и женщина одновременно» (слышу возгласы «чур меня!» и всё-таки пишу это). Вождь греко-русского, православного типа – это вождь наполовину практический (боевой) и наполовину

духовный; даже в большей степени духовный, чем практический. (Вспомним классическое противопоставление «папоцезаризма» и «цезаропапизма», обсуждавшееся бесчисленным количеством философов и историков, например, Владимиром Соловьёвым.) Доказательство «мужеженственности» восточного правителя это как раз – появление такой фигуры как Раиса Максимовна: она – всевластная императрица, а отнюдь не та любительница парижской моды, какой изобразил её Зиновьев в процитированном в начале статьи отрывке.

В этом, на мой взгляд, и была принципиальная ошибка Зиновьева при анализе Горбачёвской перестройки и Ельцинских реформ: неучтённые Зиновьевым проблем пола вообще и характеров Раисы Максимовны и Наины Иосифовны в частности.

Собственно, к сказанному мне добавить нечего по существу. Но осталось сделать кое-какие важные замечания.

В 2022 году исполняется сто лет со дня рождения Александра Александровича Зиновьева – писателя и философа. Указом Президента России в 2021 году был образован оргкомитет для проведения юбилейных мероприятий, их план является довольно значительным и обширным. Он включает открытие улицы Александра Зиновьева в Москве и открытие памятника Зиновьеву в Москве, намечен гала-концерт и государственный приём в честь юбилея, планируется «Зиновьевская флотилия Волга-Каспий» («Возвращение философского парохода в Россию») и многое другое.

Функционируют фонд «Александр Зиновьев» и Биографический институт Александра Зиновьева; в 2021 году впервые была вручена Международная ежегодная премия интеллектуальной литературы им. А. Зиновьева, победителями стали три литератора: Александр Логинов в номинации «Поэзия», Иван Сабилло в номинации «Проза» и автор этих строк – Александр Андрюшкин – в номинации «Эссе». Автору этих строк премия была присуждена за книгу «Статьи о литературе и истории» (СПб., 2019 г.), полный текст которой (в формате ПДФ) был размещён в год выхода книги из печати на сайте журнала «Великоросс».

Пользуясь случаем, я ещё раз благодарю журнал за размещение моей книги, а также высказываю громадную признательность фонду «Александр Зиновьев» за присуждение премии.

Возможно, кому-то покажется, что данная статья не имеет характера юбилейной и не совпадает по тональности с торжествами в ознаменование 100-летия со дня рождения философа и прозаика. Но такое впечатление было бы неверным, ибо я (повторюсь) считаю Зиновьева громадной фигурой и выдающимся писателем. В начале статьи я сделал соответствующие оговорки.

Современный философ Леонид Поляков заметил недавно, что верность Зиновьеву его последователей (к каковым Поляков относит и себя) должна заключаться не в дотошном пересказе его романов или высказанных в них идей, а в том, чтобы мыслить свободно и не склоняться перед авторитетами.

Думаю, что данная статья (при наличии в ней некоторых критических соображений) выдержана в духе моего глубокого уважения к Александру Зиновьеву.

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

ИННА МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Неравнодушно сердце бьётся

Хирургу-офтальмологу Н.И. Овечкину
с благодарностью

Вы доктор от Бога,
Так, видимо, надо,
И это понятно
Нам с первого взгляда.
От Ваших вопросов,
Анализа зрения
Исходит уверенность
В Вашем умении.
Всё руки решают,
Руки хирурга,
И многих спасают
Они от недуга.
И наше спасение –
Ваша награда.
Так много дано Вам,
Так, видимо, надо!

Служение слову

В.И. Пальчикову

Ваши истины – даль окоёма,
Закольцованных мыслей каскад.
Бьёт энергий поток неуёмный,
Не взыскав похвал и наград.
Рассыпаются искры огня,
Палиндромные цепи звенят.

Русские берёзы

Обвенчались берёзы с Россией,
Словно нет им любимей земли,
И молитвы великую силу
Кроны-крылья с собой понесли.

Спят под ними безмолвно солдаты,
Птицы песни слагают свои.
Обелиском – берёзы. Когда-то
Здесь жестокие были бои.

Не подвластны житейским невзгодам,
Боль и радость земли берегут,
Белоствольные наши сквозь годы
Вместе с нами по жизни идут.

Память

«Птица – Память»
Н.А. Головкин

Мы вспомним, вспомним
Всех своих,
Любимых, близких и далёких.
Чужих, забытых, одиноких,
Ослепших, умерших от ран
И от разрывов бомб широких.
Мы вспомним, вспомним
Всех пропавших,
Сражавшихся с врагом
И павших,
И в эти дни помянем их.
Пусть многое годами стёрто,
Но документы в гимнастёрках
Истлевших, каску, номера,
Нам их давно найти пора.
Всех тех, кто был до нас
И будет.
Пусть память наша не остудит.
Неравнодушно сердце бьётся,
Полком бессмертным отзовётся.

Бессмертный полк

Красная Площадь

Бессмертный полк, Бессмертная Россия.
 Нас никогда и никому не победить,
 Мы помним всех, и в этом наша сила.
 Мы будем память бережно хранить.
 Портреты держат правнуки и внуки,
 Звенят героев павших ордена.
 Сомкнём ряды, и если надо, в руки
 Возьмём оружие. Мир! А не война.

Родившимся под знаком овна

Душе – мятежнице
 Не до чужих советов.
 Ей нужно всё
 Сегодня и сейчас.
 Она – пират
 Затерянных корветов,
 И только тронешь –
 Драка каждый раз.
 Так трудно ей
 Без страха и смиренья,
 Но жизнь сегодня
 Снова вечный бой.
 Покой нам снится.
 Эти сновиденья
 Весна уносит
 В ладанке с собой.

Королева

Каждая из нас – королева

Королеву в грязь втоптали,
 Ей подумалось – конец!
 Где-то рыцари отстали,
 Обещавшие венец.

Есть изорванное платье,
 Камни бывшего дворца.
 Королева молча платит
 За иллюзию венца.

Лишь мольба – щеглёнком в горле:
 «Помоги же наконец!»
 Но уже восстала гордость:
 «Я отстрою свой дворец».

Как прошёлся дождь
 По садам, лесам,
 Да вся травушка встрепенулася,
 Друг далёкий мой,
 Ты не знаешь сам,
 Чем любовь твоя обернулася.
 Янтарём горит
 Спелых ягод гроздь,
 Тёплой влагою напоённая.
 Дождь пришёл к земле,
 Как желанный гость –
 Зацвела она обновлённая.
 Светел и умыт,
 Сад к себе манит,
 Шелестя листвою своей лаковой.
 Я одна опять,
 Утомилась ждать.
 Приезжай скорей,
 Свет мой ласковый.

Рассказы

На муромской дорожке

Помню, когда не стало бабушки, а тому уже несколько десятков лет, отец, принимая наследство – вросшую вместе с завалинкой хату, кой-какой сараюшко да обнесённую ореховой чашею бакшу, отослал меня доглядеть «не завалилось ли чего дельного» в заполонённом вышедшим из годности посудом да всяческими харчарами чулане. Расстаться бережливой старушке со всем этим хламом рука не налегала, – авось, когда-нито сгодится! – и потому за долгую жизнь скопила она много, по отцову мнению, «всякого-разного-вовсе никчёмного».

День под завязку ухлопала я на разборку бабулиных завалов. Засушенные «кухвайки», изрядно побитые «шашалом» белокрайки и валенки, ношенные-переносные, когда-то форсовитые «плюшки», распалив на задворках костровище, хоть и посожалев о них, всё ж таки спалили. А неподдающийся ни времени, ни полымю хлам навалили поднебесной горой на телегу и, спровадив его в дальние овраги, прикопали.

Единственной ценностью во всём чулане оказался, на мой взгляд, с любовью завернутый в холщовую ветошку, запряганный в фанерный посылочный ящик медный, почти вовсе и не потускневший, – уж чем его бабуля надоумилась смазать, сказать не решаюсь, – на вид, всё ещё «ходкий» самовар.

По какому такому ранжиру старушка занесла его в разряд «теперь никчёмных», до сих пор не соображу. Насколько помню из детства, она его несказанно любила и всячески лелеяла: и вишнёвыми веточками престарелого подкармливала, и всякий нужный раз бузиной до блеску натирала. Может, случилось это после того, как однажды, накануне Светлого Воскресенья, привезла я ей вместе с другими гостинцами и заливистый, со свистком, к тому же, нет сил какой красивущий – по чёрному полю алые рябиновые гроздьи, – электрический чайник?

...Обнаружив отложенный в сторонку самовар, отец подивился: мол, зачем тебе такое старьё? Да из него, почитай, полвека чаю не пивали.

*Татьяна Ивановна Грибанова – родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырёх поэтических книг «Апрель», «Процённый день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль», книги деревенских рассказов «Лесковка» и книги лирических очерков «Колыбель моя посреди земли». Печталась: в журналах «Наш современник», «Родная Ладога», Роман-журнал «XXI век» и др.; на сайтах: «Росписатель», «Великороссы», «Камертон», «Русское поле», «Славянские традиции», «Славянская лира» и мн. др. Член Союза писателей России. Лауреат многих литературных конкурсов.
Живёт в Орле.*

А, бывало-то, особенно зимними вечерами, как сейчас вижу, усадит бабуля «внучатков» за стол, – на самой середке столешни, ясное дело, – самовар. Сидим, чайком с донничком, с липой, мятой да мёдом балуемся, блины, один за другим, из высоченной, «что твоя Русалимская гора», стопки таскаем, и бабуля не стерпит, заведёт свою любимую:

*«На Муромской дорожке
Стояли три сосны.
Прощался со мной миленький
До будущей весны...»*

Спустя много лет стала я понимать, почему именно эта печальная песня так трогала бабушкину душу. Дед мой, как и многие наши деревенские мужики, чтобы прокормить всё увеличивающуюся семью, уезжал на полтора-два года в далёкие края: то во Владивосток, то в Киев, а то аж на Балхашстрой. Вот и поселилась в бабулиной хате вместе с нею да шестёркой прижитых от деда ребятишек, печаль-кручинушка. А когда, не прожив и 35 лет, он и вовсе сгиб в Казахстане на строительстве металлургического завода, черноризная тоска на веки вечные заполонила её сердце.

Ну, так я о бабулином самоваре. Не вступая в споры с отцом, а тем более в разъяснения, запеленала я дорогого найдёныша в ненадёванный бабушкин подшалок, благо их, надаренных детьми и внуками, в старушкином сундуке – целая «огромная» стопка, увязала, значит, самовар в узелок, да и забрала к себе на жительство.

Прежде всего, как водится, с дороги искупала найдёныша. Уж и какими только никакими мылами, порошками и чем только не натирала, не полировала! И старания мои не оказались напрасными – спустя несколько часов, глядь, надраенный самовар-то мой разулыбался, медалями на щёчках своих расхвастался – так и посверкивает, так и подмигивает. Присмотрелась я к буковкам, что слева от краника, понизу, выбиты. Оказывается, самовар-то мой – не хухры-мухры – предревный! Сработан аж в 1840 году в Костроме на фабрике Суматохина. Это ж подумать только: сколько ему годков оттикало! И, что самое удивительное, благодаря бабулиной заботе, хоть сейчас на стол.

Если уж говорить по секрету, чай из него пить я остерегаюсь – всё ж таки самовару этому скоро два века стукнет! Вдруг где не доглядела, не дотёрла, не дочистила, а медь ведь имеет свойство окисляться.

Но дело найдёнышу моему всё равно сыскалось. И какое дело! Обнаружилось как-то, что он за свою долгую жизнь запомнил столько всякого-разного, случившегося при нём на крестьянском подворье. Но особенно любит он, хлебом не корми, старинные раздумчивые песни спевать. С тех пор, как прознала я у него такой талант, мне и музыки другой стало вовсе не надобно. Залью в самовар водички, подброшу в неё для духмяности сушёных вишнёвых веточек, подкину, куда надо, расперенных сосновых шишек, их у меня для таких, особых случаев, целый мешок из бора припасён, растоплю, значит, бабулин самовар. Сижу, из электрического чайника кипяточек подливаю, заваренными травками разбавляю. Чай попиваю да песни престарелого самовара слушаю. А уж он так-то выводит, так-то старается, подчас может и слезу из меня выжалобить:

«На Муромской дорожке...»

Паводок

Поди, всякий знает о том, что даже жареная картошка в каждом доме со своим вкусом? А уж коли дело касается кухонных разносолов или там ещё чего подобного, так тут у хозяек наприпрятано, насобрано столько рецептов, что только диву даёшься.

Вот к примеру, у тётки Катерины, что живёт в Заречье, с краю, во второй от обрыва хате, крашенки на Пасху всегда такие чудные, что во всей деревне других подобных во век не сыскать. И куполочки-то на их бочках горят, и жар-птицы-то на них сияют, и цветики-розаны распускаются.

Тётка Катерина, бабы Ньюшина кума, ещё на Рождество, когда мы с бабушкой ходили её, болящую, проведать с пирогами да с гусиной печёнкой, побожилась, что, коли не дозволит ей Заступница помереть «от ломоты в пояснике», обучит и меня своей «рукодели».

Теребила я бабулю, теребила, созывала в Заречье. И подлаживалась, и хныкала, а у неё всё отговорки да отговорки: и Лыска того гляди растелится, и прялка разладилась, надо к деду Кузьме на справу снести. И так день за днём, хлопот-то у неё – куча мала.

Уж и Прощёный день справили. Пасха на носу, а бабушке Ньюше всё недосуг да недосуг. Тут у меня и вовсе терпение лопнуло, раскапризничала не на шутку.

– Не стану, – отбрила, – с тобой, бабулечка, хоть убей, клубки мотать, не подставлю под пряжу руки, пусть тебе их кто хочет держит.

Баба Ньюра худого слова не сказала, но тут уж смекнула, конечно, раз я рассерчала, упёрлась напрочь, значит, вконец на неё разобиделась. А это ей вовсе ни к чему. Кто ж бабе Ньюше письма из армии от сына Николая, моего дяди, читать станет? Кто в непогодь на печке ей страшные сказки станет скзывать? А летом Лыске на стойле на ухо ласковые песни кто пропоёт, чтобы она не брыкалась, пока бабуля ведёрко по рубчик нацыркает?

Одним словом, сговорились мы с ней так: после обеда в Чистый четверг, как вернёмся из бани, отправимся чин чином к бабулиной куме Катерине. До вечера управимся – Заречье-то рукой подать! Прихватим свои, приготовленные к празднику яйца. Прямо на них и станем обучаться выкраске.

Уж и яйца на сено в корзинку выложили, и творожок-сметанку – гостинчик тётке Катерине – сготовили, корову-то она годов пять, как свела, с той поры, как дядьки Михаила не стало.

Но не суждено было сбыться моей задумке. Ещё и позавтракать не успели, – только уплела первый оладушек, только наладилась облизать перепачканные земляничным вареньем пальцы, распахивается дверь, просовывается толстогубая физиономия, и дружок мой, соседский Лёнька, прямо с порога: «Сидите тут, чай гоняете! Быдто и не знаете – Крома пошла!»

По первости-то захотелось было надуть губы сразу на всех: на бабулю за то, что протянула время, на Лёньку – за плохую весть, за то, что спутал наши с бабушкой карты, а заодно и на речку – подождать, что ли, не могла? – как теперь к тётке Катерине перебраться? Но всё же любопытство взяло своё: водополица на нашей Кроне ведь раз в году случается, как не сбегать, не посмотреть. К тому же, провинившаяся бабушка сейчас и отказать-то не сможет, потому как нынче на моей улице праздник и все тузы – в моём рукаве.

Пока я наскоро запивала оладушки топлёным молоком, смотрю: бабуля уж и сапоги резиновые несёт, а с ними носки-вязанки, приговаривает: «Да

гляди у меня! В воду-то не лезь, а то знаю я этого Лёньчика, сманит! В прошлом годе искупнулся, соган, накатался на льдинах – месяц потом с печки не слезал, бухал на всю деревню так, что собаки с горя выли».

Подобулась потеплее, пододелась – ветра-то в начале апреля ещё ой какие шальные – и следом за Лёнькой навострилась на другой конец деревни.

Спустились мы по раздрызганной ручьями улице вниз, до Стёпиной хаты, а дальше, куда ни кинься сквозь кружевное сплетение ольховника, сквозь дебри краснотала, – море разливанное, до краёв захлебнувшееся снегами и талой водой. Пустынно, свежо, пряный запах мокрых веток, задорный шум молодого ветра.

За ночь речка, в которую со всех окрест ползли, бежали, мчались и неслись ручьи, ручейки и ручьища, взяла своё: не только вскрылась, а под тёплыми дождями, что вторую неделю без перебоя то накрапывали, то хлестали во всю ивановскую, пошла, родимая, себе гулять вдоль поймы, раскатилась от угора до угора. О тётке Катерине теперь надо позабыть, покуда Крома не войдёт в своё русло, а там ещё, как пить дать, и мост заново ладить придётся.

Мальчишка, чтобы подальше видеть, кошкой вскарабкался на самую высоченную ракушку, от воды подальше. Небось, Лёнькина мамка, тётка Шура, сразу отсекала – пригрозила на этот раз выдрать, коли увидит его у водива.

Пробегав за своим закадычным другом хвостиком несколько лет, и я выучилась лазать по деревьям – ребятишки ведь, как воробьи, – а ещё – ловить головастиков, стрелять из рогатки по воробьям, кидать по воде камушки, да много ещё чему, мальчишьему, обучилась я в его компании. На самую макушку лезть, правда, девчонке боязновато. Да мне и с середины далеко-о-нько видать.

Меж грязных, непросохлых взгорьев, меж обрзозевшихся, будто привставших на цыпочки, стволов сиротливых берёз, широченной сине-зелёной полосой в сторону Кром шли большущие крыги, то еле двигались, то неслись как угорелые. Вместе с этими льдинами мимо недвижных хуторских улиц проплывали обломки прибрежных коряг, несённые где-то у Выдумки тесовые мостки, даже чьи-то навьюченные соломой сани.

На самой середине виднелся то ли ребячий плот, то ли амбарная воротина. На ней, уже перестав мыкаться от одного края к другому, охрипло рыдала рябая коза. И как она только там, несчастная, очутилась?

– Эх, если б не мамынька! – вздохнул вослед уплывающей бедолаге Лёнька, – это ж надо додуматься! – сказала, будет за мной следить с крыльца в папкин охотничий бинокль.

К кромке воды собирались толпами хуторяне. Разглядывали половодье, слушали гомонливый табор грачей в прозеленённых, торчащих посередь воды осокорях, радовались редким перекрикам диких гусей, возвращавшихся в родные гнездовья над высокой водой, над укрытыми золотистыми шалями вербачами.

Так просидели мы с Лёнькой на ракушке в освистывающем половодье ветре ещё часа три, пока под пальтишки не стала пробираться раннеапрельская прохлада. Низкие серые тучи, насупив оловянное небо, текли простором, рассеивая дожди, ходуном ходили над нашей местностью. А лёд всё шёл и шёл огромными неделимыми глыбами.

– Давай-ка по хатам, а то простынешь ты, а влетит от твоей бабы Ньюши мне, – предложил Лёнька и нахлобучил картуз на соломенные волосы до

рыжих бровей. Сам, видать, застыл. Дрожит, будто кур воровал, носом хлопает.

Спрыгнув в пожухлую прошлогоднюю листву, он «словил» с ракички меня, и мы совсем было засобирались домой, как вдруг началась свистопляска! С Кромы послышался скрежет и треск – ломались большущие льдины, крошились в мелкое крошево; налетали, как сумасшедшие одна на другую; становились на дыбки, перекувыркивались; их захлестывала вода, а они снова вылезали, уже из-под соседней глыбины; тут же с великим хрястом на них снова и снова обрушивались громадные льдищи. И так они, словно вели меж собой какое-то сражение, скрежетали, страшно урчали и ухали от боли, стонали от тяжести, кололи и крушили друг дружку; рассыпаясь на drobные осколки, заныривали охолонуться на глубину.

Вспомнилась разнесчастная коза, и сердце моё заныло: сгнула, должно быть, бедняжка. Даже умеющему плавать из такого месива не выкарабкается во век.

От мыслей этих печальных расхотелось смотреть на дикое «море разлитое», и мы поползли вверх по раскисевшей горе. Пора, бабуля теперь изгудится, загонит до вечера «прожариваться» на печку.

Щё от калитки почувался густой луковый дух. Баба Ньюша готовилась к Пасхе. И, как потом оказалось, не как-нибудь, через пень-колоду, а основательно. «Так-так, – смекнула я, – то ли опять ей недосуг, то ли всё ещё чувствует смущение, что не попали мы к тётке Катерине». Завидев меня, она не стала сердчать, только всплеснула пропахшими ванилью и сдобой руками: «Господи Сусе! Татьяна! Ну, куды ж ты запропустилась? Душа моя, чай праздник у ворот! Обедай поскорей, да не сиди, как статуя, подключайся».

Крашенки получились на удивление нарядные, как никогда. Бабуля расстаралась, в грязь лицом не ударила. Перво-наперво, натомила с полсотни яиц в луковой шелухе – это уж как водится. Потом вынула из шкатулки пёстрые порошки, те, которыми обычно красила овечью шерсть. Так и мало! Ещё и травушек оттопила: и зверобоя, и чабреца, да и просто лугового сена. Выложили мы это чудо на тарелки, расставили по подоконникам, пускай сосед, проходя мимо наших окон, дивятся: «Ну и выдумщики же баба Ньюша с внучкой!».

Нинилина изба (Боль старой избы)

Примерещилось или взаправду кто-то тяжело-тяжело вздохнул? И этот вздох так и повис в воздухе. А спустя пару минут и вовсе, словно старушонка какая, высморкавшись в передник, «и-их!» грудно и глубинно завсхлипывала.

Нервишки, видать, у меня – ни к чёрту! Ещё раз окинула взглядом засиротевшее лет, почитай, уже семь, не менее, тётушкино подворье с обрушенными изгородями-пряслами, козой взбежавшее на отшибе деревни на крутую горюшку – мир Нинилиных забот, её пристанище долгие, долгие годы. Обошла задичалый, давно переставший видеть цветастые сны сад. Завернула к поленнице, заросшей вместе с пчельником высоченной глухой крапивой.

Поднялась на единственный порожек – замшелый камень с незамутнёной лужицей воды во вмятине. С горем пополам отодрала от разошедшихся сенных дверей наискось приколоченную плаху, отодвинула обречённо повисшую на ржавой петле, уже и шамкать переставшую входную дверь, протиснулась в избу. И она вздохнула мне навстречу устьем простылой печи.

Присела на лавку передохнуть, заперебирала глазами. Царапнуло: в какую сторону ни глянь – на этой усадьбе ни единой живой живинки. Не пахнет уютно хлебом; ни псинки у порога; ни вечно, словно на клиросе, восседавших под сенными стропилами турманов, тех, что развёл было дядька Николай целую стаю, привезя себе однажды расчудесную пару аж из Курска; ни даже, как водится в любом деревенском жильё, котейки в горнице. И уж тем более ни видом не видать, ни слухом не слышать в этой потерянной избе людского духа. Но кто-то же несколько минут назад так таинственно и печально всхлипывал!

В который раз, поддаваясь обману, обошла Нинилино жилище. Обежала его вдоль и поперёк глазами. Истрёпаные занавески надувались внутрь избы, у коника – бурьянный, перехваченный рассыпавшимся травяным перевяслицем, голик... вертикально вдоль стены – панцирная сетка кровати... Так, по мелочам, кое-какие хархары...

Захлебнувшись, застопорившаяся бедой вечная вечность сочилась сквозь брёвна. В этой хате она уже никогда не станет делиться на дни, часы, мгновения, так сплошняком и потянется, словно трёхсуточный Нинилин кисель.

А и немудрено – деревеньку-то, почитай, с десяток лет как из всех бумаг повычёркивали: дорог, мостов не ладили, провода пообрезали.

Кто же тогда в этом захудалом месте таким знобливым, захопынувшим сердцем всплакнул? Ума не приложу. В этой засиротевшей избе, наверняка, даже мыши и те перевелись. Скорее всего, переточив всё возможное, и заради ли интересу, с голодухи ли, даже то, что не полезет в глотку в самую уютную годину, подхватила и разбежалась харчеваться гнусина хвостатая по тем избам, впотьмах которых, если настырно пошарить, пренебреженно повезёт – ещё сыщется какой-нито добыток: пшеничное зёрнышко в опустевшем сусеке, закатившаяся меж щелястых обшорканных половиц, обратившаяся в камень корочка ситного, а коли расщедрится везуха, так и надьбается кусочек замусляканной младенчиком жамочки.

Видно по всему: показалось, – обустриваясь в одиночестве на прикрыленном камушке, решила я: кому в такой распропавшей дыре голосить-то? Не клацнет никакая железка, не клямкнет никакой замок. Даже птиц в саду нет. Так и сад – не сад, одно название. Трухлявые, больные пни-волдыри да мёртвые деревья. Не заперешётывается ветерок в их кронах с молодой листвой, не туктукнет к Спасу оземь яровое яблочко.

Сижу, разглядываю с горестной пристальностью похеренное тёткино жилище, думы думаю, с превеликой охотой вспоминаю те времена «альяные», когда ещё билась, трепыхалась всеми несчётными своими крылами на подворье моей тётушки Нинилы полная каждодневных, ежеминутных забот крестьянская жизнь, швыдкая, не знающая меры в работе, не ведающая, что значит «не под силу», когда ещё скрипел, не зная передыху, дюймовый крюк для глубокой и просторной с резными краями детской зыбки в двухохватной матице, когда жилось в этой избе справно: суматошно, молодо и весело.

Притихла, значит, я, одна-одинёшенька, словно труба погорельская на пепелище, а тем временем вдруг за спиной, в нутре хаты, через порушенные сенцы, обвешанные пересошим марьянником, попарно связанными берёзовыми вениками, всякими-разными жестянками и оплетёнными берестой пузатыми бутылками, тут же, на гвоздике, – дерматиновая бригадирская сумка, пропачканная стёганка, под нею – кирзовые, с отвёрнутыми голенищами сапоги – пробившись сквозь это старьё, снова посилился тихий, не на показ, истомлённый плач.

Пресвятая Богородица! Даже и не верится, – ахнула я тут, допетрив: да это ж сама Нинилина изба от разора, от боли неизбывной загрудным стоном стонет! Всегда так бывает: наваливается эта, карябаяющая самые дальние закоулки погибель почти сразу, после того, как стихнет торопкое тюканье молотка, заколотившего кокорьем и без того жмуркие оконцы старых изб, и останется только смириться и долгими ночами слушать звёзды.

Перехватит постройку дыхание, словно вязелем сноп, подступит так, что поначалу-то ни вздохнуть, ни охнуть, а потом, когда расчует избяная душенька, что не вернуть уже ни хозяйвов, ни прежней, устоявшейся, словно вода на здешних торфяных болотах, глубинной, но такой прозрачной, как на ладони, жизни, вот тут-то и издаст обречённая изба свой первый предсмертный стон, зазычит вхолостую, словно одинокий зуёк на тех же болотах, заголосит лише вдовицы какой в самые что ни на есть распричёты:

*Сирота ведь я, горюша бесприютная,
Нонь позябну я холодной, студёной зимой,
Нонь помучаюсь я голодной смертушкой.
Нигде нету-то талой талиночки,
Ни в ком нету мне великого желаньица.
Как жить буде печальной мне головушке?*

И что делать разнесчастной избе, не может взять она в толк. Не присоветуют ей, как говорится, ни сват, ни брат, ни соседская курица. Расхворается, когда-то баская, высшей пробы изба венец за венцом. Зажмурятся, закуксятся её с замысловатой вязью по козырьку наличника оконца. Хоть продолжай жить из упрямства, из-за тихой, бессловесной любви к здешним пашенкам и сенокосам, хоть крепись – не крепись, никакими наисильнейшими заговорами не отшептать, не образить уже избу, потому как поразит её гниль-ржа, окарябает самое сердце; вгрызутся в святую святых, в самую душечку её лишаи безотвязные – ни дождями их не смыть, ни морозами не выстудить, ни солнцем – умоляй не умоляй – не выжарить. Проникнет эта хворь всполошенная в самое избяное нутро, наострится отравлять каждое брёвнышко, и так в них по капельке, по пылинке вьестся, что побороть её сможет разве что никого и ничего не щадящий огонь. Но тогда и избе не сдобровать.

А может, чем ждать да дожидаться, когда окостенелые осенские ветродуи занесут в прорехи и трещины дождевую воду, споры всеядного мха, а следом прожорливую гниль, может, так-то и лучше, разом-то? Чтоб уж не мучиться в эдакой обречённости?

Из года в год, срывая с клёнов пригоршни семян, бесшабашный, безжалостный ветер – ему-то что, буланому? – без роду без племени! – дуи да дуи себе в ус – озорник этот шалый швырял и швырял на крышу тётушкиного жилища кучи бесхозного сора.

И вот уже последняя капля: не семена, а захваченная азартом бесчисленная поросль, с обстоятельной деловитостью укоренившись в стропилах, в переточенной мышами изгнившей сенной трухе обвалившегося чердака, накрывает чумичку-избу, – точь-в-точь, как кусты задичалой сирени на старом нашем погосте бушуют над сравнявшимися с землёй могильными холмиками.

И в полусвете души её, молчаливо-суровой, накопилось столько неизбывной печали, что, того гляди, рухнет замертво. И не восстать ей, строгой обличем, чтобы закончить несработанные дела, уже во веки вечные. Молодые растения, всё глубже вгрызаясь в тело Нинилиной, где всё было к месту и к сроку, избёнки, со временем поглотив её, превратятся в могучие вислопличие дерева...

Меж тем всё стало горьким дымом, всё кануло: и был и небыль. Какой разговор? Не вымолить уже у неба хоть какой-нибудь, самый малый шанс.

Прощаясь, поневоле дотронулась до безмолвно затаившихся трухлявых стен и теперь уже николи не сумнешся – секи мне голову! – ясно почуяла, как изба, словно осовелый, смертельно больной человек, издавая тяжкие волосьи вздохи, – дело стариковское – насмерть перепуганно дрожит в горячем ознобе.

И рябина над окном, сквозь которую в пепельном полусвете начал сеяться дробный дождичек, – тоже знобая, красная-красная. И луна с хлестким пасмурным небом в споре... К холодам.

Райская птица

Как только мало-мальски пообсохла после вешнего половодья земля, давняя знакомая принялась манить меня к себе на дачу. И когда все придумки для отговорки у меня истожились и дальнейшее сопротивление грозило смертной обидой, отодвинув на денёк нескончаемые дела, я, прокоротавшая безвылазно за рабочим столом зиму, наконец-таки выбралась из своей «берлоги» передохнуть.

Дело было на исходе пролетая, в позднюю Пятидесятницу. Не напрасно звала меня к себе подруга. Знала, что ступив в безупречную ухоженность её усадьбы, невозможно не захлебнуться от восторга. Дача, утопавшая в эти золотые дни в последнем буйстве первоцветов: разнопёстрых тюльпанов и нарциссов, обворожительно душистых гиацинтов и всяческих, вошедших в свою самую царственную пору рябчиков, не могла оставить равнодушной даже такую привередину в цветочных делах, как я.

Но спустя несколько часов, то ли пресытившись холемым очарованием пионовых и ирисовых клумб, то ли устав от безделья, душа моя запросилась на простор, в окружавшие дачу приречные луговины.

Весна в том году объявилась совершенно неожиданно, и, смешав цветение черёмухи с сиреневым полымем, к Троице погоды уже стояли на удивление жаркие. Воды Орлика, проглядывавшего сквозь кружево высоченных осоко-рей верстах в двух от усадьбы, наверняка были ласковые, потому как уже часов с десяти утра с берегов его доносились визг и хохот чебурахавшейся ребятни.

Перед закатом, когда поотпустил полуденный зной, наконец вышли за калитку. Решили прогуляться по окрестностям, а заодно добрести до дальней речной излучины, где, по словам подруги, можно было без ребячьего гама, в полнейшей тиши искупаться в кристальной протоке.

До Орлика – рукой подать. Чего ж дожидаться? Стёжка змеилась заливными лугами, уже вовсю поросшими нашим среднерусским разнотравьем. Где-то, в непостижимой человеческому глазу выси, заюливал жаворонок, на душе было легко и даже почти спокойно: день – лучше не придумать, и к тому же дома дожидалась вполне законченная повесть.

Воздухи распирало от запаха зацветающей полыни. Уже то там, то тут пролилось ромашковое молоко, разбрызгалась колокольчиковая синь. Вымахавшие в свои полроста татарницы скороспело выбросили зелёные шишки. На самых первых, самых крупных из них проклюнулись малиново-перистые гребешки. Меж маков-самосеек покачивали на едва уловимом ветру своими дробными серёжками кукушкины слёзки; рыжеватыми крупчатыми метёлками красовался вошедший в пору цветения ранний щавель; обочину обрамляли кремовые султанчики подорожников, и до самой излучины сплошной дробной сусалью меж трав и былинок просыпались ослепительные солнечные курослепицы.

Некоторое время тропинка ещё продолжала поднимать нас по крутому песчаному берегу вверх по склону, но, наконец уткнувшись в речку, оборвалась в зарослях иван-чая у неохватной ветлы. Под обрывистым откосом едва слышимо протекал Орлик, смиренно неся свои воды мимо дачных домиков, потом пригородом, пригородом, чтобы дальше, в старых кварталах Орла, подпитать своими невеликими водами уже набравшую мощь Оку.

Престарелая ветла, уцепившись за берег всеми своими немощными силами, полоскала в реке длиннющие седые космы. Через небольшое русло перекинулся недавно справленный, наверно, после половодья, лёгонький тесовый мосток, ещё пахнувший свежей сосной. Взглянула с него вниз и диву далась: а и правда! Настолько прозрачна и чиста в этой удалённой от людского глаза протоке водица, что можно разглядеть, словно на ладони, каждую песчинку, каждый камушек.

На мелководье предзакатные солнечные лучи, пронзив тончайшую плёнку воды, поджигали пески, и они, словно золотые россыпи, невероятно искрились. Разноцветная галька же благодаря этим волшебным лучам становилась, по меньшей мере, полудрагоценной. Стайки каких-то неведомых рыбёшек, переблёскивая серебром чешуи, то выпрыгивая в азартной радости на поверхность, то в диком восторге проносясь у самого дна, играли в догонялки. Едва кольшущиеся длиннющие водоросли, цепляясь бородами за камни, казались, ещё мгновение – и уплывут вдоль по течению.

Мы замерли, боясь нарушить устоявшийся лад этого укромного уголка. Потом, правда, не удержавшись, подруга, заядлая купальщица, спустилась ниже по протоке, и я с мостков могла видеть замелькавшую на поверхности омутка её оранжевую шапочку. Мне же купаться совершенно расхотелось. Казалось, не только сердце, даже кожа моя впитывала покой и наслаждалась красотой этого, только что открытого мной мира.

Вдруг, поначалу я и сообразить не успела, откуда, из какого места, с высоты песчаного обрыва стремительно и отчаянно, прямо с лёту, в прозрачность вод кинулась и тут же исчезла в глубине небольшая, но неописуемо красивая птичка. С голубовато-зелёным, рыжеватым с подбрюшья опереньем, с полоской через глаз к затылку и длинным, совершенно не подходящим к её маленькому размеру, клювом. Никогда раньше не приходилось мне встречать такую редкостную в наших краях птицу.

Спустя секунды, невеличка, чуть больше скворца, выскочила из воды: в клюве трепыхалась размером с неё саму серебристая рыбёшка, и так же стремительно, как недавно объявилась, пичужка исчезла где-то под травяным козырьком песчаного обрыва.

Напрасно подавала мне знаки подруга: мол, водица – парное молоко, не медли, вечер надвигается. Я, словно замороженная, не могла оторваться от откоса, от того места, куда, по моим предположениям, юркнула птица.

И моё упрямство вознаградилось: спустя пару минут – «тиип-тиип-тиип» – перламутровая птица вновь стремительно объявилась над протокой. Мгновенный нырок – и снова в клюве крохотная серебристая рыбица.

Но что самое удивительное, когда я переместила свой взгляд вдоль крутого обрыва и пошарила глазами по его неприступным песчаным откосам, увидела уже не одну, точно сосчитать было невозможно, но с уверенностью можно сказать: этих диковинных птиц было не меньше пяти.

– А-а! Зимородков высмотрела! – подошла, закутавшись в полотенце, подруга. – Я поначалу тоже не то что купаться, вообще с ними расстаться не могла. Приду на этот мосток, час стою, два стою, будто в раю: тишь необычайная, душистый запах валерьянников и таволг и эти дивные божьи птицы...

До самого заката пролюбовались мы зимородками, до той поры, покуда не спровадились они на ночлег.

Это был один-единственный раз, когда я живую смогла увидеть этих загадочных райских птиц. В середине лета, по чьему уж там указу я и не знаю, задумали расширить и почистить русло Орлика. Особого толку из той задумки не получилось. Против природы, как говорится, не попрёшь. Орлик, хоть река и смиренная, но норов, какой-никакой, и у неё имеется. Зафордыбачилась река, как шла своим путём, так себе поныне и идёт, только вот берега и приречную зелень в дачном районе исковеркали, затоптали машинами заповедный уголок.

Нет теперь песчаного обрыва, порушены гнёзда зимородков. Исчезли они с берега Орлика и навряд ли когда-нибудь сюда вернуться. Птица эта, как, впрочем, и многие другие, любит уединение и весьма придирчива к выбору места поселения. Только в тихих уголках, к примеру, по берегам укромных речушек с кристально чистыми водами, обустроивает зимородок своё жилище. Гнёзда делает в глубоких норах, вырытых на крутых песчаных обрывах.

Исчез песчаный откос, разлетелись зимородки в поисках новой земли, людьми не обитованной. Только сухие рыбы косточки да чешуя повсюду валялись на песке. Когда-то служили они подстилкой в норах, а рыбёшка, от которой они остались, – кормом птенцам голубого зимородка. При всей своей красоте, в отличие от иных крылатых собратьев, гнездящихся в береговых норках, таких, к примеру, как ласточки или стрижи, зимородок не шибко

аккуратен и жутко зловонен – где ест, там и отходы от всяких-разных укле-
ечек, лягушат и стрекоз бросает.

Кстати, коротенький хвостик, оказывается, у зимородков самый что ни
на есть бульдозер. Именно он-то и помогает этой маленькой птице прорывать
длиннющие, – это надо подумать! – до полутора метров ходы-норы, вычища-
ет песок и землю наружу.

Обычно птица эта суровых зим не переносит, с приходом холодов отбы-
вает в тёплые края. Но в последние годы зимы на Орловщине подобрали, и
по рассказам моей подруги, часто гулявшей и катавшейся вдоль Орлика на
лыжах, с приходом осени зимородки перестали было покидать своё обжитое
местечко. Так и продолжали в зимние месяцы, словно какие оляпки, еже-
дневно нырять, плавать и ловить до дюжины мелких рыбёшек в прозрачной,
переставшей покрываться льдом протоке реки.

Вспомню об этой дивной птице, глаза закрою, и представится чудо-чуд-
ное: ласковый, чуть движимый Орлик, и над протокой – в солнечном блеске
лазоревые райские птицы. «Тиип-тиип-тиип!»

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

*Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России
и Академии российской литературы. Автор четыр-
надцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат
московских и всероссийских конкурсов.
Живёт в Москве.*

«Великий бред поэзии любви...»

*Поэзия – великий бред
Вне всяких логик и законов.
Висит в хлеву её икона
И источает яркий свет...*

Игорь Царёв

(Игорь Вадимович Могила
11.11.1955 – 04.04.2013)

Под чарами прилива и отлива
Она рождает жизнь, как океан.
Но иногда пылает прихотливо
И губит всё живое, как вулкан.

Когда она, порой, рокошет гневом,
То, как её безумьем ни зови,
Она соединяет землю с небом,
И корни гнева, всё равно, в любви.

То лёд остуды, то огонь желанья,
То вещей сон, то горестная явь,
То сети чар, то разочарованья –
Одолевают нас, куда ни правь.

Когда волнение захлестнёт, как петля,
Нестойкий след наития лови,
Чтоб райским светом воссиял из пепла
Великий бред поэзии любви.

Презентация...

Под скрежет зубов «доброхотов»
И прелесть сусальных речей
Эмоции книжной пехоты
Текут, как медовый ручей.

Сквозь гам славословий и ругань
Не сразу поймёшь – кто каков,
Но горечь пилюли от друга
Милее хвалы простаков.

Пока эйфория свободы
Похмельем не мучит народ,
Ищу через патоку броды
По камешкам в мой огород.

Пускай вполне реальна тема
О девальвации наград,
Я их люблю, хотя и немо,
И одобренью ближних рад.

Пищу стихи не для награды я
И без прикрас о них сужу,
Но всё равно подспудно радуюсь
И похвалами дорожу.

Ведь слово доброе – награда,
И знает смолоду народ,
Что похвале и кошка рада...
И даже старый хитрый кот.

Дорога к вере

Оставаясь дитём православных племён,
Я земными страстями был жёстко пленён,
И на мелких уступах юдоли былой
Бесконечно и тупо крутился юлой.

И под гордым покровом великих имён
Был скорее заносчив, чем где-то умён.
И покуда надежды не стали золой,
Не умел отличить доброй воли от злой.

Солнце праздника жизни внезапно зашло,
И бессилье уныния льдом обожгло.
Но Господь меня в тёплых ладонях согрел,
И тогда я как будто бы снова прозрел...

Не гадая, чья пуля окажется меткой,
Я до этого тешился
«русской рулеткой»,
Но когда различил,
где Христос, где Иуда –
Эту жизнь ощутил,
как бесценное чудо.

Помни!

Когда заплатки свежих упований
Покроют рухлядь праздничных одежд
И тёплая зола очарований,
Слегка согреет прах былых надежд;

Когда без древней спеси вавилонца
Уймёшь в себе тщеславные черты,
И мотыльками духа к свету солнца
Вспорхнут неутолённые мечты;

Когда без сожалений и унынья
Поймёшь, что гибель плоти – не конец,
Благодари Того, Кто и поныне
Всему и всем – Начало и Творец!

Страхи счастливой семьи

«За что мне такое счастье?» – думала Даша. И не одна она так думала. «За что ей такое счастье?» – думала свекровь, Серёжина мама. И не могла смириться с этой неудачей в жизни сыночка – умника, красавца, спортсмена. Дом у них – полная чаша. Детки-погодки, и доченька Ритуля, и сыночек Серёженька – обеспечены, в холе и неге выросли. Цветочки аленькие. Один за другим и родились, и институты закончили, и семьями обзавелись. У дочки муж хороший. Из небогатой семьи, но это ничего, наживут добро сами. А пока что сама Таисия Андреевна да Василий Петрович помогут. Тем более, зять уважительный, работающий, видный.

Познакомились молодые на танцах в колхозном клубе, куда Ритушка со своей студенческой группой на сбор урожая приехала. А он там как молодой специалист уже год работал главным инженером на МТС, ему дом выделили. Деревня недалеко от города, так что, когда через год, окончив институт, Ритушка вышла замуж и уехала, то родители к ней – каждый выходной: час всего на машине – и ты в деревне. Да и доченька к маме, папе часто ездила – не каждая родня в одном городе так гостит друг у друга. Бывает, дети-то дорогу к родному дому забывают. А ненаглядная доня к папе-маме тянулась.

Поначалу боялась Таисия, что уработает деревня дочку, которая стала директором в том клубе, где и познакомилась с будущим мужем. Но очень хорошо вышло: Ритуля как в городе жила, так и в деревне живёт: дом каменный, отопление паровое муж сам соорудил, туалет в доме, водопровод... Хозяйство не заводили, у деревенских покупали и молоко, и яйца, и мясо. А с овощами вообще чудесно получилось, опять-таки Таисия надоумила: мол, свой огород соседям разрешите засаживать, и они часть урожая будут вам отдавать за пользование землёй, исполу. Так и сделали. Овощи в итоге – бесплатные. И надрываться не надо.

Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

Директор МТС, увидев, какой толковый молодой специалист появился, ему дела передал, а сам к сыну уехал с внуками возиться в Благовещенск, куда тот по распределению был направлен, да и прижился.

И оказалось – два молодых директора в одной семье. Таисия гордилась. У самого Виталика ничего за душой не было! В его семье ещё четверо – младших братьев и сестёр, он учился и работал, все деньги матери отдавал. И пока без семьи был, мать всё у него выкачивала (есть же бессовестные матери!), так что Ритуля пришла в дом, где шаром покати. Да и какое хозяйство у молодого одинокого мужика, парня ещё? Ничем же не обзаводился. Но мама Тася и на стиральную машинку денег молодым дала, и ковёр купила, и «стенку» полированную... Зять понимал, что тёща хорошая, только добра желает, и очень уважительно себя вёл. Таисия довольна. А Вася – тем более: дочку любил очень, она на его маму была похожа.

Да и сына, конечно, любил. А Таисия сына просто обожала. Да он ещё, когда подрос, стал на Грегори Пека похож. Только светлый. А она очень Грегори Пека любила, фотографию его на стенку ещё девчонкой повесила. И вот – спортсмен, чемпион республики, в институт сразу, с первого захода поступил. Хотя, пока учился, были проблемы: приходилось пересдавать экзамены. Но в итоге закончил вуз, инженер по холодильным установкам. На этот факультет конкурс меньше всего был, туда и пошёл. Да устроиться-то можно хоть где. Главное – диплом.

И с этой Дашкой своей, будь она неладна, познакомился, когда практику проходил на хладокомбинате. Она там по вечерам подрабатывала, а училась на историческом. Что за профессия? Учительницей в школу? Серёженька вон устроится на холодильники – семья всегда при продуктах. Можно калымить – чинить людям по домам холодильники. А эта? И сама из семьи нищей, можно сказать: с мамой и младшим братом, да ещё бабушкой слепой в придачу в коммуналке живут. И чего она учительницей наработает? Какие такие богатства? А сын родителей просто перед фактом поставил: женюсь. Ни слёзы материны не помогли, ни уговоры подумать, друг друга получше узнать. Женюсь, и баста!

Таисия испугалась: беременная, что ли? Привяжет ребёнком, не разделаешься потом. Если срок небольшой, вопрос-то можно решить. Сын глаза вылупил: какая беременная? Мы же ещё не женаты.

Так чего тогда жениться? Почему не подождать? Таисия мечтала, чтобы её сын-красавец на дочке начальника женился. У него в классе Вера Пермькова училась, её отец – секретарь райкома, и ей очень Серёжа нравился. Да кому такой парень не понравится? Вера и домой к ним приходила, они уроки вместе учили. Звонила по телефону. Если Таисия подходила, Верочка вежливо спрашивала: «Серёжа дома, тётя Тася?»

Таисия млела: дочка секретаря райкома так душевно к ней обращается.

Таисия планы строила: вот поженятся, я по-родственному буду на райкомовской чёрной «Волге» ездить. И в деревню свою как-нибудь заявлюсь на «Волге» с персональным водителем.

На Серёженьку вообще заглядывались девчонки, записки в почтовый ящик подбрасывали, звонили по телефону. А он? Кого нашёл? Замухрышка. Нет, девка-то красивая, но нищая почти, одевается кое-как. И ведь к ней, к Таисии, припрётся жить, куда ещё им, молодым, деваться? В комнатёнку с бабкой, матерью и братом? Ритуля уехала, своим домом зажила, так что места в квартире родительской хватало. Но с нежеланной снохой жить, каждый

день её присутствие терпеть – мучение. А Васе, ему – лишь бы сын радовался. Да сын-то молодой, чего он соображает? Хоть и умница, инженер, а на баб пока дурак. Чем она его взяла?

Вера, видимо, тоже надеялась, что они с Серёжей поженятся. Такую невесту упустил! Там бы тесть и квартиру молодым устроил, и обеспечил всем. И в такую родню бы попали! А тут? Голодранка сыну (да и Таисии) дорогу перебежала.

Ну да если не беременная, то Таисия сделает, чтобы всё пошло так, как ей надо. Вера-то пока без семьи. Но и медлить нельзя – возьмёт да и выскочит замуж, Вера-то. Райкомовская дочка не засидится.

Вообще умела Таисия жизнь выстроить. Вася её просто пылинки всю жизнь с неё сдувает. Выходила замуж честной, всё в дом, всё в дом, полная чаша, за детей глотку перегрызёт. Дар судьбы.

Таисия и дочку хотела подучить, коли что: выйдешь честная – муж до гробовой доски будет себя героем чувствовать. А как чем недоволен, ты ему: я тебе всё лучшее отдала, молодость, девичество. На верёвке будет привязан. У Таисии опыт хороший. В родном селе ей бы замуж и не выйти, о её «девичьей» удали в округе было известно. Но она в город уехала, подальше от срама своего, продавцом устроилась и Васю заметила там: он приходил за продуктами и покупал, собственно, для бутербродов всё: колбасу, сыр. Значит, один живёт. Она стала ему колбасу припрятывать, из-под прилавка доставать, всё же дефицитом было. Действительно, оказалось, что он по распределению приехал, живёт в общежитии. Но Тася быстро смекнула: если женится, ему квартиру дадут!

– Чего это вы, такой красавчик, а всё один да один? Вторую половинку ещё не встретили? – спрашивает, доставая из-под прилавка сервелат, что припрятала для Василия.

– Встретил. Она через год институт закончит, распределение к нам на завод возьмёт, – и смущённо улыбается. Яснее ясного – влюблён.

Тася поняла, что медлить нельзя. Как-то просит его: вы не проводите меня после работы? Вчера возвращалась, показалось, что мужик какой-то по пятам идёт, выслеживает, боюсь вечером одна идти.

Она понимала, что этот интеллигент себя обязанным чувствует за то, что она ему то икорку оставит, то сервелат, то шпроты. И понимала, что вечерами он не занят. Разумеется, согласился. Встретил, проводил. Она ему – зайдём, с девчонками, соседками по комнате, познакомлю. Он зашёл. А девчонок нет!

– Наверно, в кино убежали, – говорит Тася, которая как раз подгадала, когда обе соседки на хлебозаводе у себя в ночную смену были. А сама уж и чайник электрический ставит. У Васи и вариантов нет – садись за стол.

Чай, коньячку туда... Разомлел. Он и не сообразил ничего, как оказался «первым» (дело техники), а она – «обесчещенной». Он после того вечера долго в магазине не появлялся. А она у проходной его встретила, смущаясь, говорит, что ждёт ребёнка, но не заставляет жениться, тем более – у него невеста. Вася в этих вопросах ну совсем не инженер был, без всякого образования, не говоря о высшем. Оторопел, смутился, сказал, что надо подумать. Но на другой же день пришёл и сказал: раз такое дело...

Пожились, а потом он удивлялся, что живот не растёт. А она бегала в женскую консультацию, там посидит в коридоре, потом выходит, Васе, который её всегда на улице ждал, рассказывает, что врач говорит, так бывает, что живот не растёт...

Слава Богу, бабушка умерла в селе, Тася уехала на похороны. Возвращается через неделю в слезах, в горе: мол, от переживаний у неё выкидыш... Плакала:

– Брось меня. Я твоего ребёнка не сохранила. Но не могла же я на похороны бабушки не поехать! Сейчас ты можешь на своей Светке жениться. Она тебе родит, не потеряет ребёнка, а я... К тому же у неё образование, а мне пришлось работать идти, чтобы матери помогать.

Рыдала так натурально! Вася, конечно, её утешал, мол, не брошу, тут и моя вина надо было с тобой на похороны ехать, поддерживать тебя. И какое значение имеет образование? Я тебя и такую люблю.

Всё отлично, одним словом. Так хорошо складывалось! Детки не сразу, но пошли. Муж поднялся до главного инженера, столько рацпредложений у него, за каждое – премия. Дом – полная чаша. Отдыхали на юге, в санатории от завода. В село Тася ни мужа ни разу не свозила, ни детей подросших. Там её бурную молодость помнили хорошо. Как бы из вредности не наболтали чего.

Как-то приехала к матери. Сама ездила к себе в деревню не столько проведать, сколько показаться: фифа городская, её деревенские ровесницы – вон старухами ходят в сапогах резиновых, в платках. А она – на шпилечках, начёс на голове. И вот как-то идёт, остановилась с одноклассницей поговорить. Та дояркой на ферме, и запах от неё неприятный. Тася и скажи:

– Да что ты, Лизка, подушитесь не можешь, отмыть грязь, навоз свой, так воняешь.

Так ей и надо, отличнице. Получила?

А та спокойно говорит:

– Грязь? Это ж удобрение. Я-то отмоюсь. А твою грязь тебе ни в жись не отмыть.

Завидуют ей деревенские, одним словом. Она – продавщица в универмаге, в обувном отделе уже. Вон какой карьерный рост! С каждых сапог, что налево пускает, пятёрку имеет. А они что?

И надо же: выстраиваешь жизнь, а сынок так вляпался! Вместо того чтобы по социальной лестнице подниматься, на дочке начальника жениться, он – по любви вздумал! Вон Тася никакой любви не знала, а счастлива. И Вася её тоже счастлив.

Мало того, что уговорить сына не жениться не удалось, так ещё и что придумали. Расписаться – и в поход на байдарках сразу после загса. Ни тебе собрать гостей, чтобы показать, как умеет Таисия праздник устроить, ни директора своего магазина на свадьбу пригласить! Таисия, как Серёженька привёл эту Дашу знакомиться, хотела ту отпугнуть – пока сидели, она всем недовольна была, на всё кривилась: чего такая юбка у тебя короткая? Было бы что показывать. Чего не ешь ничего? Брезгуешь или больная? Чего твоя мать четверых настрогала, если обеспечить не может? Отец умер? При хорошей жене муж долго живёт. Вон мой Вася жив-здоров. Да если ты в мать, то Серёжу моего тоже на тот свет отправишь?

Сын глаза вытаращил – как она с Дашей разговаривает? А Таисия решила: или пан, или пропал. Нечего церемониться. Отпугнуть, пусть отстанет от сына. Когда Серёжа встал и сказал, что они сейчас уйдут и больше не придут, она и ему, и этой Даше-замараше говорит:

– Ещё не поженились, а ты уже сына с матерью ссоришь! У тебя, Серёнюшка, жён, может, пять будет, а мать одна, и за сердце схватилась.

Дашка ушла, конечно, но Серёжа остался: «скорую» вызывали, хлопотали. Однако всё равно не получилось молодых разлучить. И вот как вывернулись, чтобы свадьбу не играть: пришли в загс в спортивных костюмах оба, Дашка фату надела, он галстук поверх спортивной куртки, расписались, и – на месяц в свадебное. А за месяц до свадьбы в профилакторий ушли, там и приготавливались так к свадьбе своей – байдарочники.

Таисия подошла к сватё на регистрации и высказала:

– Какая дочь у вас! Начинает в семью входить с раздора! Меня с сыном хочет разлучить. Надоумьте её.

Та опешила, залепетала, что поговорит. Ей Дашка и не рассказывала, как смотрины проходили. Всё нормально, мол.

– Может, в вашей семье это нормально, а в приличных полных семьях это нормальным не считается – с матерью сына ссорить.

После свадебного путешествия этим революционерам деваться некуда – пришли к Таисии жить. На съёмную квартиру денег не было, так что бастуй – не бастуй, а спать под открытым небом не будешь. Но тоже ведь как изловчились: и на работу вместе уходят, и возвращаются вместе, чтобы Дашка одна со свекровью не оставалась. Поэтому никак не удавалось с сыном по душам поговорить. Пока не поздно, пока не забеременела, можно ещё безболезненно развести их, да сыночку хорошую партию устроить. Таисия прямо испариной покрывалась, когда Дашка себя неважно чувствовала: уж не понесла ли, чёртова дочь?

И вот, слава Богу, сын стал раньше жены с работы приходить – Дашка много уроков вела. Её погрызть не получится, а вот сыну напеть – очень удобно.

– Чего это жена твоя в школе так долго сидит? С физруком, что ли, снюхалась? – елейным голосом спрашивает.

– Ты чё, мать? Мы хотим комнату снять, в кооператив вступить, она на две ставки работает.

Вот ведь гадина! Всё-таки увести хочет Серёню из отчего дома.

– Дочка уехала, вы съедете, мы с отцом в старости одни останемся, – и в слёзы.

– Ты что! Старость когда ещё? И мы ж не уезжаем куда-то далеко. В городе, рядом.

Таисия понимала, что перегибать тоже нельзя: сын Дашку любит, считает, что мать к ней плохо относится, и у него позиция – защищать. Хорошее качество. Только если бы не на Дашку направлено было. Ну, надо по капле. Точить и точить

Всё боялась, что забеременеет сноха, а тут год прошёл, но ничего. И вот, покормив как-то хорошо сына, пришедшего с работы, спрашивает:

– А чего она не беременеет? Вот Ритуля уже второго ждёт. А вы и одним не обзавелись.

– Не лезь, молодые ещё, всё успеем.

А сам не очень уверенно говорит. Значит, и его это волнует. Но на сегодня хватит. Спросим ещё раз, как подходящий момент будет. Надо аккуратно всё делать, чтобы не подумал, что я против неё настроена, что придираюсь. Явно сын любит Дашку. Просто недуг какой-то у парня – кроме неё никого не надо.

Но если он от горькой пилюли отворачивался, придирки к жене в штыхи принимал и вставал на защиту, то надо в сладкой оболочке горькие-то пилюли давать. Мужики же – они дети, своей пользы не понимают. Да ещё, когда в роли защитников выступают, себя героями чувствуют, что они необходимы

обижаемым, что они настоящие мужики, защитники. Мужик, он по природе – защитник. Надо по-другому с сыном.

Дашка готовила хорошо. Тут ничего не скажешь. Был у неё к этому дар буквально и любовь, она всё Серёжку получше накормить хотела, и у неё получалось. Когда пару раз сын сказал, что у жены лучше и пироги, и рассольник, Таисия поняла, что надо делать.

Как-то Дашка допоздна уху готовила, голубцы – с работы поздно пришла, но обеды на два-три дня приготовить – обязательно. Серёжа уже спал, а она жарит-парит. Утром он есть уху не будет, ясное дело. Ну и хорошо.

Таисия соли сыпанула в суп. Серёжка с работы пришёл, жена ещё на работе, он мать просит:

– Мам, согрей мне поесть.

Таисия лежит на диване:

– Что-то мне, сынок, нездоровится. Сам погрей, Дашенька вчера до часу ночи копошилась, она у тебя хорошо готовит. Погрей сам.

Пусть всё сам. Она не прикасается даже.

Сын в кухне возится, Таисия от нетерпения ногами сучит. Слышит, он чертыхается. Она из комнаты кричит:

– Что там у тебя? Помочь?

Встала, делая вид, что еле ковыляет, на кухню пришла. Серёжка перед тарелкой сидит:

– Пересолила! Есть невозможно.

– Влюбилась, наверное. Она красивая, родители учеников наверняка засматриваются. А как тут устоишь? Воспитание должно быть. А чего одна мать могла дать дочери, какое уж тут воспитание? Не уследишь. Да бывает, не огорчайся. Жалко, продукты перевела, – Таисия попробовала уху, поморщилась. – Только в унитаз вылить.

И вылила, чтобы Дашка не попробовала и не догадалась, чьих рук дело.

– Я, может, хуже готовлю, но и мамино супа не побрезгуй, сынок, – она налила борща, который готовить так и не научилась толком.

Сын ест, а она опять:

– Чего внуков не подарите маме-папе? Не может забеременеть?

Сын молчит.

– Аборты, наверное, делала, по глупости, по молодости. Вот и расплачивается. А ты страдаешь. Все мы страдаем.

Сергей уже не возмущался на такие реплики в адрес жены, уже не вставал горой за свою, как раньше. Это хорошо. Сказал тихо:

– Она честная.

– Честная? Ой, сынок, вон бабы рассказывают, как девки-то подлавливают недотёп, как ты у меня. У неё женские дни, она тебя в этот момент подловит – вот тебе и честная. Не говорю, что Дашенька так сделала, но чего она забеременеть-то не может? Есть же причина.

Говорит так Таисия сыну, сокрушается, что внуков нет, а сама Бога молит, чтобы та не беременела. О хорошей, стоящей партии для сына все мечты!

Встретила тут Веру, случайно. Они переехали, знамо дело: отец из секретарей райкома в предприниматели перешёл, всё строительство сейчас в его руках. Вера замуж вышла, это Таисия знала. А тут встретила, а Вера говорит – развелась. Спросила, как Серёжа. Таисия стала сетовать: такая сноха попала – горе одно, наверное, разведутся, Серёжа её не любит, та на себе женила, а он, Верочка, тебя, думаю, и любил, и любит.

Та зарделась. Пусть, мол, позвонит. И вы мне звоните.

И Таисия ещё сильнее размечталась об удачной женитьбе сына: вот бы с самыми богатыми в городе людьми породниться! А Серёже развестись, если детей нет, проще простого. Укажи на дверь и забудь, как звали.

И опять сын хорошо на слова о женских проделках отреагировал – не стал кипятиться, как раньше бывало, что намекают на его Дашу. Не стал мать упрекать, что наговаривает на его жену. Капля камень точит. Таисия и гору выточит ради счастья сына.

...Сергей не вышел в коридор встретить жену после работы. Первый год их брака они возвращались с работы вместе. А потом Даша стала брать много часов в школе, чтобы скопить на кооперативную квартиру и съехать от родителей, точнее, от матери. Возвращалась поздно, и муж всегда её встречал в коридоре, помогал раздеться, брал её сумку... А тут – не вышел.

Даша подумала, его дома нет. Но куртка, ботинки на месте. Сняла плащ, пошла в свою комнату. Свекровь высунулась из своей двери:

– Дашутка, что-то ты в школе пропадаешь. Соседка говорит, у вас молодой физрук появился. В спортзале, небось, упражнения на мате всякие делаете? Да я шучу, шучу, – и дверь захлопнула.

Сергей лежал с книгой на не расстеленной кровати, даже не оторвался от чтения.

Она села на краешек.

– Не болеешь?

– А ты бы хотела, чтобы я болел?

– Что случилось, Серёженька? – Даша постоянно чувствовала себя виноватой. В том, что для его матери она нежеланная, и он против воли той пошёл. Всё-таки мама – самое родное существо, а он из-за Даши с ней то и дело конфликтовал. Когда он пришёл на практику на хладокомбинат и она его увидела – обмерла: красивый, одет модно. Она от девчонок ещё до того, как его увидела, слышала восторги: такой красавец! Все повлюблились. А она с ним не пересекалась, потому что по вечерам работала, во вторую смену, он к этому времени уже уходил. А тут она пораньше пришла, чтобы кофточку, что Маринке связала, передать. Та в первую работала. И вот Маринка выходит с Серёжей как раз из проходной. Даша так смутилась! Маринка ей, мол, чего ты, давай, а то мы на автобус не успеем. А Сергей говорит:

– Марина, познакомь меня с подружкой. Что за тайные передачи пакетов? Кофту связали? А мне свяжете свитер?

Маринка, конечно, приревновала, подхватила под руку Сергея и утащила на автобус. А через день Сергей у проходной Дашу ждал, когда та на работу шла... И она с тех пор как бы в недоумении: что он в ней нашёл? Всё поверить не может, что ей такое счастье выпало.

– Может, это ты болеешь? Или болела? Или не болела, но операцию сделала? – муж раздражался с каждым словом всё больше.

Таисия с замиранием подслушивала: первый раз сын с Дашкой говорит по-мужски. Слов ей не разобрать, но тон – то, что нужно, явно выговаривает этой побирушке. Давно пора.

– Чего ты забеременеть не можешь? Может, тебе провериться? Или ты и так знаешь, почему?

Даша растерялась. Боялась, что не удержится и проговорится: она уже давно обследовалась. И завотделением сказала: «Давно не видела такой абсолютно здоровой самки. Абсолютное здоровье! Мужу надо проверяться.

Говорю вам – причина в нём». А Даша не могла этого сказать Серёже. Язык бы не повернулся. И вот она, услышав этот его упрёк, боится выпалить, что здорова, проверялась. Это его обидит. Пока не получается, мало ли что. А потом получится. И о какой операции он говорит? Сейчас не будет переспрашивать. Надо промолчать, не хватало, чтобы они друг на друга кричали.

– Ты поел? – спросила.

– Мать накормила. Пока тебя дождёшься, с голоду умрёшь.

Мать накормила тем, что Даша приготовила. Но ему хотелось её обидеть, задеть. Упрекнуть хотелось.

На другой день – как ни в чём не бывало: поцеловал перед уходом на работу, виновато посмотрел. А Даша во весь рот улыбалась – примирились. И не ссорились, собственно. Мужчине иногда надо выплеснуть плохое настроение. И хорошо, что не на ком-то, а на ней сорвался. Он такой хороший. А если на кого-то наорал бы в сердцах, думали бы, что у него характер портится. Да просто Серёжа устаёт на работе. И мамаша ещё подзуживает.

Таисия понимала, что «частить» ударами в её спецоперации не надо. Поэтому неделю никаких атак не предпринимала. И вот удобный случай. К вечеру припёрлась Галка, мужнина младшая сестра, дрель притащила, которую для своего мужа брала, тот мастерит что-то. Таисия золовку не любила. Понимала, что та своего брата Васюню жалеет. Чего его жалеть? Царём живёт.

Таисия знала, что мужа надо поругивать то и дело. И не хвалить, а то много о себе будет думать, возомнит себя стоящим мужиком, да и уйдёт к какой-нибудь потаскушке. Надо его виноватить, чтобы он оправдывался всё время, показывать, что он, собственно, никчёмный мужик-то. На работе специалист? А дома – не специалист. Такое добро только вот ей, Таисии, и надо было. А другая, та же Светка, невеста его, давно бы убежала.

Галка у них одно время жила, Вася попросил её приехать, когда Ритуля родилась. Бабушек-то рядом нету, помогать некому. Вот и уговорили Галку после окончания школы – как раз будто подгадала – к ним переехать. Та на заочном стала учиться на инженера, днём с Ритушечкой возилась, по ночам сторожем – лафа, а не работа! Галка мечтала врачом стать, но заочно-то в медицинском не обучают. А брату кто будет помогать? Мало ли кто о чём мечтает? Вот Таисия мечтала торговый закончить, на директора магазина выучиться. Но брата твоего, Васю, встретила, чужого человека поначалу. Детки пошли. И какая уж тут мечта? Я ради человека, чужого мне, самого близкого тебе, Галка, мечту свою забыла! А ты ради родного брата не хочешь от прихоти, по сути, отказаться. Врачом она хочет! На твоё «хочу» есть семейное «надо».

Да и уж, если честно, не вслух кому сказать, то разве о Васе Таисия мечтала? Мечты-то были о голливудском герое, как Грегори Пек, о каком-нибудь райкомовском работнике на чёрной «Волге». А пришлось Васей довольствоваться.

Так что пошла Галка на инженера обучаться. Потом и Серёнька родился, с двумя детьми Таисии тяжело. Так что и замуж не пустили Галку, когда та засобиравалась за военного. С курсантом знакомилась, он закончил училище, она заявляет – уезжаем! Пришлось пристыдить, мол, совсем о родных не думаешь, сколько ещё будет у тебя женихов, а брат один.

И всё Таисии самой приходилось делать – уговаривать Галку никуда не уезжать и о свадьбе, пока племянники не выросли, забыть. Вася даже был против того, чтобы Галке не разрешать замуж за военного выходить. Ему,

видишь ли, жалко младшую сестру, её любовь. А детей своих не жалко? А жену родную не жалко? Обойдётся твоя Галка без своего военного. Ещё и спасибо скажет: по гарнизонам-то таскаться – велика ли радость?

Одним словом, не любила Таисия эту Галку. Есть за что. Та даже ни разу спасибо не сказала, что жила у них бесплатно, а можно было у неё за койко-место брать. Будь на месте Таисии стерва, брала бы. А так – только 30 рублей за питание брала с золовки. Не хватало ещё ту кормить. Что, у своих детей кусок отобрать и той в рот сунуть? С Таисией такие фокусы не пройдут.

Сидят Серёженька с тёткой-нянькой своей, воркуют, секретничают. Так привязаны друг к другу, что Таисия даже ревнует. Вот и скажи она:

– Чего, сынок, Дашка хочет тебе этими своими уроками в две смены показать? Что она больше тебя получает, больше работает? Унизить тебя хочет. Показать, что ты не мужик. Чего вам у матери не живётся? Им отдельную квартиру подавай! Ей надо, пусть и корячится. А ты не вздумай подработки искать. Так я говорю, Галчонок?

Галка глаза вылупила, как мешком кто пыльным дал сзади. Серёжка покраснел. Сказать что-то хотел, Таисия напирает:

– Вот так из мужиков тряпки делают да подкаблучников. Я одна правду говорю, а тётка твоя молчит, в рот воды набрала, – и ушла в свою комнату.

Ясное дело, что Галка не будет против Таисии Серёгу настраивать, что на Дашку зря наговаривает. Золовка – интел-лю-лю, благородная. А Таисии то и надо – пусть Серёжа с этой мыслью и останется. Пусть в голове у него это зудит. Глядишь, опять наорёт на свою.

...Сергей обрадовался очередной командировке. В своём городе он не хотел провериться всё ли у него-то в порядке? Но вот поехали устанавливать оборудование на Урал, им сразу сказали, что всей бригаде будет предписано медобслуживание в лучшей областной клинике. Там и проверится.

Только к концу командировки решился. Боялся. Вдруг узнает, что детей нет не из-за Дашки, а из-за него. Но решился всё-таки. И одинаково стыдно: или женщина-врач на это дело будет проверять, или мужчина. Была бабка почти. Так что нормально.

Когда пришёл за результатами анализа, по выражению лица врачихи, которая, пожалуй, в бабушки ему годилась, понял, каков этот самый результат. И главное, оказалось, что пока наука не научилась лечить это. Внешне ты огого, а на деле – пустой. Даже мысли появились: зачем жить? Хуже, чем импотент. А когда врачиха, именно как бабушка внука, попыталась его успокоить, мол, можно взять ребёночка из детдома, разозлился. Злился на Дашу. На её безропотность. Мать её гнобит из-за него, а она, как Исусик. В школе своей она же – строгий учитель, дисциплина у неё на уроках – будь здоров. А дома всё сносит.

Из детдома никаких детей он не хочет. Не хочет! Хочет своих. Пусть даже только Дашкиных.

Скоро командировка кончается, домой надо возвращаться, а Сергей думает сбежать куда-нибудь на край света. Ото всех. В монастырь, что ли? Там само собой никаких детей не предполагается. Домой не звонил, и на третий день его молчания к начальнику цеха, где они оборудование устанавливали, вызвали.

– Сергей, чего ты домой не звонишь? Жена с матерью приехать вознамерились, думают, то ли ты в больницу попал, то ли загулял. Давай, не вноси разлад в ячейку общества. Я их успокоил, конечно, что и здоров, и гулять

некогда – на работе с утра до ночи. Не терзай женщин. Они же тебе не простят. Затаят обиду. Бабы умеют отомстить – в самый неподходящий момент. Не напрашивайся зазря. Такое вот дело.

Это тоже злило: чего чужих людей впутывать? Подумаешь, не звонил пару дней! Бабыё. Шумиху подняли. То ли порознь звонили, то ли ради такого случая скооперировались. Откуда телефон узнали! Завод-то – почтовый ящик.

Сергей злился на весь свет, его мать злилась на Дашку: настроила сына, что ли, против неё? Не может быть, что Серёженька два дня просто так не звонил. Наверняка ей-то звонит: или в школу, или та на переговорный пункт бегаёт, созванивается, а матери говорит, что Серёжа и ей о себе знать не даёт. Ничего, Таисия придумала, как выяснить, что случилось. Пошла утром к началу рабочего дня к проходной – поймать начальника Сергея, Петра Васильевича. У них очень дружный коллектив: праздники семьями отмечали, походы в театры, на концерты. Так что все знакомы. И у проходной столкнулась с Дашкой. Вот тоже хитрая какая! Ни слова не сказала, что можно узнать не случилось ли чего, на работу Сергея сходяв. А если бы Таисия не догадалась? Дашка бы сама узнала, а ей бы ничего не говорила, так и знай.

Пётр Васильевич удивился, что Сергей домой не звонит, но успокоил: они по работе каждый день на связи, он вчера вечером попросил по чертежам кое-что уточнить. Наверное, в аврале, вот и не доходят руки. Порой сам с работы приходишь, валишься на диван, слова не вымолвишь, язык от усталости не ворочается. Так что всё нормально.

И дал номер телефона заводууправления: можно попросить связать с начальником цеха, где сейчас Сергей работает.

Сергей умышленно затянул работу в командировке ещё на неделю, чтобы в себя прийти. Каких только мыслей не было! После решений повеситься, уйти в монастырь, уехать на Крайний Север, немного успокоился. Понял, что это не варианты. Ничего, жизнь покажет.

...И жена, и мать заметили, что он другим вернулся. Даша понимала: что-то случилось. Она мужа никогда не пытала – сам расскажет, не надо в душу лезть. Он знает, что её волнует всё с ним связанное, не подумает, что ей безразлично, что с ним, потому и не расспрашивает.

Мать заволновалась. Уж не нашёл ли там какую-нибудь голодранку, как жена вон. Вера-то из рук уплывает! Надо его расположить к откровенности. Он, спроси напрямую, не признается, а надо, чтобы на эмоциях проговорился. Сам. С ним что-то произошло в командировке. Ни на тренировки свои не ходит, ни с друзьями не встречается. В воду опущенный, одно слово. Вот и надо его растормошить. Таисия как-то спрашивает вернувшегося с работы сына:

– Это твоя майка, сынок? Дашуля купила? Не мала тебе? – показывает мужскую майку камуфляжной расцветки.

– Не моя.

И понятно, что не отца, для него слишком навороченная, тот любит сдержанность в одежде. Да и мать отцовские майки знает, чего бы у него спрашивала, откуда она?

– Мы с отцом уезжали на пару дней в профилакторий, Дашуля одна оставалась, приехали, смотрю – майка за диван упала. Я решила, она тебе купила. Да не новая майка-то. И тебе, вроде, мала будет. Чья, не знаю. Ну, придёт с работы, спросим.

Сергей вдруг подумал, что если бы жена изменяла, то могла родить. И это уже был бы не совсем чужой ребёнок, а ребёнок Даши. Когда обнаружилось,

что он не может стать отцом, у него злоба была и на то, что Дашу тоже делает бездетной, значит, виноват. И вот, когда мать этот разговор затеяла, он подумал: хорошо бы Даша действительно от кого-то родила, но чтобы и сама думала, и все считали, что от Сергея. А мать всё-таки ехидна настоящая: как отец с ней всю жизнь прожил? Сергей бы не смог. Мать оговорила жену, в этом сомнений у Сергея не было. Он подумал: чего раньше, до того, как он себя на это дело проверил, Дашка не сходила налево? И Сергей бы, не зная, чужого ребёнка своим считал. Это было бы здорово! Тот случай, когда достоинство – верность жены – оборачивается недостатком.

И запретить матери расспрашивать Дашку о детях нельзя. Та всё равно по-своему сделает. Скорей бы в свою квартиру переехать. Но кооператив, дай бог, через год построят. И на квартиру съёмную уйти нельзя, деньги накопленные тратить.

Не успела Даша дверь открыть, как мать с майкой к ней:

– Дашуля, доченька, не знаем, чья майка? Не отца, не Серёжи. Может, какие гости у тебя гостевали, пока нас не было, да и забыли? Надо бы отдать хозяину. Может, физрук с работы приходил, да случайно оставил? – елеинным голосом спрашивает. Психолог!

Даша оторопела, покраснела. Словно точно – виновата.

– Да ладно, чего копаться в грязном белье. Что было – то было, – мать от плохо скрываемого ликования чуть не в воздухе парит. Ведь как всё продумала, устроила спектакль с майкой: и расцветка молодёжная, не стариковская, как отцу бы подошло. На что-то, на это она расстарается.

Дашка проревела всю ночь. Тихо сопела в подушку. Это раздражало Сергея: не может матери скандал устроить, сносит всё. Исусик домашний. От матери столько натерпелась! Он вдруг испугался: а если она уйдёт? Он очень её любил. Без сю-сю, без объяснений через каждые пять минут. Но реально жить без неё не мог. С ней было спокойно и надёжно, и в то же время она его волновала всегда. Может, годы их брака – не срок для того, чтобы супруга приелась, но он не насытился женой.

Ученики всех классов, в которых в этот день вела уроки Дарья Васильевна, сидели притихшие: учительница выглядела растерянной женщиной. Она не могла сосредоточиться, объясняя тему, вдруг на полуслове останавливалась, в 5 классе в конце урока забыла дать задание. И ученики, в обычный день радостно убежавшие бы с урока, ликуя, что задания нет, в этот раз сами тихо спросили: «Дарья Васильевна, а домашнее задание?» Она виновато как-то не улыбнулась даже, а уголками губ чуть дёрнула.

– Да, конечно. Параграф 12, упражнение 24, 26 – письменно, 25 – устно.

Завуч поинтересовалась, как она себя чувствует, не случилось ли чего дома? Если что, отгул можно взять. Хотя отмена уроков – ЧП. Но отношения в коллективе очень хорошие, и взять на себя уроки коллег учителя не отказывались. Если что, сама Даша выручала коллег и в свои «окна» шла подменять даже учителей начальных классов или географа. Отгул не взяла: справится, это так, небольшие неприятности.

Домой пошла к маме. К урокам без учебников и пособий, которые в свекровкином доме были, не подготовиться, но она бы и без того была не в состоянии о работе думать. Мама удивилась и огорчилась. Хотя Даша ничего не рассказывала, но было понятно – неприятности.

– Сходи к подружкам, или в кафе, что ли, пойдите, – посоветовала вдруг мама. И Даша подумала: да! Позвонила Ольге, Розе, те охотно откликнулись:

встретились около кинотеатра «Дружба», хотели пойти в кафе «Пингвин», но Даша увидела, что туда идут её десятиклассники. Не годится. В ресторан «Отдых», он напротив. Там точно учеников нет. На неё нашло какое-то бесшабашное веселье, собственно говоря, истерика. Даша вообще не пила, но тут подруги заказали шампанское, она выпила два бокала, и так стало ей хорошо, как-то беззаботно, легко. Она забыла, когда последний раз танцевала. Нет, не забыла, да вот на выпускном десятиклассники приглашали её наперебой – молодая любимая учительница. Но сейчас в ресторане она не шла танцевать медленные танцы, на которые её звали подвыпившие кавалеры из-за соседних столиков, но втроём с девчонками они лихо отплясывали быстрые танцы один за другим, пока не объявляли медленный. Розу и Ольгу тут же подхватывали кавалеры, а Даша категорически отказывалась и шла за столик.

Домой вернулась в состоянии, о котором классики соцреализма сказали бы «усталая, но довольная». Конечно, звонил муж, искал, мама ему сказала, что дочь приходила, но ушла к подругам, заночует у них. Сказала так, чтобы под дверями не торчал.

Он ждал утром около школы. Только спросил:

– Жива-здорова?

– Как видишь.

– Ты что, мать не знаешь? Не обращай внимания или ответь ей так, чтобы заткнулась.

– Может, тебе ответить, чтобы заткнулся? – вот уж от себя не ожидала. – Мне ещё 9 уроков сегодня вести и классный час. Не до разборок. Жить я буду у мамы, – и пошла на уроки.

Таисия, дождавшись сына с работы, натёрла глаза, чтобы красные были, выдавила слезу и, как только услышала звук ключа в двери, завывала. Когда Сергей вошёл, она запричитала:

– Правду сказать нельзя. Вот поймали её, так ещё и тебя виноватой делает. А родной сын наорёт. За что ты на меня вчера орал? В чём моя вина? Разве я её ругала, упрекала? Я же наоборот, сказала, что ничего страшного, даже если и был гость. Дело молодое.

Сергей, если бы не выбежал из дома, то ударил бы мать.

Пошёл в заводское общежитие. Надо найти съёмную квартиру, пусть дольше за кооператив придётся расплачиваться, но от родителей уйти. Мать жизни не даст.

После работы зашёл домой вещи взять. Мать встала перед дверью, руки раскинула – не пуцу. Запричитала.

– Мам, всем нам лучше будет. Я Дашу люблю, ты нам житья не даёшь. Будем жить отдельно, в гости ходить – и отношения нормализуются.

Мать надрывалась:

– Родителей на какую-то шалаву променял. Она в супружескую постель кого-то привела, до чего наглая. Тихой сапой всё. Учительница называется. Надо в школу сходить, рассказать о её поведении.

– Посмей только! – не проговорил, а прошипел Сергей. Отодвинул мать и вышел.

На другой день после работы у проходной его сестра с мужем поджидали. Ритка с наскока набросилась:

– Серёж, с ума ты сошёл? Руку на маму поднимаешь. Вот уж не поверила бы. Одумайся. Даже не знаю, что сказать. Мать чуть не при смерти. Никто не стоит того, чтобы с родителями ссориться.

Благоверный её туда же:

– Да сколько у тебя жён может быть, а мать – одна.

– А у тебя сколько?

Тот смутился:

– Что ты сравниваешь? У меня не жена – золото чистой пробы. И тёща такая, все завидуют. Это какой стервой, ты меня извини, надо быть, чтобы с такой женщиной отношения испортить! Никогда не поверю, что мама-Тася спровоцировала скандал. Святая женщина. Кроме добра и ласки ничего от неё не видели. А Дашка твоя ни наследников не может родить, ни отношения добрые сохранить.

Сергей обозлился:

– С какой стати ты мою жену Дашкой называешь? Это я могу её так называть и сестру Риткой, а для тебя она Даша и Дарья.

– Да для нас она никто! – Ритка заорала, не стесняясь окружающих. – Если ты домой не вернёшься, перед мамой не извинишься – ты мне не брат! Я маму в обиду не дам. Правильно Виталий говорит, родить не может, так ещё мужиков в дом таскает, в тихом-то омуте. И все виноваты у неё. Ещё заразит тебя, дождёшься, – Ритка уже сама не понимала, что болтает. Разошлась.

– Ты же ничего не знаешь! – Сергей очень любил сестру, они с ней всегда не разлей вода были. Обидно, что та, не разобравшись, наговоров материнских наслушавшись, на его жену всё валит.

– А чего тут знать? Чего знать? Поймали её за хвост, она убежала и тебя против родителей настроила. Голова-то где у тебя? Я от Даши не ожидала, честно скажу. Шалава. Мама права оказалась. Я тоже, как ты вот, думала, что Даша хорошая, скромная, что это мама придирается, всё-таки она тебе, честно говоря, другую партию задумывала. Не дури. Возвращайся домой. Мы уже тебе не дороги? Одна жена хорошая, все кругом плохие. Вот уж ночная-то кукушка перекуковала. Куковать кукует, а детей не приносит. Гнездо пустое.

Сергей слушать не мог. Чуть не проговорился, что это он пустой, это он гнездо пустующим оставил. Сказал:

– Не брат так не брат. Я в родню никому не набиваюсь.

Ритка закричала вслед, мол, Серёжа, не уходи, давай договорим. Но он почти убежал. Напился и не вышел на работу. Передовик, секретарь комсомольской организации цеха – прогульщик.

Но во время обеденного перерыва явился Лёнька, товарищ по спортивной команде, у которого в комнате общежития, поставив раскладушку, и устроился Сергей, и буквально вытащил во вторую смену, чтобы прогула не было. Уволят с волчьим билетом, не хватало этого. После второй смены ещё и в спортзал потащил, вдвоём в кольцо мячи на спор забрасывали. Сергей проиграл. Но успокоился. Спортзал, проигрыш другу его охладил. Он был уверен, что снимут квартиру или комнату, потом въедут в кооператив, и всё у них наладится. Хорошо бы Дашка состервозничала, принесла в подоле, и сама бы думала, и все бы думали, что это их ребёнок.

А Даша и в выходной пошла в «Отдых». Опять с подругами. Те первый-то раз с удовольствием побежали, давно нигде девичником не собирались, а здесь уже, второй раз, с оговорками. Мол, мужья ещё раз отпустят – и всё, больше не разрешат, скажут, чего это вы зачастили. У Ольги уже двое по лавкам, у Розы годовалый, ей дома в декрете сидеть скучно, но два раза подряд в ресторан – перебор. А Даша хотела опять такого веселья – и всё! И точка. Тогда – без причины, а сейчас – будущий день рождения отметим.

Но шампанское уже не пила, ей и тогда не понравилось, она и без шампанского, словно веселящим газом кто одурманил – хохочет и хохочет. Под быструю музыку танцует в общем кругу, под медленную сидит одна. Мужчина из-за соседнего столика, где сплошь кавалеры, постарше её, что-то отмечали, подошёл, пригласил на танец под её любимые «Сумерки»:

– Дарья Васильевна, можно вас?

Она смотрит, не узнаёт его. Он, может, родитель, имя её знает откуда? Отказалась. Но с весельем поутихла. Неловко. Она больше в ресторан не пойдёт. Тут опозоришься – везде же родители учеников могут оказаться.

В почтовом ящике нашла записку от Сергея: «Я пока в общежитии. Найду квартиру или комнату – перееду туда, дам тебе знать, тоже приходи, когда успокоишься и простишь».

...На школьные родительские собрания отцы редко ходили – одни мамы. Вот только у Костенкова Алексея всегда папа приходил, у них в семье считали, что к дочери должна ходить мама, а к сыну – папа, чтобы правильное воспитание было. Даша сидела за столом, и к ней до начала собрания подходила то одна мама, то другая. Она не следила, кто приходит, садится на свои привычные или просто свободные места. Ровно в 18 часов встала, поздоровалась со всеми, начала собрание. Вот родитель сидит, он первый раз на собрании, но лицо знакомым кажется:

– Вы у нас чей папа?

– Дворецкий. Димы Дворецкого.

Дворецкий был руководителем спорткомитета. Даша это знала: записи о рабочих местах, должностях родителей в классном журнале есть.

Она вела собрание, а сама пыталась вспомнить, где она этого Дворецкого видела.

После собрания тоже подходили мамы, то да сё. Папа Дворецкого всех пережидает. Когда она уже одна осталась, подошёл, спросил:

– Вы вообще медленные танцы не танцуете, или желания не было? – улыбается.

– Только с мужем танцую.

– Похвально. Вас проводить? Темно уже.

– У меня глаза кошачьи, найду дорогу.

– До свидания, – повернулся, чтобы уйти, но остановился, добавил: – Не у каждой кошки такие зелёные глаза.

Через неделю Даша даже не удивилась, когда вышла из школы, а её этот Дворецкий-старший подкарауливает. Она не ожидала, но не удивилась. До дома её проводил, парой слов обменялись, сначала как-то неестественно, напряжённо говорили: о Диме, его успехах и неудачах. Потом о погоде. Как в анекдоте.

И когда в другой раз Дворецкий из машины посигналил ей, уже отошедшей от школы на квартал, она тоже не удивилась. Покатались по городу. Заехали в блинную на окраине города, посидели. Опять ни о чём говорили – пустяки. Он не лез целоваться-обниматься, не прикасался. Смущались оба. Хотя было видно, что мужик с биографией, как про таких Роза говорила. С биографией, но дополнять «боевые завоевания» Дарьей Васильевной он то ли не спешил, то ли не собирался. Хотя чего тогда встреч ищет? Она всё время в напряжении была. Просто себя чувствовала женщиной с ним, женщиной, которая нравится и при которой смущаются, краснеют.

...Забеременела с единственной их близкой встречи, на её саду-огороде. Дворецкий её как-то подвозил туда: она беспокоилась о маме, которая не приехала из сада. И не зря беспокоилась. Мама затемпературила там, решила отлежаться. И Даша с ней осталась – благо, каникулы. А тут она одна в огород поехала, на автобусе. И вдруг он туда приезжает – дорогу-то знает. Оказалось, позвонил домой ей, мама как родителю Дашиного ученика в простоте сказала, что та на огород отправилась. И когда он подъехал, а она, смутившись своего огородного вида: старые штаны, кофта, платок на голове, повязанный так, чтобы волосы не мешали, – зарделась, не знала, куда деваться, оба поняли, что период притираний, ухаживаний венчается этой старой кофтой.

После случившегося Даша прекратила встречи и на звонки не отвечала. Так стыдно было за себя, стыдно перед мужем – единственным мужчиной в её жизни. Вот уже и не единственным. А Дворецкий просто одержимым стал: караулил, подарками засыпал, которые она не могла не принимать – он в почтовый ящик подложит то коробочку с кольцом, то конверт с золотой цепочкой. Она это всё складывала, чтобы, когда он остынет, всё отдать. И когда её два утра подряд стошнило, она и напугалась, и обрадовалась.

И помирилась с мужем. Очень удачно всё сошлось. Получилось в собственную квартиру раньше, чем намечали, вселиться. Кто-то с завода переезжал в другой город и свою квартиру кооперативную предложил Сергею. С обстановкой – переезжай и живи. У самой какая-то богатая бабушка скончалась в Свердловске, у той дом – полная чаша, свою мебель туда не повезли, всё оставили. Часть денег Даша с Сергеем могли уже выплатить, а остальное постепенно. Как удачно всё! Судьба на её стороне.

Годы бездетного брака – и вот сын. Радости!!! Но Даша какой-то запуганной радостью радовалась, что правда всплывёт: всё-таки от мужа уходила, а когда вернулась, то ребёнок через 8 месяцев родился. Могут заподозрить.

Конечно, всем сказала, что недоношенный. Раньше срока родился. А сын – 3800. Какой тут недоношенный? Думала, что если муж узнает её тайну, то уйдёт от неё, жила в страхе, под этим гнётом. Она любила Серёжу. Любила. А сейчас ещё большей виноватостью любила: и что с матерью его поссорила, и вот понесла не от него. Только бы не догадался.

Сергей орлом ходил. Сын! Все поздравляли. Отец так радовался! А мать от злобы – вот уж привязала пелёнками накрепко! – иссохла. Всё приходила смотреть – несходство искать. Сергей боялся, что найдёт, и злился. Вообще не хотел ребёнка матери показывать.

За год раза три только и видела Таисия внука: то отговорятся, что болеет. То, что спит. То в дом отдыха уехали. Тайно приходил отец, гулял с внуком, нянчился. Обожал Сашеньку.

А когда отметили сыну год, легли спать, счастливые все трое, Сергей уснуть не мог. Не знал, что и Даша, повернувшись спиной и посапывая, не спит. Она заметила, что у сына уши, как у Дворецкого. Такой малюсенький, а ушные раковины, как у отца, у родного отца. Вдруг Серёжа не просто как-то узнает, догадается, от неё уйдёт, но и у сына имя отнимет? И тот останется как бы незаконнорожденным. Такой кроха, а уже над ним трагедия висит. Ужасно.

И какая это травма – жена на сторону ходит. От такого-то мужа! Вот не хотела она. Глупо с изменой получилось. И такое счастье – сын. Конечно, ещё дети будут. Они с Сергеем и до свадьбы мечтали: минимум пятеро, чтобы «семь я». Видимо, что-то у Даши всё-таки не в порядке было. Не могла «понести». Но вот первый родился, и ещё дети пойдут. Если она от случайного

фактически человека так ребёнка любит, как же она будет любить Серёжину кровиночку! Побыстрее бы детки пошли.

А Сергею в голову ударило: если Даша ему не верна, может, она и вправду гуляла и до него, но как-то исхитрилась честной показаться. Может, она ему всё время изменяет. И не любит совсем, а надо было ей свою нечестность замужеством покрыть. Он ей верил абсолютно, но ведь родила. И ничего не говорила, не повинилась, не призналась. Как ей верить в чём-то? Разводиться он не хочет. И совершенно не хочет, чтобы она признавалась. Тогда надо же реагировать! Разводиться, или что? Этого он боялся, что придётся развестись. И не прореагировать нельзя, если жена откроется ему. Ужасно рад ребёнку, но Дашка врёт!

Утром оба были не выспавшиеся. Сергей перед работой даже завтракать не стал. Одедся, умылся, дверь хлопнул. Даша в ужасе. Догадывается? Может, тоже увидел несходство?

Он понял, что она боится. Что у неё страх. И пока шёл на работу, чувствовал, что своим страхом она платит за неверность. И ему даже приятно стало. Он что, садист? Он же от её мучения удовольствие получает.

Вечером понял, что она весь день переживала – по ней всё видно. Она только в школе собой владеет, а дома – всё на лице, все переживания. И опять у него радость. Свой грех она искупает этими терзаниями. А он ими наслаждается! Как-то заметил, как Даша, замерев, наблюдает, как он ребёнка, качая на руках, рассматривает. Она боится! Дрожит. И он стал то и дело устраивать ей эти пытки: то пристально смотрит на сына, то вдруг спросит, мол, не могу понять, на кого похож? Дашка чуть не в обморок валится в такие моменты.

...Он хорошо поел, поиграл с Сашкой, который при виде отца повизгивал, как щеночек. Как хорошо, что у него сын. Но не дай Бог, Дашка ещё родит. Значит, она гуляет напропалую. Тогда он может не удержаться и сказать, что знает: дети – не его. Надо будет уходить. А он уже, наверное, не мог и без этой власти над женой, её страха. Дашка ему и раньше не перечила, а здесь рабыней зажила. Ему нравилось это ощущение полного властителя. Не дай Бог, она уйдёт.

Пришёл отец как-то, он втайне от матери их навещал. Когда сын с семьёй стал жить отдельно, отец очень со снохой сошёлся. Придёт в гости, она всегда его так сердечно встречает, так за ним ходит! Полное уважение. Зять не так уважителен. Тот перед Таисией ковром стелется. А подкаблучника-тестя не больно ублажает, даже с пренебрежением может тому что-то сказать.

И вот Сергей возвращается с работы – отец у них сидит. Видно, что о чём-то серьёзном говорили. Но когда спросил, чего вы, как заговорщики, они отшутились, но не очень остроумно. Какая-то у них тайна. Вечером, когда отец ушёл, жену спросил:

– Что случилось, чего вы как пришибленные?

– Пусть сам отец рассказывает.

Не соврала, что ничего не случилось, мол, с чего ты взял. Врать всё-таки она не очень умеет.

– Может, мать болеет, сам он или Ритка?

– Нет, ничего страшного, – Дашка поспешила его успокоить. – Сам расскажет, придёт время.

Какое время придёт? Для чего? Допытывать не стал.

Через месяц после этого пришёл отец. Попроцаться. Приходил-то он частенько, а тут – попрощаться. Уезжает в родной город. К своей первой любви,

невесте, не ставшей женой. Таисия его одного никуда не отпускала, даже к родителям, те сами приезжали повидаться. И вот год назад сестра, Галка, говорит, мол, Света мужа похоронила. Галка, когда родители умерли (один за другим – сгорели от пневмонии), в родной город перебралась, в отчий дом. Света, оказывается, с Галкой всё время связь поддерживала, да только ничего об этом Василию не говорили. Чтобы не расстраивать. Света его так и любила. Хотя очень хороший муж у неё был. Директором завода стал, трое детей. И вот умер. Василий попросил телефон Светы. Волновался перед первым звонком, как перед первым поцелуем. Услышал голос и просто потёк. И слезами, и переживаниями. На старости лет любовь опять у него! Он не мог поехать повидаться, Таисия всё под контролем держала. Света приехала сама. Увиделись. Он боялся, что она в нём, немолодом, разочаруется. Она сказала:

– Какой ты красивый, Василёчек мой синеглазенький.

Таисия за всю жизнь ему ни одного ласкового слова не сказала.

И отец приходил к Даше, советовался. Не к сыну – к снохе, ей больше доверял: она рассудительная и справедливая. Вот что она как женщина думает: он, уже немолодой, да и понятно, что перспектив у него карьерных никаких, выше главного инженера так и не поднялся, может он женщине нравится и сделать её счастливой? Или, к примеру, он уедет. Но Таисия тогда одна остаётся. Хоть Ритка с матерью в хороших отношениях, но, по правде, обе стервы, не уживутся. Так что состарится совсем Таська, вам надо будет её дохаживать.

Даша успокаивала: сколько бы она мне крови ни выпила, но конечно, заберу к себе. А вы хоть в счастье поживёте. Вот уж где верна пословица, что лучше поздно, чем никогда. Вы его, счастья-то, не видели, честно сказать. Счастливым отцом были и всегда будете. А мужем – не были. Хорохорились, что жена какая хорошая, но говорили-то из боязни перед этой хорошей женой. И себя всё убеждали, а сколько себе ни говори, что счастлив, а правду знаешь. Поезжайте. И насчёт себя не сомневайтесь – интересный, импозантный мужчина, на все руки мастер, характер – золото. Счастливой любую женщину сделаете.

Отец уехал, просто уйдя из дома, только документы взял. Позвонил, прибыв на место, сказался: уехал, подам на развод.

Таисия сыну звонить. Чё отец учудил! Чё учудил! Кто его надоумил? Горя не знал, жена – золото, дом – полная чаша. Это его сглазили. А кто, как не твоя гадюка зеленоглазая?

А сын почему-то и не удивился совсем, когда Таисия ему такую новость про отца сказала. Что, знал о его планах?

Прибежала, когда Сергей на работе был. Стала в дверь молотить. Даша открывает. Та врывается:

– Стерва, ты всё подстроила! Чтобы ты со своим ублюдком сдохла! Напасть на нашу семью. Подговорила ты его, он к тебе таскался. Я же всё знаю! Куда он утрясся, старый кобель?

Когда Сашенька, испугавшись, заревел, Даша взяла его на руки, спокойно сказала:

– Давайте, валите отсюда, мама.

..Сашенька всё больше походил на своего отца. Дворецкий красивым не был, не в пример Сергею. Обаятельный, мужественный, уверенный в себе, но не красавец. Как-то в гостях, подвыпив, Андрей, друг по студенческой баскетбольной команде Сергея, говорит:

– Слушай, Серёга, я думал, у тебя сын будет – все девки его. Ты – красавец, с нами не сравнить, Даша – красавица. А сынок не очень.

Даша покраснела. Вот идиот. Сергей растерялся. А Палыч, микробиолог (баскетболист двухметровый) говорит:

– Может, природа так устраивает, что особо красивых не воспроизводит, а то бы одни красавцы на земле остались. Если бы у красавцев, дети ещё и лучше были, а у тех детей – лучше их, то все бы были как боги. И природа проводит селекцию – от красивых родителей не особо красивые дети. А это значит, мы – не боги! ЧТД: что и требовалось доказать! Да и надо же пластическую хирургию развивать! Для этого требуются несовершенные лица, как у нас с тобой, Андрэ.

Все смеялись. Но в эту ночь опять, как когда-то, Даша и Сергей не спали, думая об одном и том же, боялись одного и того же: а если узнает?

Даша жила в страхе, что муж узнает обо всём. В страхе, что Дворецкий догадается. Причём, боялась и того, что тот захочет своё отцовство демонстрировать, претендовать на что-то. И того, что, догадавшись, испугается этого своего отцовства. Тогда за ребёнка будет обидно, что он для родного отца нежеланный.

В страхе перед свекровью, её одержимостью. В страхе перед мамой: Даша боялась расстроить маму, если та узнает, что дочь мужу изменила.

Сергей очень боялся, что Даша уйдёт от него. Неуёмная мать доведёт. Они обожали сына. И каждый боялся, что любимый узнает правду.

Ритка боялась, что мать на старости лет переберётся к ней. Не дай Бог!

Таисия боялась, что её мечта – развести красавца-сына, женить на выгодной партии, так и не сбудется. Боялась, что Ритуля не возьмёт её к себе, и как бы не пришлось доживать век с семьёй сына и видеть, как Серёнюшка пестует эту свою вшу в коросте, которую ну никак не выковыряешь – одни боль и зуд. Василий Петрович боялся, что его счастье с любимой Светой, у которой обнаружили опухоль, продлится недолго...

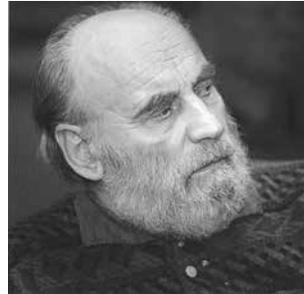

ПОЭЗИЯ

Юрий БОГДАНОВ

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джунглетта», «Морок», «Из-под плитуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

Из цикла сонетов

Сонет 1

Не молода, но всё ещё стройна...
Такою осень видим с малолетства:
Уставшая от лёгкого кокетства,
Ошибками весны умудрена.

Дождей и слёз глухая пелена.
Фату бросает под ноги невеста,
Бежит просёлком, вырвавшись из леса,
Навстречу снегу – с ним обручена.

Смотрю назад, о прошлом не жалея,
И не гадаю, что там быть могло?...
Меня лучом поэзии прожгло.

Я не могу сказать: не повезло!
Любимая пора Хемингуэя
Мне дарит жизнь, надежду и тепло.

Сонет 2

На голове у мальчика пушок,
Но он давно твердит, твердит упрямо
Единственно осознанное – «ма-ма»
И этим тренирует голосок.

А маме слышен будущий басок,
Хотя малыш ещё не ходит прямо.
Поторопить? Не надо. Слишком рано.
Весна придёт – его настанет срок...

Идёт по оттаявшей земле,
И мать глядит, не может наглядеться.
Ей существа на свете нет милей:

Сын выношен у любящего сердца.
И замирает полночью она –
Гул самолётов: «Только б не война».

Сонет 3

Прекрасен юноша вихрастый,
Любовно мать за ним следит,
И на щеке её дрожит
Воздушная слезинка счастья.

Он говорит сегодня «здравствуй»
Полям и солнцу. Жить спешит,
Возможно, без его участия
Земля по кругу не бежит.

Невесту за руку ведёт...
А матери чуть-чуть обидно:
Он с этой девочкой уйдёт,
Домой не воротится, видно?!

А мать останется одна:
«Пусть так. Но только б не война».

Сонет 4

У дочери своя семья,
У сына повзрослели дети,
Но шепчет мать: «За них в ответе
Перед великим миром я,

Они – кровиночка моя,
И это в них любой заметит...».
Им дарит тысячи соцветий
Медвяно-знойная земля.

А завтра с журавлиной стаей
И голос мамы отлетает...
И он по высохшей стерне

Пойдёт за ним и, как во сне,
Услышит: неба глубина
Шепнёт – «О, только б не война...».

Сонет 5

К мечте летим! С тобой мы два крыла!
Других сравнений не придумать сразу.
Не то, чтоб я не сравнивал ни разу
Нас с чем-то неземным: и с бурей зла,

И с морем ласк, и с душами тела...
Искал в себе неуловимость фразы,
Которую ловили богомазы,
Чтобы спасти от бренности тела.

Но вниз летит усталая стрела,
И птицы мирно складывают крылья,
Садясь на пашню... Земляною пылью

Обвеяна... С тобой мы – два крыла...
И, как болезнь, придуманность от были
В потусторонность тихо отошла.

Сонет 7

Утрачена былая глубина.
На сером небе осени тоскливой
Живут дожди семьёю молчаливой,

В тазу под крышей булькает вода,
И тени сосен бродят сиротливо
Неясными виденьями тогда.

Утрачена былая простота.
Ты смотришь в воду. Капля пролетает,
Черты лица мгновенно разбивает,
Как зеркало, и ты уже не та.

Но в сердце вновь глухая маята,
Она, как разум, нас не отрезвляет...
Но так и капля малая не знает,
Что в ней живёт земная красота.

Сонет 8

На улице, в трамвае или дома
Увидишь вдруг предметов новизну:
Начальность ту и мира кривизну,
Которая из физики знакома.

И, как волною, с головы до ног
Окати светом радости житейской:
Ты существуешь, ты не одинок!

Красив и счастлив, как античный Бог,
И вместе с тем не чужд эпикурейства.
Ты в чём-то слаб. Но и бессилён рок.

Сонет 9

В последнюю неделю февраля
Пошли дожди, снега в полях осели,
Как в середине тёплого апреля,
Светило солнце, вьюга не мела.

Но мне зима такая не мила,
Когда в лесу от прошлогодней прели
Кружатся мысли, ноги еле-еле
Тащу! Не клеятся дела.

Ни осень, ни зима... Далёко лето!
И сам живёшь, как новая планета,
Не ощутив полярность бытия.

Сонет 10

Вот в первые весенние ручьи
Слова мои ныряют, как снежинки,
А образы, как тоненькие льдинки,
Боятся вас, о, жаркие лучи.

Прошу тебя, не плачь и не грусти.
Наивные, как детские картинки,
Растают образы. На голые суглинки
Опустятся картавые грачи.

Спроси у них: «Откуда вы и чьи?»
Пусть будет всё банально «новинкой»:
«Грачата ваши не болеют свинкой?»
От гнёзд своих теряют ли ключи?»

Но образы, как тоненькие льдинки,
Срываются и падают в ручьи.

Сонет 11

Сонет, быть может, непригоден прозе,
А проза – жизнь, а жизнь – спешит в стихи.
Так с чьей-то лёгко-образной руки
Мы каждый день вонзаем по занозе

Возвышенности... Руки на морозе
Краснеют вмиг... За эти лишь грехи
Ругаем усложнённые штрихи...

Но жизнь сама бросает нам перчатку:
(Что ж, примем вызов, будто всё в порядке),
Как выстрел в сердце – новые стихи.

Сонет 12

На грани лета и на грани дня.
Когда в зените солнце повисает
В раздумии. Похоже, что не знает,
Куда идти, теплом своим пьяня...

Желая, жди небесного огня:
Он остановит всё, ЧТО умирает,
ЧТО навсегда сквозь пальцы утекает
В прозрачности ушедшего маня.

Но в чём моя прискорбная вина,
Что я не делал то, что ты хотела?
Быть может, душу отрывал от тела,
Себя за это искренне клеймя...

Но на закате жизненного дня
Всё чёрное – черно,
А бело – бело.

Сонет 13

Бежит времён цветное колесо.
Колёса прославляют песнопеньем.
Когда он жил, забытый всеми гений?
С кем был знаком, кто знал его в лицо?

Но цепь времён, соединив кольцом,
Он к нам пришёл из первых поколений
Катить, как мальчик, по ночной Вселенной
Похожее на солнце колесо.

Осколки звёзд в лицо ему впились,
Но взор его стремится только ввысь.
И звон колёс уже луну волнует...

Планета юная, проснись и не стыдись:
Пусть человек лишь сердце завоюет
И дальше катит по Вселенной мысль.

Сонет 14

Я словом не хочу тебя терзать,
О, мой язык, скорее ты опухни!
Слова летят и липнут, словно мухи,
И легче мне бумагу в руки взять.

Но грозный Дант пришёл меня ругать,
Слова, что камни: «Я не верю слухам,
Но говорят: накладываешь руки
Ты на поэзию, что можешь ты сказать?»

«Мои слова – покорнейшие слуги –
Ответил я – не смеешь мне мешать!»
«Стони, вопи, ты хочешь воскричать,

Но я тебя заставлю замолчать,
Узнаешь ты, почём здесь ада муки...».
«Прости, о, Дант, не складывал слова,

А произнёс начальные лишь звуки».

Сонет 15

Когда болезнь совсем тебя прижмёт,
Захочется расправить лихо плечи.
Представить, что быть может легче?
Ведь раненый больного не поймёт.

Убитый поднимает в поле взвод,
Кричит «Ура!» и падает... Нет речи!
Он доказал, что в силах человеческих
И мёртвому идти ещё вперёд

Какой-то миг. А подвиг вековечен,
(Хоть бег годов предельно быстротечен),
Не забывает подвигов народ.

Сонет 16

Что умереть?! Оставить больно, страшно
Родных навечно в дальнем далеке
И в край теней пуститься налегке,
Дела доверив дням уже вчерашним.

Там нестерпимо пахла хлебом пашня,
С гурьбой мальчишек убегал к реке.
В тумане мост на полотне Марке
Будил мечты, и жизнь текла незряшно.

Но, как земля, разверзнулась душа,
И мыслей камнепад гремел, круша
Стереотипы, догмы, беззаботность.

Растаял в тучах бесполезный клич,
Исчезла мира призрачная прочность,
Когда я понял: жизни не постичь!

Сонет 17

Не буду прославлять твои глаза,
Звеня строкой, как рыцарской рапирой,
В них, словно в небе, сколько ни копируй,
Неуловимы тень и бирюза.

Романсово-жестокая слеза
Не воссияет радугой над миром.
Что о тебе поведать может лира,
Когда сама ты – солнце и гроза!

Пронизанный горячими лучами,
Разбуженный весёлыми громами,
Губами дождь живительный ловлю.

Любовь, рожденье, смерть, и так – веками!
На миг весь мир, казалось, обновлю,
Произнеся запретное: «Люблю!»

Сонет 18

Ничтожных мыслей бойся, старый друг,
Пустою фразой ураган рождаешь,
О состраданье ты не вспоминаешь:
Бежишь по жизни, как-то недосуг.

Лишь срыв карьеры вызовет испуг,
Чужую боль и слабость презираешь,
Как иллюзионист, огонь глотаешь,
Но дышат льдом изгибы мёртвых губ.

Замкнулся круг. Ты в нём совсем иной:
Нет теплоты – мне холодно с тобой.
И где, и в чём глобальная причина?

Куда тот мальчик солнечный исчез?
Раздавлен бытом, дачей и машиной?
Чуть розов снег. И гол безлюдный лес.

Сонет 19

Живут в саду увядшие цветы,
Сегодня нет ни красок, ни соцветий –
Проходят мимо взрослые и дети,
Не оценив пожухлой красоты.

На пике неосознанной мечты
Неужто я и сам их не заметил?
Не засорил ли безразличья ветер
Глаза и чувства пылью суеты?

О, Вседержитель! Я за всё в ответе!
Я в миг прозрел... И сад, дымящий, светел
Глядит в меня с небесной высоты.

Сонет 20

У нас метель, а где-то под луной
Стоят сады в кипенье белопенном.
Арбуз так пахнет снегом и зимой,
А оттепель – арбузом, несомненно.

И по какой дороженьке прямой
Я б ни пошёл уверенно и верно,
Она сквозь годы долгие домой
Меня всегда приводит непременно.

Смещаются земные пояса:
И запах моря плавает в лесах,
Мороз и зной, и теплая истома...

Но как бы далеко ни уходил,
Я никогда нигде не находил
Житейской простоты родного дома.

Сонет 27

Весна. Свалялся снежный пух,
Кусты в оврагах розовеют,
Всё оживленье детством веет
И возвращает взор и слух.

Играют в жмурки ветерки,
Берёзки песнь выводят тонко,
По речке льдины, как пелёнки,
Плывут, прозрачны и легки.

И громогласное дитя
В стократ дороже личной тиши,
(Признаться, нет, порой, житья),

Ребёнок... Что возьмёшь с него?
Я в крике детство наше слышу
И Человечества всего.

Сонет 28

Земля моя, каким высоким слогом
Тебя мне петь и век благодарить
За боль и свет, за счастье и тревоги,
Которые смогла ты подарить,

За пращуров-славян и нашу мову,
И за людей, с которыми мне жить...
Мне б отыскать нетронутое слово,
Чтоб этих чувств к тебе не замутить.

Чтоб не вспугнуть скворца с весенней пашни,
Не позабыть о дне моём вчерашнем,
Свою судьбу с твоей навечно слить!

Сонет 30

Ушедшее – круты твои ступени.
Прийти к тебе лишь памяти дано.
И входят в дом годов мелькнувших тени,
Как запах трав в открытое окно.

Конец войне... И в радости, и в пенье
Победы день промчался, как в кино.
По чёрточкам ловлю я выражение
Того лица, что нет уже давно:

Сквозь едкий дым забавной самокрутки
Глядит солдат и крутит жёсткий ус,
О чём-то хочет он меня спросить,

Но сыплет анекдоты, прибаутки...
В его глазах боёв тяжёлый груз
И тот огонь, с которым жить да жить.

Сонет 31

В Барановичах азиатский зной:
В пустынных переулках неуютно.
На солнце выйду, но сиюминутно
Уйти опять захочется домой.

Мой город, не обласканный рекой,
В жару бывал постылым, пыльным, нудным,
Но ощущал я нервами, подспудно:
Приёмный он – не хуже, чем родной.

Как совладать с ума сводящей жаждой?
Себе признаться должен я однажды:
Где рос, мужал – там сок берёз мне пить.

Бессмысленно вести сомненьям тяжбу:
Я с ним в разлуке просветлённо стражду
Тоску дождём неожиданным утолить.

Сонет 33

У реки – предзакатные ветры
Вдруг застыли... И в гуще ветвей
Серебром осыпаящий лето
Громко песню пропел соловей.

Ни единой осенней приметы...
Лето – молодость – праздником вей,
Чтобы взгляды наполнились светом
Пожилых и грустящих людей.

Гуд шмеля, танцы шустрых стрекозок,
Зной полей и сердитые грозы
Щедро даришь... И трелей полёт.

И когда санный путь задымится,
И растают знакомые лица,
Эта песня меня позовёт.

Сонет 34

Смотрю в огонь. Кровавым языком
Он лижет отсыревшие поленья.
И чья возьмёт – не может быть сомненья.
Но несогласно дерево с огнём.

Как будто бой, огонь и дым кругом:
Нет никому пощады и прощенья...
И лишь в одном возможное спасенье –
Стоять, не отступая, на своём
За правоту свою и убежденья.

Смотрю в костёр, а пламени скольжение
Замедлилось, забился огонёк
И превратился в серенький дымок.

Сонет 35

От звёзд идёт волнующий покой.
И чувствуешь причастным мирозданью
Живую плоть, житейское сознание
И то, что именуется душой.

А человек и в космосе земной:
Подвержен он и болям, и страданьям –
Великое и хрупкое создание
Самой природы многовековой.

Он, словно Космос, прост и непонятен,
В желаньях и мыслях необъятен,
Растит хлеба, к прогрессу движет век.

А если скажет: «Ты меня послушай...»,
То знай! Тебе решается, как душу,
Вселенную доверить человек.

Сонет 36

Бегут вперёд стремительно науки:
Стихи компьютер пишет, наловчась,
Набрасывает в профиль и анфас
Портрет ваш хладнокровно и без муки.

У работа нет радости и скуки.
Во многом он точнее, чётче нас,
Но даже человеческие руки
Не встроили слезинку про запас.

И в этом инженеры неповинны,
Ведь созданы великие машины –
Об этом речь... А может быть, тайком

Шепнёт машина: «Век такой остаться!?!
Позвольте мне страдать и ошибаться,
Но понимать живое существо».

Сонет 38

Меня окружают четыре стены:
Я пленник отдельной квартиры,
Отдельной планеты... И в мире
Вселенной мы долгое время одни.

Сигналы из космоса ловим в надежде,
Что есть или было живое там прежде,
И строим догадки, что были они,

Те люди у нас: корабли стартовали
И камни земные огнём оплавливали...
Чтоб знали, что в космосе мы не одни.

Сонет 39

На тропинке, голову склонив,
Прутиком, сопя, рисует дочка
Незамысловатые кружочки,
Чёрточки и точки внутри них.

Этот не придуманный мотив
Для ребёнка так правдив и точен
И на удивление отточен
Он природой... И природой жив!

Человека первым в мире этом
Видит несмышлёное дитя,
Любит маму, папу и, шутя,
На земле рисует их портреты...

Словно дети знают, что постичь,
И спешат людей изобразить.

ПРОЗА

Денис ПОПОВ

Забывшие

*Война – это волк,
и он может прийти и к вашей двери.*

Бернард Шоу

Денис Николаевич Попов – поэт, прозаик, переводчик. Родился 18 августа 1979 г. в с. Усть-Цильма Коми АССР. Проходил службу в пограничных войсках в Воркуте. Окончил курсы водителей и курсы охранников. Работает вахтовым методом в агентстве «ЛУКОМ-А-Север», охранником на объектах «Лукойл» в Республике Коми. Участник республиканского семинара молодых авторов (Сыктывкар) 2015 г. Участник всероссийского семинара переводчиков (с.Биб Сыктывдинский р-н Республика Коми) 2019 г. Участник межрегионального семинара молодых литераторов (Барнаул, Алтайский край) 2021 г. Участник республиканского семинара молодых авторов (Сыктывкар) 2021 г. Автор публикаций в литературных периодических изданиях.

Живёт в с. Усть-Цильма.

Дане хотелось пить. До колодца было рукой подать, но спускаться с дерева он не спешил. «Пусть поищет! Поволнуется!»

Верка, его старшая сестра, нахлестала его вицей за то, что он хотел «пустить на дело» её красный фартук. Даня обиделся.

– Флажки важней! – орал он, лягаясь и валяясь в траве в попытках увернуться от свистящего ивового прута.

Флажки нужны были ему для охоты на волков, которых в последнее время в лесах под Саратовом развелось, по словам деда Мити, «до кадыка!» Несмотря на дедово «мал ещё!», Даня не терял мечты, и фартук пошёл бы таки на ленты для флажков, если бы сестра вовремя не заметила пропажи.

После ссор с сестрой, Даня часто прятался в кроне этого векового дуба. Мать свою он не помнил, она умерла от чахотки, когда ему было три года. Их с Веркой тянул дед Митя, заменивший и умершую мать, и отца, о котором даже Верка ничего не знала, а дед и не рассказывал.

С момента последнего наказания прошло уже полдня, но Даня даже не заметил этого, так уютно было ему в толстых ветвях – они с лихвой уместали на себе щуплое тело мальчика. Он проспал целых четыре часа, опершись спиной о ствол дерева и подложив под себя отцовские сапоги, которые предварительно снял и которыми часто форсил перед друзьями. Сапоги, конечно, были велики, но искус повыпендриваться был сильнее.

Сквозь сон Даня неясно слышал скрип тележных колёс, шум во дворе и бабий ор. Мальчик решил, что шумит Мотя – вечно хмельной сосед, и не предал крикам значения. А вскоре шум утих, и открывать глаза тем более не надо.

Наконец проснувшись, Данька принялся надевать сапоги.

– Сорок один! – прочёл он на подошве одного из них. Отчего-то сразу вспомнился голос школьной учительницы: «Поваров! – это его фамилия – Поваров. – Пиши, ты-ся-ча... девятьсот... со-рок... пер-вый!»

Впрочем, спустя ещё мгновенье, Данька про учительницу забыл, потому что в их Репьёвке было непривычно тихо. Только где-то у реки Тамалы щёлкала варакушка.

Дане не понравилась эта странная тишина. Пригнув голову и вытянув шею, чтобы не мешали листья, он пытался разглядеть свой дом. Пусто! Во дворе было пусто. Только ветром слегка покачивало на верёвке старую дедову рубашу – Верка выстирала.

Вдруг Даня насторожился: во двор его дома вошли два незнакомых ему мужика. «Юсуповские! – подумал Даня. – А почему пёхом?» – Лошадей он не слышал. Дане стало дюже любопытно происходящее. Он удобно улёгся животом на толстой ветке, обхватил коленями их ветвистую шершавую кожу и стал наблюдать за гостями.

– Трёхлинейка! – беззвучно вывел губами Даня, заметив винтовку в руках одного из мужчин. Раньше он видел такое оружие только на картинках в школе и ещё у военных, которые куда-то проходили через Репьёвку.

«Гости» совсем не были похожи на тех военных.

«Картуз как у Моти!» – заметил Даня.

– Быстро давай! – сказал «Картуз» напарнику, и они, оглядев двор, вошли в дом.

В тишине Даня отчётливо слышал, как гремит, падая на пол, чугунок, стукнул об пол опрокинутый табурет.

«Воры!» – Данька аж заёрзал от нарастающей тревоги.

– Деда! Ты хде есь-та?! – позвал он тихонько, чтобы в доме не услышали.

Дверь резко хлопнула о косяк, и «гости», явно чем-то довольные, быстрым шагом двинулись к калитке.

«Напарник» нёс в руке Веркин «приданный» плат и дедовы часы на цепочке.

«Ух, мародёры!» – Данька вспомнил дедовы рассказы об Антоновщине.

– Война войной, а ты смотри! – «Напарник» остановился, чтобы спрятать плат и часы за пазуху.

– В Ключ зайдём! Отсюда недалеко! Нехай, там чего наскребём! – «Картуз» сплюнул. – Тихо!

Данька до того разволновался от увиденного, что не заметил, как правый сапог, скользнув с ноги, упал на землю. «Гости», привыкшие держать ухо остро, услышали глухой звук и замерли, вглядываясь в траву у подножья дуба. Данька, решив, что обнаружен и прятаться больше нет никакого смысла, ловко спрыгнул с дерева и тоже замер, не зная, как дальше поступить. Обутый наполовину, он переминался с ноги на ногу, время от времени поджимая пальцы босой ступни.

– Малёк! Слышь, малёк? Сюда подь! – «Напарник» изобразил подобие улыбки.

«Гости», промышленявшие кражами ещё в Гражданскую, знали, что им светит за мародёрство по законам военного времени, и случайный свидетель им был явно «не в масть». О начале новой войны в Макаровском районе знали все.

Они уже всё решили. Пацана в расход, и на дно – река рядом. Небольшая, но омутная. Не найдут, подумают: пропал без вести. Война – мать родна!

– Малёк! – щерился «Картуз». – Глухой, што ль?

Им не хотелось поднимать шум. Выстрел могли услышать. Местные с председателем убыли в Ртищево – там формировался полк народного ополчения для охраны железнодорожного узла, но кто-то же в Репьёвке остался.

Даня наконец тоже решился. Подпрыгивая на одной ноге, чтобы сбросить второй сапог, рванул к Тамале, где была привязана дедова лодка. Он надеялся переправиться на другой берег, а там уж его ищи – свищи – сосновый бор по ту сторону реки тоже был «его местом».

– Уйдёт, сучонок! – «Картуз» передёрнул затвор трёхлинейки. – Спалимся!

«Напарник» ладонью опустил ствол винтовки подельника и побежал за Даней, выпуская из рукава нож.

Матвея в Репьёвке считали дурачком и жалели. «Дурачком» он был не с рождения. В начале двадцатых, когда Матвею было десять, «Антоновские» подняли восстание на Тамбовщине. Вскоре их отряды наведались и сюда. Отца и мать Матвея, как и других красных, убили. Самому ему удалось спастись лишь благодаря сердобольной бабке Васе, которая спрятала его у себя в подполе. Искать у неё никому не пришло в голову – бабка была настолько стара, что на её дом даже не обратили внимания. После ухода «Антоновских» Матвей остался жить у Васи и взял её фамилию, став из Крупнова Нагорновым. От пережитого Матвей стал сильно заикаться. Сельские пацаны зло подшучивали над ним, и тогда Матвей совсем отказался говорить. Так и стал «дурачком». Через четыре года бабка померла, и Матвей остался один. Родственников у него, помимо убитых родителей, не было. У Васи тоже. Матвей жил тем, что чистил хлев у соседей да колол дрова, благо, «немота» была его единственным изъёмом. Достигнув совершеннолетия, он начал попивать. Сначала по праздникам и свадьбам, которые отмечались всем селом, затем просто так, без повода. Потому как за работу он получал едой, пить ему приходилось брагу из картофеля, которую он ставил за печью каждую неделю. Пьяным он забывал о своём недуге и пытался говорить или даже петь, но односельчане слышали лишь бессвязные звуки.

Июльский день 1941 года Матвей услышал раньше, чем увидел. С похмелья, в котором он прибывал, открывать глаза не хотелось. Да и «услышал» он потому, что стояла тишина. Вязкая, как слюна после вчерашнего. Обычно, проснувшись, он клял петухов, которым, кстати говоря, всё равно, когда драть глотку, и неважно, утро на дворе или вечер. Матвей с трудом разлепил пересохшие губы и сел на полу. «Ночью навернулся!» – он поскрёб заросшую трёхдневной щетиной щёку и посмотрел на кровать. Наконец поднявшись, Матвей подошёл к столу, по-деревенски стоявшему у окна, и посмотрел на улицу. У старого дуба, который был хорошо виден из его окна, прислонившись плечом к стволу, стоял незнакомый человек.

«Картуз, как мой!» – Матвей упёрся кулаками в стол и подался вперёд, чтобы получше разглядеть незнакомца. «Кто таков? Чёй-то не наш, либо?!» «Картуз» дёрнул правым локтем, поправляя ремень винтовки, и махнул кому-то рукой. Матвей, разглядев наконец трёхлинейку за спиной незнакомца, перевёл взгляд в направлении его взмаха. Через небольшое поле к реке бежал соседский пацан. За ним – ещё один «не наш». Незнакомец бежал странно,

выпрямив правую руку вдоль тела, в которой что-то блеснуло. Матвей словно перенёлся на двадцать лет назад: да это он бежит от «Антоновских»! Только тогда блестели шашки...

Он всё понял. Опрокинув в сени ведро с помоями, Матвей, как был в одном исподнем, выскочил во двор и, перемахнув через забор, ринулся к мужику с винтовкой.

Никогда до этого дня Дане не было так страшно, но именно страх сейчас и давал ему фору перед преследователями. Дощатый настил на дне дедовой лодки наконец загремел под пятками сиганувшего в неё мальчишки. Тяжело дыша, Даня схватил весло и стал отталкиваться то от берега, то от лодочного причала. Лодка, прошипев носом по песку, послушно пятилась кормой к середине реки, когда «Напарник», простучав каблуками сапог по причалу и взмахнув руками, тоже в неё прыгнул.

– Завязывай уже! – «Картуз» махнул «Напарнику», наблюдая, как тот бежит за пацаном. «Картуз» нервничал, когда события шли не по плану. Он уже было расслабился, заметив, что «Напарник» почти «решил проблему», как вдруг услышал за спиной шорох травы. Он резко обернулся. На него молча бежал взъерошенный, полуголый парень. Ни внешний вид Матвея, ни само его появление, не предвещали ничего хорошего для «Картуза», и он, сняв с плеча трёхлинейку, направил её на парня.

Матвей не рассчитывал на внезапность. Он вообще не любил рассчитывать, действуя, как в уличной драке, машинально и молниеносно. Заметив, что мужик обернулся и вот-вот выстрелит, Матвей не замедлил бег. Когда расстояние между ними сократилось до предела, он наклонил голову побычьи, как плетью махнув сжатой в кулак рукой. Звук выстрела и хруст черепа в районе виска оседающего как куль «Картуза» прозвучали одновременно. Что-то тёплое потекло по правому боку, но Матвей, не думая, продолжал двигаться. Подняв с земли винтовку, он быстро пошёл к лодочному причалу.

«Напарник», оказавшись в лодке с Даней, не медлил ни секунды. Он дёрнул мальчишку за вытянутую руку, приблизив к себе, и воткнул нож в его сердце. Услышав выстрел, «Напарник» на секунду замер, затем, засунув нож за голенище сапога, столкнул обмякшее тело Дани в реку. Лодку меж тем развернуло и понесло течением, и «Напарник», сев на вёсла, стал править ход.

Матвей нашёл причал пустым. Минуту он стоял и смотрел на лодки. Нарастающая слабость мешала думать.

«Даня успел-таки добежать и отплыть? Где второй “не наш”?» Матвей, шатаясь, вернулся с причала на берег и двинулся по направлению течения, вглядываясь в затённую соснами гладь реки. Рубаху Дани он узнал сразу. Даня медленно плыл вниз лицом. Матвей прищурился, всё ещё надеясь, что спутал тело с «топляком», но ошибки не было, Даня был мёртв. Ещё Матвей увидел чёрную лодку Дмитрия Семёныча, деда Мити, своего соседа. «Напарник» в лодке тоже заметил Матвея и перестал грести. Он увидел полуголового парня с винтовкой, перемазанного чем-то бурым. Да это же кровь! Откуда взялся этот парень?

Тем временем Матвей, подняв винтовку, клацнув затвором, выстрелил только один раз. Редко, но дед Митя иногда брал его с собой «давить волков».

«Напарник» дёрнул головой и повалился на спину, всё так же равнодушно глядя в небо.

Матвей вытащил Даню из реки и, сев на берегу, положил голову мальчика к себе на колени. Под нижним правым ребром болело всё сильнее. Слабость распространилась уже по всему телу, и Матвей начал проваливаться в темноту.

– Спи! Волков больше нет! – Матвей понял, что слышит свой голос, и темнота окончательно сомкнулась над ним.

Вера вернулась за Даней в тот же день, не доехав до Ртищева, но задержалась – ни машин, ни подвод в сторону Макаровского района долго не было – под Киевом шли ожесточённые бои, и люди двигались южнее.

– Это тебя и спасло, дурёха! А может, и брат твой... Не то насильничали бы... как мать! – сказал позже дед Митя, когда она в очередной раз казнилась перед ним.

Даню и Матвея похоронили без особого разбирательства на следующее утро. Двух мужчин, так и не опознанных, солдаты, подвёзшие Веру, просто зарыли на отшибе сельского кладбища. Сразу после похорон Вера уехала в Ртищево и вступила в полк народного ополчения, где прослужила до осени 1943 года.

После расформирования полка, до самого окончания Великой отечественной войны, Вера проработала в эвакуационном госпитале в Саратове. Дед Митя погиб в январе 42-го в Ртищево, помогая милиции в задержании воров-рецидивистов, промышлявших кражами продовольственных складов. После войны Вера вернулась в Репьёвку и каждый день ходила на могилы Дани и Матвея. Так и не простив себе гибель брата, она умерла в 1981 году от сердечного приступа. Ей было 57 лет. Замуж она так и не вышла.

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технаррь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

Русский храм

В Клыково

(Монастырь
«Нерукотворного образа пустынь»)

Средь Калужских просторов,
как страж на высоком холме,
Строгий храм, а над ним
то ль крыла, то ли облако белое.
Три монаха поют,
к неземной прикасаясь струне,
И возносится храм
над землёй с алтарём и приделами.

И нездешние звуки
держали его на весу.
Застонала душа и,
высокою нотой измучена,
В тихом плаче зашлась:
«Вот откуда я память несущ!».
Но в какие века
этим нотам была ты обучена?

Словно видела мир,
где иные текли времена,
Знала запахи трав,
где дышали иные столетия.
Птичьей стаей кружили,
как дальняя весть, имена
Русых предков моих
и созвучьем родным мне ответили.

Русь

Русь, Россия, Рассеюшка,
Мы зовём тебя матушкой.
На Земле этим именем
Край другой не назвать.
Наша жизнь – твоя долюшка,
В ней и радость, и горюшко,
А детей лишь, как водится,
Только маме понять.

Красота твоя статная
Не преклонит головушки.
Доброту и терпение
Не тебе занимать.
Нет для сердца желаннее
Православной сторонюшки –
Только здесь Богородица
Нам пошлёт благодать.

Значит – жить нам по совести,
Без вражды, без проклятия,
Колокольными звонами
Проливаясь в века.
Если ж надо, родимая,
Мы пойдём на распятие.
Лишь бы ты, Русь, Рассеюшка,
Оставалась крепка!

Русский храм

Говор листьев. Музыка земная
От корней восходит до вершин.
Так же, ни на миг не замирая,
К памяти и мудрости взывая,
НАШИ корни молвят из глубин.

С трепетом распахиваю руки
В мир, поющий ветром и листвою.
Вслушиваюсь, впитывая звуки
Музыки сказаний надо мной.

Где-то там, за синими лесами,
За переизгибами дорог,
Я жила со сказочными снами,
Не впуская нечисть на порог.

Взращивала светлые надежды,
Доверяла радостям мечты.
С той поры люблю, когда в одежды
Луговые вписаны цветы.

И бывает радостно до боли,
Что под здешним небом родилась,
Что впитала дух родного поля,
Не ослабив родственную связь.

И познала право соучастья.
Где бы ни был – не страшна гроза.
Как же после сильного ненастья
Свет небесный радует глаза!

Я смотрю с земли на поднебесье,
Низко кланяюсь своим корням...
Здесь Россия, Русь! На этом месте
Пусть не сразу и не вдруг, но вместе
Всё же воздвигаем Русский Храм!

Утро ликовало

В доме тихо, встала раньше всех.
И отрадно, что не прозевала,
Как под птичий песельный успех
Утро на деревне ликовало.
Что исчезли в небе облака,
Что листва под солнцем заискрилась,
И ушла дождливая тоска,
Что вчера бросала грязь и сырость.
Что не надо ноги в сапоги,
Что сегодня на душе крылато...
Если так, то значит пироги
Испечём штук по десять на брата.
Самовар поставим на столе,
Яблоки, сливовое варенье...
Как чудесно на родной земле
Чествовать её преображенья!

ПРОЗА

Евгения ПОЛЯКОВА

Про заек

В Эрмитаже среди работ голландских мастеров хранится удивительная картина. Это работа Паулюса Поттера «Наказание охотника». Композиция напоминает православную икону с житиями святых: по аналогии с клеймами по контуру небольшой (84,5 x 120 см) картины художник поместил сцены различных видов охоты: псовой, конной, с силками и с клетками. Они повествуют о страданиях животных. А в центре изображена месть зверей своим мучителям: собаки повешены на дереве, а охотника по решению суда жарят на вертеле. Симпатии художника однозначно на стороне животных. И хотя кровь стынет в жилах от расправы над охотником, смысл произведения предельно ясен:

*И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою!*

Картина написана в середине XVII века. Значит, уже тогда люди задумывались о жестоком отношении человека к животным и неизбежности кары за него. А ведь охота в то время была привычным занятием, важным источником пропитания. Впрочем, мысли о пагубности жадности и жестокости ко всему живому посещали людей очень давно. В сказках многих народов мира положительный герой проявляет милосердие к зверям, а они потом помогают ему в достижении цели. Даже в фольклоре народностей, для которых охота и рыболовство – основной промысел, осуждается неумная страсть к наживе. А уж к домашним животным и подавно принято относиться как к друзьям и помощникам.

Через отношение к животным можно очень многое сказать о человеке. В русских деревнях при сватовстве жениху как бы невзначай подсовывали котёнка. Если приласкает, значит, и с женой будет ласков и внимателен. А если, не дай Бог, отпихнёт – доброго отношения от него не жди. «Кто духом слаб, у того всегда скотина виновата», – говорит русская пословица.

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Горького. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

Вообще, отношение к живой природе – лакмусовая бумажка зрелости человеческой личности. Животный мир – это огромное зеркало, в которое смотрится человек. Живая природа заставляет человека задуматься о своём месте в мироздании, определить меру собственной человечности, гуманности. Старики, дети и животные – самые незащищённые существа на Земле. Покажи мне, как ты к ним относишься, и я скажу, кто ты.

Животные в литературе, безусловно, прекрасны сами по себе. Авторы с любовью и глубоким знанием предмета изображают зверей как совершенные творения. Лошади, собаки, кошки – привычные герои литературы, о них написаны десятки замечательных произведений. В конце концов, это домашние животные, и, так или иначе, с ними сталкивался любой человек. А вот зайцы гораздо реже встречаются на страницах книг, да и живого зайца видел далеко не каждый. Интересно проследить, как развивалась природоохранная мысль на примере трёх произведений русских писателей про зайцев.

Первое, что приходит на ум читающему на русском языке – «Дедушка Мазай и зайцы» Н.А. Некрасова. Бывалый охотник Мазай с удовольствием рассказывает деревенским ребятишкам, как он спасал длинноухих, застигнутых разливом реки. Он с любовной иронией передаёт повадки зверей, гневно обличает жестокое истребление зайцев во время весеннего половодья. У зачарованного красотой стиха читателя-ребёнка (да и у многих взрослых) складывается очень благодный образ доброго дедушки, защитника животных, и как-то не до конца осознаются две последние строчки стихотворения:

*Я их не бью ни зимою, ни летом,
Шкура плохая, – линяет косою...*

Оказывается, Мазай прежде всего – крепкий хозяйственник, он проявляет рачительный, егерский подход к делу. Конечно, смешно предъявлять какие-либо претензии к литературному герою, да и к самому автору, чей двухсотлетний юбилей мы отмечаем в 2021 году. Н.А. Некрасов – страстный охотник, «как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить...» Но как много говорят эти строчки о противоречивой натуре поэта, о его двойственности и в литературе, и в жизни! Известно, что, будучи уже смертельно больным, Некрасов выехал на охоту, но вынужден был вернуться: не хватило сил. Наказание охотника настигло его на больничной койке. Тем не менее, «Дедушка Мазай и зайцы» остаётся одним из любимых произведений и у детей, и у взрослых. Написанное в 1870 году, оно закрепило в общественном сознании тему бережного отношения к родной природе.

Следующее произведение – рассказ Д.Н. Мамина-Сибиряка «Богач и Ерёмка», опубликованный в 1894 году. Одиноким стариком по прозвищу Богач сторожит фруктовый сад вместе со своим верным помощником псом Ерёмкой. Главные враги сада зимой – зайцы, они обгрызают кору деревьев. Заячья охота – привычное дело для Богача, да и неплохой заработок. Но однажды на охоте ему попался молоденький зайчишка со сломанной лапкой. Совесть не позволяет охотнику расправиться с калеккой. Он берёт зайца на излечение, даёт ему имя: Чёрное Ушко. Лапка срослась, и весной заяц убегает в лес. А в душе Богача происходит переворот. Он больше не может охотиться. А вдруг среди убитых зверьков окажется Чёрное Ушко? «Оно, конечно, заяц – тварь вредная, озорная, а... может, и в ём своя заячья душонка есть, так, плохонькая

совсем душонка», – рассуждает Богач. Риска показаться сумасшедшим в глазах соседей, он совсем перестаёт охотиться, а потом и отказывается от места садового сторожа, чтобы не быть обязанным истреблять зайцев. «Не могу больше», – объясняет он своё решение.

Рассказ поражает глубоким знанием жизни простого человека, пониманием повадок зверей, нежным отношением к детям. Здесь угадывается личный опыт автора: и его детство на уральском заводе в рабочей среде, и учёба в Императорской медико-хирургической академии на ветеринарном отделении, и неожиданное вдовство с большой дочерью на руках. Необыкновенная притягательность и ценность рассказа в том, что Мамин-Сибиряк на предельно реалистическом материале рассказывает о вещах весьма тонких, деликатных: взаимное уважение между человеком и животным, совесть как внутренний судья человека, выбор между нуждой и велением сердца. Богач, простой деревенский мужик, проявляет красоту своей души в общении с животными и детьми. А вот мир взрослых людей, и односельчан, и приехавших господ-охотников – недобр, враждебен. Главный герой рассказа – этакий деревенский князь Мышкин, то есть Зайкин. Прозвище «Богач», данное ему ещё в детстве, подразумевает насмешку, а на самом деле открывает истинное лицо человека. «Богач» значит «близок к Богу», «в Бога богатеет» (Лк, 12:21).

Третий рассказ «про заек» – «Заячьи лапы» К.Г. Паустовского. К сельскому ветеринару приносят зайца, пострадавшего в лесном пожаре. Ветеринар грубо отказывается лечить лесного зверя: уж больно незначительный пациент! Единственный выход – обратиться к городскому специалисту по детским болезням. Именно к нему приносит обожжённого зверька старик Малявин и смиренно, но упорно просит взять зайца на лечение. «Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен...», – объясняет дед. Оказывается, это заяц, в которого на охоте дед стрелял, но промахнулся. Обоих настиг лесной пожар, и заяц благодаря своему природному чутью нашёл дорогу из горящего леса, а вместе с ним и старик-охотник.

Зайца спасли, а Малявин продолжает за ним ухаживать, как будто замаливает грех. Уважение и благодарность к лесному зверю указывают на удивительную нравственную высоту деревенского жителя Лариона Малявина. Он осознаёт ценность каждого живого существа и его право жить по своим законам, а не быть экспонатом или подопытным экземпляром в чужих руках. Вот как старик отвечает на письмо московского профессора с настойчивой просьбой продать ему уникального зверя: «Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле». А между строчек сквозит: «Странно, что ты, учёный человек, этого не понимаешь».

Паустовский говорит о чувстве стыда, раскаяния и благодарности по отношению к животному, дикому, лесному зверю. Оказывается, и к обыкновенному зайцу можно относиться настолько по-человечески.

К.Г. Паустовский в своей романтической новелле задаёт очень высокую планку ответственного отношения человека к окружающему миру. Этот уровень человечеству немножко «навырост», «зовёт в даль светлую», как и положено по законам жанра. Но какая же это благодатная и своевременная прививка! Рассказ впервые был опубликован в 1937 году. Благодаря гуманистическому посланию Паустовского и всей русской литературы в целом советские люди выстояли и победили среди немыслимого зла, сохранили «душу живую».

На примере этих трёх произведений видно, как медленно, преодолевая огромное сопротивление, человечество движется к осознанию своего преступно-жестокого отношения к живой природе. Зайцы, кошки, собаки, львы, орлы и куропатки, простите нас, грешных! Нам предстоит длинная работа над ошибками. Так и идём, по выражению Петра Мамонова, «комариными шажками в Царство Небесное».

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

«Я ухожу опять за детством...»

Ладонью тёплой гладит солнце,
Когда, зажмуривши глаза,
У пересохшего колодца
Заслышу птичьего голоса.

В канавке снег ещё не стаял,
Но бойкой парочке грачей,
Отставшей от залётной стаи,
Понравился её ручей.

Мне память – всё мое наследство.
Доверчив к шёпоту листвы,
Я ухожу опять за детством
В деревню на краю Москвы.

К избе под черепичной крышей
Прижалась кадочка с водой,
И стук капли всюду слышен:
На-ча-ло марта, выходной.

А мать вареники варила,
Я в жмурки с солнышком играл,
И радио заговорило
О том, что Сталин умирал.

Март. Замшевелый запах прели
Смешался с запахом сосны,
И монотонный слог капли
Томит прелюдией весны.

А по оврагу снег ютится,
И не пришла ещё пора
Гнездиться перелётным птицам
И вздохам выпи до утра

И... пробе моего пера.

На синем шёлке облака,
Сугробы словно тают.
В овраге снег, его пока
Ручьи не донимают.

Не расторопны март, апрель,
Подснежников не кажут,
Лишь небо, да ещё капель
Мне о весне подскажут.

Нет, погоды не пообещаю.
Нынче май не по календарю
Дождиком костлявым угощает,
Словно подарив нас октябрю.

Нынче май не расплескал сирени,
Не кипит черёмухой в саду,
Словно уступив твоей мигрени,
Не считает уток на пруду.

Уступлю и я твоим капризам,
Непогоду мая пережду.
Подчиняться метеосюрпризам
Суждено мне, видно, на роду.

А пока, твоей поверив лени,
Май играет с ветром в чехарду.
Баламутят их твои колени,
Вот и треплют юбки на ходу.

А помнишь ночь со светляками
На станции «Горячий ключ»,
Когда, предупредив гудками,
Её ударил встречный луч
Пучком прожекторного света,
Тащившего локомотив,
Не дав дожить ей до рассвета,
Допеть серебряный мотив
Тех светлячков, что мы списали,
Сочтя за детский реквизит.

Вот разве что на магистрали
Нас не минует их визит.

Дождём библейским шторя окна,
Забыли отдых небеса.
Ну что с того, что ливнем соткан
Мне будет плащ на полчаса.

В Измайлове, при лесопарке
(в который раз уж, невзначай)
Мечтает мама в коммуналке
О том, как мне согреет чай.

Я знаю, что обязан маме.
Обязан кружевами звёзд,
Приметив синими ночами
Их на кокошниках берёз.

Обязан затонувшим небом,
Приметив зеркало воды,
Когда к невестившимся вербам
Таскался с мартом на пруды.

И тем, что в бытность без балкона,
Не знавший городского шика,
Считал, что мамина икона
С её скопирована лика...

Господи, всё время
Обещал Тебе,
Стоя на коленях,
Шанс своей судьбе
На победу в битве
Против грешных дней
Выпросить в молитве
В логове ночей
У Тебя, мой Боже...

Ты не раз прощал
На меня похожих,
Кто лишь обещал.

Кукушка, слышал,
Не вьёт гнезда.
На что ей крыша,
Как мне тогда,
Когда истома
Гнала за дверь
Родного дома,
Как бабу в Тверь.
Кружил без правил,
Играл отца,
Жилья не справил
Своим птенцам.
Зяб со столицей
В кострах рябин,
Стерёг синицу.
Не я один.
Хотел удачи,
Ловил успех,
О чём судачил
Себе на грех.
Деревней бредил,
Коль от сохи,
И был не беден,
Дарил стихи.

Две сказки

Верный Будильник

Поучительная сказка

Будильник – маленький, но с ясными крупными цифрами на круглом циферблате – уверенно стоял на своих латунных ножках, расставленных немного в стороны, и наблюдал с полки книжного шкафа за всем происходящим. Он знал наперёд не только, что намечается в доме и что должно произойти, но и точное время предстоящего события.

Он всегда заранее готовился к этому, напрягая внутри себя туго скрученную пружинку, которая ждала назначенного мгновения, чтобы сработать и заставить маленький молоточек быстро-быстро биться о два латунных купола над корпусом Будильника. Сдружившись за многие годы, вместе они издавали звон громкий и бодрый.

Самое главное заключалось в том, что этот звон всегда раздавался вовремя. Не было такого случая в послужном списке Верного Будильника, чтобы он подвёл своего Командора и не зазвонил в назначенное время. Командор – так почтительно и с гордостью называл Верный Будильник человека, которому служил верой и правдой с самого того дня, когда тот первый раз завёл механизм часов и механизм звонка. Будильнику не всё нравилось в жизни Командора, но он не судил и не осуждал его. Часовая и минутная стрелки день за днём и год за годом чётко наматывали круг за кругом, звонок всегда был в полной боевой готовности.

Так было до самого того дня, когда Командор, как обычно, завёл Будильник, но... Командор теперь не хотел признаться даже самому себе в том, что был раздражён и расстроен настолько, что не все свои действия контролировал. Пожалуй, не так уж были важны причины этого неравновесного состояния. Может быть, Командору показалось, что жена стала вести себя с ним совершенно отчуждённо и насмешливо сказала: «Опять на

Галина Александровна Романова – член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Директор по связям с общественностью на авиационном предприятии, редактор корпоративного журнала, член редколлегии литературно-публицистического журнала «Балашиха: голоса сердец». Автор книг «Хрустальная капля» (стихотворения, рассказы, очерки), «Под ливнем дней», «Хочется жить», «И музыкой прощалась ночь», «Какое ты разное, небо!» (стихотворения). Произведения и материалы об авторе печатались в журналах и газетах «Воин России», «Крылья Родины», «Юность», «Смена», «Подмосковный летописец», «Открытый урок», «Великороссъ», «Свет столицы», «Московский литератор», «Литературная газета», «ЕНП. Подмосковье», «Факт» и др. На её стихи написано около 60 песен и романсов.

Живёт в Балашихе.

рыбалку? Ну-ну». Может быть, на работе на него незаслуженно перевели стрелки за срыв месячного плана. Может, последней каплей было заявление дочери о том, что она не собирается «идти в инженеры, чтобы нищенствовать всю жизнь, как её родители». Он и сам понимал, что она сказала правильно, в духе времени, но от этого ещё больше разозлился.

В общем, Командор завёл Будильник, установив стрелку звонка на четыре часа утра, но рычажок звонка, включающий и выключающий звонок, поднять забыл. Точный Будильник знал, что ему надо позвонить в четыре часа, но сделать этого не мог. Он просто продолжал размеренно тикать, и, хотя внутри него было беспокойство преданного служаки, не выполнившего долг, но...

Командор привычно, как в рабочие дни, проснулся в шесть. Вчерашнее раздражение не улеглось в нём за ночь, а вспыхнуло с новой силой, когда он обнаружил, что проспал. «И ты туда же!» – подумал он о Будильнике и перевернул его циферблатом вниз. Было 6 часов 2 минуты, когда Преданный Будильник перестал видеть окружающий его мир. Он только слышал, как Командор оделся и, хлопнув дверью, куда-то ушёл. Все спали. Командора никто – ни Спутница Жизни, ни Самостоятельная Дочь не хватились. Они думали, что он на рыбалке.

Командор же поехал туда, где не был уже целый год. На что он надеялся? Понимающая Подруга ведь чётко сказала ему в тот последний день, положив в пакет Будильник, шлёпанцы и ещё кое-какие бытовые мелочи, которые незаметно накопились за три года:

– Тебе лучше не раздваиваться больше. Сосредоточься на семье. Я больше не могу видеть этот твой Будильник.

Будильник, купленный им и принесённый в дом Понимающей Подруги, чтобы напоминать о времени расставания, вначале пугал их своим звонком, да и звонил в самые неподходящие моменты. Постепенно вся ситуация урегулировалась, и они стали заранее готовиться к звонку Верного Будильника. Когда звонок звучал, Командор говорил: «Видишь, пора». Понимающая Подруга ненавидела эту исполнительность и пунктуальность Будильника, но ведь он просто выполнял то, для чего был предназначен.

Возможно, Понимающая Подруга жалела о своём решительном шаге, но только не о том, что отдала этот ненавистный Будильник. Где-то в глубине памяти иногда всплывали картины их встреч с Командором, обрывки фраз и чувств. Иногда ей казалось, что она ненавидит его. Иногда, особенно после какой-нибудь случайной встречи с мужчиной, она понимала до невероятной боли в сердце, как же она любила его. И тогда тоска охватывала её. Не один раз она вот-вот готова была позвонить ему по телефону, но сдерживал страх быть отвергнутой.

Утренний звонок в дверь был настолько неожиданным, что она испугалась: «Кто бы это мог быть?» Посмотрев через глазок, Понимающая Подруга вначале встревожилась, потом засомневалась. Звонок был таким же настойчивым, как в первые месяцы их знакомства. То ли от внезапности, то ли от этого наконец-то сбывшегося её желания, чтобы Командор всё-таки вернулся к ней и вот так вот звонил, рвался и требовал впустить, она открыла дверь.

Если вы когда-нибудь любили по-настоящему и встречались после разлуки или ссоры, то вы поймёте, какое Счастье Любви испытали Командор и Понимающая Подруга. Если вам пока не довелось любить и быть любимыми, что даст вам даже самый достоверный и подробный рассказ о чьих-то чувствах!

Они были вместе трое суток, ведь Верного Будильника не было рядом, и никто не напоминал им о расставании. В какой-то момент Понимающая Подруга вдруг почувствовала некоторый дискомфорт. Сначала она не могла понять причины, перебирала одно, другое и вдруг догадалась: ей хотелось, чтобы зазвонил Будильник. Она так привыкла за многие годы жить одна, распорядиться своим временем и ни от кого не зависеть, что её можно было понять. «А вдруг он захочет остаться навсегда?» – подумала Понимающая Подруга. Её желания раздвоились. Ей одновременно хотелось, чтобы он был с ней и чтобы сохранить свою независимость.

Она сварила кофе и поставила на стол остатки печенья. Командор как-то засуетился и неестественно засмеялся:

– Не хватило мне выговора за невыполнения плана, так теперь ещё и за прогулы премии лишат.

Этого Понимающая Подруга позволить не могла.

Вечером Командор вернулся с работы домой как обычно, раньше всех. Оглядев свою комнату, заметил непорядок: Будильник не тикал и лежал на книжной полке циферблатом вниз. Командор поднял его, внимательно посмотрел сначала на круглый циферблат с ясными крупными цифрами, потом на обратную сторону – на опущенный рычажок звонка. Установил точное время, завёл звонок, твёрдой рукой поднял вверх рычажок звонка Верного Будильника, поставив его на привычные шесть часов утра.

Неделимая супница

Семейная сказка

Супница всегда гордо занимала середину стола. Ещё бы! В сервизе она была самым большим предметом. Супница очень гордилась этим, тем более что она – единственная! – имела крышку. Пока Хозяйка не снимет эту крышку, даже глубокие тарелки почтительно ждали своей очереди, прижимаясь к кромке стола.

Сервиз появился в доме по настоянию Хозяйки, которая присмотрела его в комиссионном магазине. Она привела Хозяина в магазин, где они долго разглядывали Сервиз и обсуждали отсутствие одной из шести чашек. Сервиз нравился им обоим своей солидностью и универсальностью. Он был одновременно и столовым, и чайным. Именно такой Сервиз, по их мнению, должна была иметь счастливая семья. Разговорчивая Продавщица доверительным шёпотом рассказала, что Сервиз сдала в магазин разведённая семейная пара, чтобы не делить его по предметам, а просто поделить вырученные деньги. Молодожёнов это не смутило, и они, с восторгом оглядев со всех сторон Супницу, попросили упаковать Сервиз.

Каждый раз, когда намечалось какое-нибудь семейное торжество – день рождения Хозяина или Хозяйки, а потом и их дочерей, годовщина свадьбы, встреча Нового года, Хозяйка доставала Сервиз, перемывала его и расставляла на праздничном столе. Каждый предмет знал своё место и роль. На удлиненные блюда в первые годы совместной жизни клали пироги, хлеб и овощи. Потом, по мере роста достатка, стали раскладывать бутерброды с икрой, мясные деликатесы. Про тарелки и говорить не стоит: они перевидали много разного.

Хозяйка иногда досадливо морщилась, вспоминая, что не хватает шестой чашки. Все остальные предметы оставались в целости и сохранности. «Не разбей Супницу!» – восклицала Хозяйка, когда Хозяин неосторожно крутил её в раковине, отмывая после очередного борща или пельменей.

Вроде бы всё шло нормально. В Сервизе уже стали обсуждать, что будут Хозяйка с Хозяином готовить на свою серебряную свадьбу, которая предстоит через месяц. Вдруг однажды Салатница, которую уже вынесли на кухню, оказалась свидетельницей того, как Хозяин целовал Подругу Хозяйки, а та сначала хихикала, а потом ответила ему. Хозяйка, входившая через кухонную арку с Супницей в руках, увидела это, хотела бросить Супницу об пол, но сдержалась и аккуратно поставила её на стол.

...А потом... потом начали делить имущество. Делили всё пополам, как полагалось по закону. Дошла очередь и до Сервиза. Тарелка – Хозяйке, тарелка – Хозяину. Солонка – Хозяйке, перечница – Хозяину.

Не делилась только Супница. Ни одна из сторон не соглашалась отдать её другой. Супница привычно красовалась на середине стола. Несмотря на то, что в данной ситуации она была совершенно пуста, она гордо подбоченивалась и будто хвасталась голубыми цветами, которые так шли к ней. В отличие от отношений между Хозяйкой и Хозяином, они всё ещё были такими же нежными, как и много лет назад, когда она стала верой и правдой служить этой паре.

Она поглядывала то на Хозяйку, то на Хозяина и всем своим видом словно говорила: «Не вижу причин, из-за которых я должна потерять своё положение в обществе и лишиться половины привычного для меня окружения». Её упорство, а может, и не оно одно, отрезвило сначала Хозяина, а потом и Хозяйку. Они стали вспоминать, когда, что и по какому поводу они ели из этой Супницы. Как им завидовали другие семейные пары и, побывав у них за столом, тоже решали купить себе сервиз с супницей. И им так стало жалко прожитой жизни и этой Супницы, которая столько лет собирала всех вокруг себя, и всего-всего, что было, что они... Они остались вместе. А Супницу поставили на её постоянное место.

Нет-нет, да умудренная опытом и ещё более возгордившаяся своей ролью в семейной жизни супругов Неделимая Супница говорила остальным мелким предметам Сервиза: «А ведь это я спасла наш дом». С одной стороны, всем уже надоело это постоянное хвастовство. Но с другой – что же ещё могло остановить Хозяина и Хозяйку?

ПРОЗА

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – член Московской городской организации Союза писателей России, поэт, лауреат конкурса имени Анны Ахматовой 2014 г. Автор сборников стихотворений и сказок «Времена года», «Моя малая Родина», «Стихи, поэмы, сказки», «Избушка на болоте» и многочисленных публикаций стихов и прозы в газетах «Микрон», «Сорок один», «Московский литератор», в альманахах «Литературный Зеленоград», в научно-популярных сборниках «Знак вопроса» издательства «Знание», а также в ежегодных конкурсных альманахах и сборниках МГО СПР. Выпускник химического факультета МГУ, кандидат химических наук, учёный физико-химик, автор более ста научных статей и патентов на изобретение, двух учебных пособий и монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов».

Живёт в Москве.

Солнечный день

Ива

Снег оставил серые пригорки,
Превратил себя в холодный ветер.
Много птиц, и голоса их звонки,
Но цветов пока я не заметил.

Лишь цветёт почти полгода ива,
Серебром снега напоминая.
Потому морозящая сила
Те цветы не губит, а ласкает.

8 марта

Взгляни, какой сегодня день!
Хотя на улице мороз,
Но чёткая какая тень
На снег ложится от берёз!

И небо в чистой бирюзе
Колдует звонких птиц прилёт.
Капель сосуллек – знак Весне.
С цветами к нам она идёт!

Опять серёжки на ольхе
И заячьи хвосты на вербе.
Я по дорожке налегке
Иду, всё тёмное отвергнув.

Сливаются восторги птиц,
Вертящихся на голых ветках,
В сплошную радужную сетку
Под пенье маленьких синиц.

Вот бабочка, гудящий шмель –
Природа снова оживает.
На солнцепёке целый день
Цветы довольные сияют.

А в отдаленье облака
Нагромождают формы к лету.
И стебельки стремятся к свету
И тянется к перу рука.

Ещё не день. Проснётся скоро зной
И зажужжит, отряхивая росы.
И бабочки подвижной пестротой
Заполнят освещённые откосы.

Ещё не день. Ещё тиха река.
Лишь тихий плеск и отражённый лес,
И отдалённый голос петуха,
И тишина бескрайняя окрест.

Но вот один, затем ещё, ещё...
И гомон птиц. И тихая заря
С полей тумана гонит молоко
И свет, и звук рождая и даря.

Солнечный день

Всё под солнцем блестит и сияет,
Тихий ветер колышет листву.
Я сегодня, любя и мечтая,
Вновь российской равниной иду.

А вокруг очумелые птицы
Восхищаются солнечным днём.
От окраин до русской столицы
Всё покрыто небесным огнём.

И под ним оживает природа,
И под ним колосятся поля.
И вершатся дела у народа,
Все как будто играют, творя!

Там, где к Варехе жались домики,
А теперь отошли и померкли,
Моих предков зелёные холмики
Обнимают остатки церкви.

И на фоне заката алого,
Над разрушенной в прах колокольней,
Всё кружится грачиная жалоба,
Чтобы память ясна была болью.

Чтоб на стенах святые Жаны,
Ослеплённые, вновь убитые,
Слепо крестящие из Храма
Деревенские окна забитые,

Не страдали, а вновь прозрев,
Исцелив иссечённые руки,
Не отринули нас, пожалев,
Вновь идя за Христа на муки.

Мы идём

День мой, стань моим днём,
Как ветер в поле, стань моим голосом.
Мы идём. Через время идём!
Разрываясь между домом и космосом.

Жёлтый лист положи в ладонь,
Благословляя ростки, что в земле сидят.
Наш огонь всё зальёт собой,
Не сжигая жизни, а умножая ряд.

Отразясь в хрустале небес
И уйдя в тихий омут зари,
Будь со мной, мой любимый лес.
В чистолуние пусть поют соловьи.

Дом мой, будь земной шар
Чист, как у ребёнка слеза.
Бог мой, накорми жар,
Чтобы дом наш огонь не лизал.

Дай нам райский уголок,
Где можно думать и детей растить.
Ты ведь можешь, отврати Рок,
Чтобы жизнь до конца испить.

День мой, стань моим днём,
Как ветер в поле стань моим голосом.
Пусть прекрасным ярких звёзд огнём
Светятся глаза, и колыхает волосы!

Дай мне, Бог, молю, побольше сил.
Не для зла, не для пустых деяний –
Чтоб любовь в душе своей хранил
К миру пустоцветных обещаний.

К окруженью легковесных фраз,
В мире, обезумевшем от денег,
Укрепи, огонь чтоб не погас
И его не поглотили тени.

Незавидный выдался нам рок:
Созерцать или творить безумье.
Это человечеству урок,
Может быть – минута на раздумье.

И пока она ещё идёт,
Я молю, продли её немного.
Верю, человечество поймёт,
И продлится для людей дорога.

Обиженным

Я соберу ненужные слова,
Расставлю их по степени обиды.
Из прошлого вернётся голова,
Откроются на будущее виды.

Из прошлого обидное – в огонь!
Огонь нас очищает, защищая.
Я протяну открытую ладонь
Обиженным, которых не хватает.

Так жить не надо!

Я ощущаю за своей спиной
Присутствие ушедших поколений.
Как много их, погубленных войной
И канувших во тьму от убеждений.

Они на мир через меня глядят,
И чувствую их горькую досаду.
Не слышу я, чего они кричат,
Но чувствую – кричат «Так жить не надо!»

Но не расслышать их тревожный крик,
А домыслы? – всегда их было много.
И потому в земной короткий миг
Мы, в основном, надеемся на Бога.

Бомбят Донбасс

Люблю Донбасс, хоть не был там ни разу, но там жил мой друг Василий Родин.

Родин! Родина! По-настоящему патриотическая фамилия у моего друга была, да постой, брат, почему же была, есть она в его детях, внуках. Работали мы с Василием в огромном радиаторном цеху. Поначалу я работал на сдельщине сварщиком, но потом простудил почки, и так как здоровье сильно дало сбой, стал работать дворником при нашем родном заводе отопительного оборудования. Поглядел начальник цеха Александр Дмитриевич Васяев на меня, да снова в цех сварщиком работать позвал, сказал так:

– Ты на сдельщине не сможешь, а в ремонтной бригаде можно тебя пристроить, там легче.

В ремонтниках работало человек пятьдесят, а то и больше, и среди них был Василий, там и познакомились. Он тут же пригласил меня в заводскую общагу, их секция была двухкомнатной, большую занимал Василий с женою Наташей. Были у них детишки детсадовского возраста – мальчик и девочка. Наталья работала продавцом в магазине. Мы только привели детей из детского сада, и Василий, взяв в руки только что положенную женою на стол палку колбасы, жадно ест эту колбасу, и совсем скоро полпалки уже нет. Наташа улыбаясь говорит:

– Вася! Ну чего ты? Сейчас хоть макарон отварю, колбаски поджарим, вкуснее же будет.

Василий был словно былинный русский богатырь, вес, наверное, за сто двадцать. Приехал в Братск из Донбасса, и вот теперь, поев колбасы и виновато посмотрев на жену, рассказывал мне:

– Я там дома, в Донбассе, мастером спорта был по борьбе, награды имел, помню, как очередную победу одержу, наша сборная команда меня на руках от радости несёт, а я же тяжёлый весом, а они всё равно несут, хоть и тяжело им, вижу – аж руки у некоторых трясутся, говорю, устали же, опускайте, хватит, нет, всё равно несут долго. Тренировал детей, всё было хорошо. Иду однажды

Анатолий Владимирович Казаков – родился в Братске 29 января 1966 г. Автор трёх книг прозы. Произведения публиковались в журналах «Истоки» (Красноярск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирячок» (Иркутск), «Литературная Губерния» (Самара), «Великороссъ» (Москва) и др.

Живёт в Братске.

вечером, двое к девушке пристают, даже раздевать начали, а она бедная кричит, очень напугана, ну и дал им, а они дети высоких начальников, хотя какие дети, старшеклассники, здоровые, словом, а в голове только дурость. Говорю им спокойно, оставьте девушку и идите с миром, нет, поперли на меня, ну говорю же, дураки. Шум подняли большой их высокопоставленные родители. Словом, уехал в Братск, Наталью встретил, общагу быстро дали, тут уютно, как в квартире, хорошо наш завод дома строит.

Время было такое, Горбачёв боролся с алкоголем, сколько людей погибло от отравлений из-за этого, водка была по талонам. Послали в колхоз, а где бутылочку с собой взять? Пошёл в магазин, купил тройного одеколлона, качественным он был тогда. Сидим вечером после копки картошки. Василию Наташа сварила большущий кусок говядины, и когда Родин хлебнул одеколлона, налитого в стакан, то из его глаз покатались слёзы, и казались они мне белыми-белыми, большими-большими. Василий же, победно крикнув, сказал:

– Ну, за неимением лучшего, сгодится.

Я же ему возмущённо отвечаю:

– Ничё себе, это по нашим временам хорошая выпивка, одеколлон быстро разбирают в магазинах, не успевают привозить, повезло, что успел взять.

Василий ест говядину и говорит:

– Толик! Молодец! А то бы на сухую пришлось говядину исть, давай смелее откусывай, видишь же одно мясо, ух Наташа молодец, постаралась.

Все брали в колхоз по бутылочке, да не по одной. Кругом, окрест, неповторимо, Божественная, восхищающая взгляд, чудная сибирская природа. Бескрайние поля с урожаем картошки, моркови, турнепса. И в первый день пребывания в колхозе почти все попросту выпивали. Допив одеколлон, идём с Василием по палаточному лагерю, все радостно общаются друг с другом, радиаторный цех был как одна семья, и это не преувеличение, так оно и было. Семьсот с лишним человек только в одном нашем цеху работало, каких только национальностей не было, жили дружно, и теперь, спустя много лет, совершенно отчётливо твержу: как в сказке жили. И вот уже пятеро наших мужиков навалились на Василия, пытаюсь его побороть, через короткое время схватки сильно вспотевшие мужики тяжело дышат в сторонке. Вася же, как будто и не боролся ни с кем, лишь улыбается и жадно курит одну сигарету за другой. А чего не курить, зарплата пятьсот рублей с лишним, колбаса в магазине два рубля двадцать копеек за кило, дальше, сколько что стоит, и смысла нет писать.

В деревне, по сибирским меркам неподалёку от Братска, у Натальи жили родственники, и отправила жена Василия в деревню, а друг мой меня взял с собою. Был тогда я ещё молод, неженатый и недавно вернувшийся из армии. Деревня как деревня с лавочкой возле забора, бревенчатый дом в три окна, в доме железные кровати с толстыми перинами, большими подушками, классический вариант. Бабушка отварила картошки, нарезала солёного сала, угостила самогоночкой, но была она слабенькой (самогоночка). Когда поехали обратно, нагрузили Василию в дорогу большой рюкзак картошки на посадку. Недавно Василий купил себе участок земли в кооперативе «Клубничка», вот и потребовались семена. Денег на участок занял Василию я, куда мне молодому было девать деньги, платили на заводе, думаю, на тот момент одни из самых больших зарплат в стране, а через месяц он мне всё вернул. В кооперативе

этом у многих стояли новенькие на тот момент дома. Но участки даже с одной сарайкой были недешёвыми, Вася купил за пятьсот рублей. И вот мы уже сажаем привезённую из деревни картошку. Тогда сельское хозяйство нашей воистину необъятной страны отлично работало. Примечательно, что у нас в Иркутской области вырастили свой сорт картошки «Тулунская», выростала она крупная и была очень вкусной. Посадили с Василием картошку, а он уж спроворил шашлык, во время готовки всё брызгал на мясо сухое вино, вкусно готовил Вася.

Чудно было наблюдать, как эдакий детина так щепетильно относился к зимней рыбалке, брал только тонкую леску, и аккуратно привязывал морышки. Я не раз говорил ему:

– Вася! Леска тонкая, окунь чуть покрупнее клюнет, и оборвёт.

Василий, всегда улыбаясь, отвечал:

– Понимаешь Толик! Да, тонкая леска, согласен, и обрывается часто, но у меня лучше клюёт, и я приспособился ловить так, тут главное не рвать, а медленно тянуть.

И вот сидим мы на заливе, и действительно у Васи лучше клюёт, но я всё же говорю ему:

– Смотри, сколько ты уже мормышек в пасти окуней оставил.

Родин степенно отвечал:

– Ты же, Толик, видел, я пять зимних удочек снарядил, две оборвало, три ещё в запасе, а окуньки-то вот они, ух Наташа нажарит.

Возле Васиной лунки шевелилось штук двадцать небольших окуней, и Василий, улыбаясь, любовался ими. Раз пошли с другом на охоту и на дороге увидели двух глухарей, совсем рядом от нас. Вася выстрелил два раза и, не попав ни в одного, улыбнувшись, сказал:

– Хорошо, что не попал, пусть живут, видишь, какие красивые птицы. Нам на заводе платят хорошо, не голодные мы, пойдём по пустым бутылкам постреляем.

В то время квартиры давали заводчанам довольно быстро, вот и Василий получил трёхкомнатную квартиру на десятом этаже. Сидим в новенькой квартире, Наташа жарит треску, едим, вкусно. К тому времени я уже женился на моей Ирине. Вдруг Василий говорит:

– Я, знаешь, какую сушку белья придумал.

Десятый этаж, Вася открывает люк, и вот мы на крыше, и бельё семьи Родиных, обдуваемое ветром, сохнет на верёвке.

– Я, Толик, подумал, там на крыше быстрее сохнуть будет, и вправду, только вывешу, и быстро-быстро бельё уж сухое.

Потом наступили девяностые годы, завод наш любимый и до боли родной стал чахнуть. Василий ушёл на другое место работы, словом разбросала жизнь. Шли годы, у Василия появились внуки, но он болел сахарным диабетом в тяжёлой форме. Наталья Васина продавала хлеб, покупаю как-то, а она мне говорит:

– Всё, Толик, Вася умер.

Вот такая наша жизнь. Тяжело было все эти восемь лет смотреть Василию телевизор, бомбили его родной Донбасс, и он матерился. Сейчас, когда наши воины воюют с фашистами на Украине, я написал стихотворение, не мог не написать, и пусть оно с литературной точки зрения недоработанное, но от души:

*Мой друг Василий из Донбасса родом
Работали мы на заводе с ним.
И много лет в Сибири с небосводом
Он разговор ведёт, его он побратим.
Работал цех наш радиаторный на славу.
И люди добрые со всей страны вокруг.
Трудом своим мы возвеличили Державу.
Здесь каждый был товарищ нам и друг.
По осени в колхозах мы трудились.
И ложку с чашкой я забыл с собою взять.
С тарелки Васиной мы супом подкрепились –
Нам на двоих Василий просит дать.
Здоровый богатырь мой дорогой Василий.
Едим вдвоём второе и молчим...
А стол колхозный полон изобилий.
После обеда мы в тенёчке посидим.
Детишки малые растут... жена Наташа...
Года бегут, уж внуки есть у них.
Бомбят Донбасс, стреляют в души наши!
Кричит Василий: «Вот бы их самих!
Они же нелюди, старушек убивают.
Нацистам только наши перекроют дых.
В подвалах там детишек укрывают.
И стёкла выбиты в домах пустых».
А летом стало Васе плохо.
От сахарного диабета он ушёл.
Но до последнего, сердешный, вдоха
Мечтал, фашистам чтоб конец пришёл.
Спит друг в Сибири на погосте.
Пусть сбудется его мечта.
Солдаты наши, вы фашистов сбросьте!
И пусть сгорит вся эта сволота.
Пусть будет мир на Украине.
Народам нашим – праведно пожить.
Войны не будет и в помине.
Вестями долгожданнами всех осветить».*

В нынешнее время с фашизмом борется только наша милая сердцу Отчизна, наш многонациональный народ, и это говорит не о многом, это говорит обо всём...

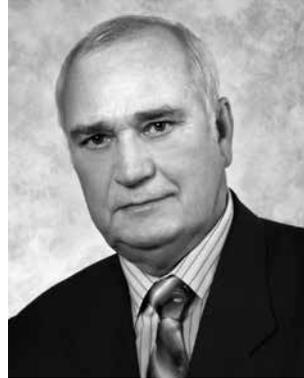

ПОЭЗИЯ

Юрий МУРАШКИН

Юрий Иванович Мурашкин – родился в 1937 г. в г. Реутове Московской области. В 1971 г. окончил философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Член Союза писателей России, автор восьми сборников стихов.

Живёт в Подмосковье.

«Во славу правды мир творит...»

Чёрный лебедь

Почему грациозная птица
Стала символом чёрной беды?
Образ птицы поверьем роднится,
С полыханьем стихий и вражды.

Чёрный лебедь крылами печали
Над людской суетою парит.
С птицей царственной мы повенчали
Боль масштабных взаимных обид.

Разве тень от него не такая,
Как от белых собратьев его?
Почему же тогда нарекают
Его карой небес и богов?

Почему в чистоте небосвода
Он как чёрный летит херувим,
Означая свободой полёта
Зло, которое сами творим?

Облаками полощет над нами
Голубая накидка Земли.
Раз на озере, гордый, как знамя,
Он ко мне грациозно подплыл.

Я жгуче ненавижу ложь,
Она травмирует сознание.
А мир прекрасен и хорош,
Когда на правде строят знание.

Слова мудрец, слепой поэт
Сказал из бронзового века,
Что там, где правды в людях нет,
Там дикость давит человека.

Творя неправду, лжец всегда,
Порою с пафосом площадным
Считает: ложь – пройдут года –
От повторенья станет правдой.

Заметен вран среди людей
Кривой душой, отнюдь не Божьей.
И ложь не станет, хоть убей,
В миру на истину похожей.

Во славу правды мир творит,
Слагая гимны созиданью.
На камне истины стоит
Земли людское мирозданье.

Мы шпилями небо не чертим,
Гордыней к нему не встаём.
Творцу, задушевные дети,
Мы тихую славу поём.

Наверное, видит он с неба,
Как маковки и купола,
Благих его помыслов сведав,
Впитали скрижалей слова.

И верой своей не в задоре,
Мы страждем духовно взлетать.
Молитвою в каждом соборе
Мы славим небес благодать.

Нам радость не в пышном декоре
Увидеть, как Господ велик.
Красой и любовью во взоре
Нам светится божеский лик.

И наша святая София,
И храм Покрова на Нерли
Хранят и возносят святыню
Духовности русской земли.

Украшена готика в розах
И в шпильях горда высотой.
На луковках крест и шеломах
Нам правдою дорог святой.

Белград. Скадарская улица

Я прошёл под знаменем любви,
Бархатно теплом его согрет.
Розу к сердцу черенком привил
И любовью болен столько лет.

Там на знамени – символика свобод:
Роза, тросточка и шляпа канотье.
В мир гулянья молодёжного зовёт
Транспарант на зримой высоте.

И признаюсь, это не Арбат.
Над Арбатом знамя не висит.
Он земно, вещественно богат,
Блеском побуждая на визит.

На Скадарской интерес живой
Не проходит улицей насквозь.
И на камушках старинной мостовой
Каждый признан как желанный гость.

Улица совсем невелика,
Но людской поток по ней рекой.
Клубы и кафе издалика
Вовлекают в радостный настрой.

Светел улицы неоновый наряд,
От огней душой не спрятаться во тьме.
Там вернуться в молодость назад
Просят роза, трость и канотье.

Знамя нерастраченной любви!
Набирай, вербуй своих солдат!
Вновь меня душевно позови
В воскресенье на Скадарскую, в Белград.

ПРОЗА

Сергей ГОРБАТЫХ

Погиб за Францию

*Если Франция не была стёрта с карты Европы,
то, благодаря мужеству русских солдат.*

Маршал Фош

В двухстах километрах на восток от Парижа, в красивой сосновой роще живописной деревушки Сент-Илер-ле Гран, расположено военное кладбище. Православная часовня, стриженная трава, цветы... В окружении высоких берёз стоят ровные ряды одинаковых каменных крестов. На них на французском языке выбиты русские фамилии и слова «ПОГИБ ЗА ФРАНЦИЮ». Здесь похоронены солдаты и офицеры Русского экспедиционного корпуса, погибшие в 1916–1918 годах.

– Богатырь! Настоящий богатырь! – восхищённо произнёс наголо бритый, с седой бородкой клинышком председатель врачебной комиссии, подписывая результаты медицинского осмотра двадцатилетнего новобранца Ивана Романова.

Высокий, три аршина и одиннадцать вершков (один метр девяносто один сантиметр), широкоплечий парень от смущения покраснел и топтался на месте, не зная, что отвечать.

– Грамотный? – поинтересовался председатель врачебной комиссии.

– Да, четыре класса.

– Молодец! Богатырь!

Красивое чистое лицо Романова ещё больше покраснело...

– Где работал?

– Столяр я... Работал в мастерской у ...

– Годен! Следующий!

Через неделю после медицинского осмотра, 15 декабря 1914 года, Романов Иван был зачислен во вторую роту 147 пехотного запасного батальона в Кузнецке.

Сразу же начались занятия. Сначала всех новобранцев учили обращению к начальству, затем рассчитываться по порядку номеров, поворачиваться «налево», «направо», «кругом» ...

Сергей Анатольевич Горбатов – родился в 1959 г. в Новороссийске. Учился в Ростове, Горьком, Москве. Долгое время работал в Ростовском речном училище.

Живёт в Буэнос-Айресе.

Иван хотел попасть на фронт вместе со своими земляками. Но вышло иначе: командир батальона выделил его за исполнительность, старание, усердие и направил в учебную команду.

После неё Романов вернулся в тот же 147 батальон, но уже младшим унтер-офицером.

В декабре 1915 года из гарнизона города Кузнецка, насчитывавшего почти тридцать тысяч человек, были отобраны двести шестьдесят солдат и унтер-офицеров для службы в специальных войсках. Среди них был и Иван Романов. Что такое специальные войска и что они будут делать – никто толком не знал. И только перед отправкой в Самару рыжий низкорослый подпрапорщик Куликов с завистью шепнул Ивану:

– Повезло тебе, Романов, попал ты в экспедиционный корпус! Теперь во Францию поедешь!

В Самаре после строжайшей медицинской комиссии из двухсот шестидесяти человек, прибывших из Кузнецка, оставили всего пятьдесят шесть. Все они были высокого роста, крепкие и православного вероисповедания. Иван Романов также был признан годным для службы в экспедиционном корпусе. Он был зачислен в первый батальон второго особого полка, который был сформирован в Самаре за очень короткий срок.

В январе 1916 года был получен приказ об отправке второго особого полка во Францию. Всем выдали новенькое обмундирование, которое самарские портные перешивали и подгоняли ещё две недели. После этого новое обмундирование было приказано сдать в хозяйственную часть, где его упаковали в большие деревянные ящики.

Второго февраля второй особый полк под звуки духового оркестра двинулся на железнодорожную станцию. Впереди с развёрнутым полковым знаменем шёл старший унтер-офицер Василий Сабанцев. За ним следовал рядовой Петренко с огромным бурым медведем на цепи. Полк провожали все жители Самары.

В промёрзших от трескучих морозов теплушках второй особый полк пересёк заваленную снегом Сибирь.

На станции Куа Чен-цзы всех пересадили в японский поезд из несуразно длинных американских вагонов. Состав медленно двигался вдоль берега Жёлтого моря.

– А почему говорят, что оно жёлтое, а не грязное? Ведь вода совсем коричневая! – удивлённо спрашивали друг друга солдаты.

На станции Дайрен поезд остановился.

– Выходи из вагонов! Строиться вдоль вагонов, повзводно, в три шеренги! – послышались крики офицеров.

Романов увидел, что у паровоза появились командир их полка полковник Дьяконов и какой-то японский генерал в сопровождении группы русских и японских офицеров.

Японский генерал сделал несколько шагов и как вкопанный остановился перед старшим унтер-офицером Василием Сабанцевым. Огромный рост три аршина и два вершка (два метра двадцать два сантиметра) русского полкового знаменосца поверг японского генерала в изумление. Он задрал голову и молча смотрел вверх, не в состоянии произнести ни слова.

Раздались звуки «Боже царя храни...», исполняемого японским духовым оркестром, а генерал никак не мог оторвать своего взгляда от Василия Сабанцева.

Романову с трудом удалось сдержаться, чтобы не рассмеяться, наблюдая за этой картиной.

«Смотри, смотри, японский генерал на русского солдата!» – с гордостью за своего однополчанина подумал Иван.

В порту Дайрен второй особый полк уже ждало французское транспортное судно «Сантай». После погрузки полкового имущества настала очередь и солдат. Многие из них, как и Иван Романов, никогда не видели парохода, даже речного, поэтому огромный «Сантай» их пугал.

Солдаты с опаской, крестясь, начали медленно подниматься по крутому и шаткому трапу.

– Быстрее, братцы! Быстрее! Не робейте! – подбадривал Романов солдат своего отделения.

В трюмах «Сантая» были сооружены трёхъярусные нары, где и разместились все нижние чины второго особого полка. Офицерский состав удобно устроился в каютах.

На вторые сутки после отхода транспорта из порта Дайрен стало так жарко, что в трюмах невозможно было дышать. Солдаты выбрались наверх и обосновались на палубе. Кроме жары, всех мучила жажда. Пресную воду давали в очень ограниченном количестве. Еда была низкого качества: в основном солонина. После неё ещё больше хотелось пить. Все страдали от морской болезни. За несколько дней судовой лазарет был забит больными.

Каждое утро на палубе проводились строевые занятия, а затем по два часа читали Евангелие. Вечерами солдаты отводили душу в плясках и песнях.

– Романов, ты – самородок! Талантище! – не уставал повторять командир роты капитан Юрьев-Пековец, слушая, как поёт Иван. – Тебе в лучших театрах Европы надо выступать!

Казалось, что Индийский океан испытывал русских на прочность: налетел шторм. Всё, что находилось на открытой палубе незакреплённым, было смыто за борт. Пришлось спуститься в душные трюмы. Солдаты неподвижно лежали на нарах, страдая от нехватки свежего воздуха и сильной качки.

«Если Господь даст, и я останусь живым, никогда больше даже ногой не ступлю ни на один пароход», – грустно размышлял Романов, скрутившись на полу в трюме.

Шторм прошёл, но сильная качка изматывала людей. Они с зелёными лицами теньями бродили по палубе. Питание стало ещё скуднее: вместо солонины стали кормить сильно солёной рыбой. Чай давали только по утрам. Отчаявшись, солдаты пили морскую воду.

Первым умер рядовой Сергеенко. Его тело зашили в парусину и после отпевания полковым священником, привязав чугунную болванку к ногам, сбросили в океан. После него каждый день опускали за борт по два и даже три человека. По вечерам уже никто не плясал и не пел песен.

На одиннадцатый день «Сантай» вошёл в порт Сингапура. Пока судно загружалось углём, некоторым солдатам (группами) разрешено было посетить город. В числе их был и Романов. Радости от прогулки по экзотическим местам Иван не испытал, ведь в судовом госпитале от болезни умирал его друг и земляк Алексей Кривопапов.

Через три дня «Сантай» покинул Сингапур. Теперь полковник Дьяконов строжайше запретил всем курить на палубе, петь и плясать. Говорили, что в этом районе Индийского океана немецкие подводные лодки топят все суда и имеют приказ обнаружить и пустить ко дну транспорт «Сантай» с русскими солдатами на борту.

Романов стоял у узкой металлической кровати, на которой лежал Кривопапов. Его друг, бывший когда-то силачом и кидавший пудовые гири как яблоки, за неделю превратился в скелет.

– Иван, отпиши моим, как я умер... Всю правду отпиши... – едва шептал бледными губами Алексей. – Грешник я, грешник. Не дал мне Господь могилки с берёзками... Сбросят меня в пучину проклятую...

– Лёша, да ты поправишься! Чего это ты глупости разные говоришь! Вернёмся домой и...

– Ты, Вань, вернёшься, а я нет. Маманька на могилу даже не придёт...

Кривопапов скончался ночью, а утром его тело, зашитое в парусину, поглотили воды Индийского океана.

Питание, и без того скверное, стало ещё хуже. Питьевую воду теперь давали снова ограниченными порциями. Оказалось, что в Сингапуре, по недосмотру капитана «Сантая», на судно закачали недостаточное количество пресной воды.

В порту Коломбо на острове Цейлон всех отпустили в город. Солдаты гуляли по улицам, утопавшим в тропической зелени, и удивлялись всему: обезьянкам, пальмам, одежде местных женщин... В тени высоких пальм продавали фруктовые напитки. Иван Романов купил сразу три большие бутылки ананасовой воды и залпом их выпил. Затем ещё две... Ему казалось, что он никогда не напьётся вдоволь. Его сослуживцы, кроме напитков, накупили связки бананов, кокосов, ананасов и тут же, на улице, с наслаждением их ели.

Десять дней пути от Цейлона до порта Джибути пролетели быстро. Вдоволь давали пресной воды, несколько раз в день чай...

На подходе к Джибути «Сантай» снова попал в сильный шторм. Судно «ныряло» в огромных волнах, борта и переборки судна так скрипели, что казалось, что «Сантай» вот-вот развалится на куски... Солдаты, не в силах что-либо сделать, молились...

После прохождения Суэцкого канала сразу улучшилось питание. Всем стали выдавать по литру столового виноградного вина в день.

– Это распоряжение французского правительства, – объяснил солдатам своей роты капитан Юрьев-Пековец.

За два дня до прихода «Сантая» в Марсель полковник Дьяконов приказал всем солдатам и унтер-офицерам побрить головы, а также сбрить усы и бороды. Скатать шинели и получить в хозяйственной части перешитое в Самаре своё новое обмундирование.

На утренней поверке Дьяконов, подходя к каждой роте, обращался к солдатам с короткой речью:

– Вы лучшие, кого послала Россия на помощь нашему верному союзнику – Франции. Народ этой страны надеется, что вы, боевые орлы, защитите его от германских захватчиков. Солдаты! Ведите себя честно, достойно и уважительно к жителям Франции! Уверен, что вы не запянаете себя позором пьянства, грубости, безчестия и трусости!

Вдали виднелись форты Марселя. Полк выстроился на палубе без вещей с шинельными скатками на плечах. Полковой оркестр начал исполнять «Марсельезу». «Сантай» медленно подходил к причалу, где собралось огромное количество людей.

Судно пришвартовалось. Спустили трапы. Через пятнадцать минут весь личный состав полка стоял на берегу.

Показался генерал-губернатор Марселя со свитой.

– Смирно! Равнение направо! – закричал во всю мощь своих лёгких полковник Дьяконов и, обнажив саблю, строевым шагом подошёл к генерал-губернатору Марселя.

Романов услышал, как их командир что-то громко сказал на французском языке. «Доложил генерал-губернатору о том, что второй особый полк прибыл во Францию», – сразу же догадался Иван.

После этого генерал-губернатор повернулся лицом к полку и, приложив два пальца к козырьку своей шикарной, расшитой золотом фуражке, крикнул по-русски с сильным акцентом:

– Здравствуйте, герои!

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – дружно ответили ему солдаты.

Затем, по команде, полк перестроили в две шеренги и повели между двух складов, из которых солдат на ходу вооружили французскими трёхзарядными винтовками.

Второй особый полк Русского экспедиционного корпуса поротно шаггал по украшенным русскими и французскими флагами улицам Марселя. Впереди – Василий Сабанцев с развёрнутым знаменем, за ним рядовой Петренко вёл на цепи бурого медведя. Улицы были запружены народом... Слышались выкрики по-русски: «Да здравствует великая Россия!», «Слава русским солдатам»... До самого городского сада «Мирабо» полк сопровождала огромная толпа. Женщины кидали солдатам букеты цветов и посылали воздушные поцелуи. Городской сад был уже окружён жителями Марселя, которые всю ночь бросали через стены подарки солдатам: сигареты, шоколад, бутылки вина...

Через три дня второй особый полк был вывезен по железной дороге в лагерь Майи. Здесь солдат разместили в удобных деревянных бараках. Кормили сытно, вкусно и вдоволь. Каждый день проводились тактические занятия, которые Ивану Романову очень нравились. Многие солдаты прошли обучение на курсах снайперов и миномётчиков.

Через два месяца второй особый полк был направлен на фронт, под город Мурмелон. Они сменили французскую часть, которую отвели в тыл. Русские солдаты были поражены бытовыми условиями на передовых позициях, которые имелись в их распоряжении. Отделение Ивана Романова, например, разместилось в глубокой землянке, где стены и потолок были обшиты стругаными досками. Крыша подпиралась толстыми брёвнами. Вдоль стен стояли железные кровати.

К удивлению Романова, этот участок фронта оказался на редкость спокойным. За месяц немцы не предприняли ни одной атаки. Только изредка возникали перестрелки... и всё. По существу, солдаты полка несли привычную для них караульную службу. А остальное время ели, спали, потом снова ели и снова спали. Иван даже в весе прибавил от такой вольготной и спокойной жизни.

Потом стали ходить слухи о том, что немцы готовят большое наступление. Но его не было. Противник вообще не проявлял никакой активности. Французское командование также не решалось перейти в наступление, поэтому позиционная война продолжалась...

Одной сентябрьской ночью Романов проснулся от гулких взрывов гранат и трескотни пулемётов.

– Немцы атакуют! – закричал Иван. – Подъём!

Быстро одевшись, бойцы его отделения высочили из землянки и заняли свои места в траншее, за бруствером у бойниц.

По позициям второго особого полка, не переставая, стреляли немецкие пулемёты. Было светло, как днём, из-за осветительных ракет, висевших в ночном небе...

Появился командир роты Юрьев-Пековец

– Наши разведчики «языка» захватили. Когда подтаскивали его уже к нашим окопам, немцы спохватились и стали стрелять. Рядового Семёнова убили. Остался он лежать где-то между третьим и четвёртым рядом «колючки». Как стихнет всё это, надо тело вытащить. Сможешь, Романов?

– Смогу, ваше благородие! – ответил Романов.

– Ну, тогда и действуй! – сказал капитан и ушёл.

Стрельба стала стихать...

– Угомонился германец, устал... – лениво произнёс рядовой Проничев.

– Может, и устал... – ответил ему Иван, продолжая внимательно смотреть в бойницу.

Вдруг со стороны колючей проволоки сначала раздался сильный протяжный стон, а потом послышался тихий голос: «Спасите, братцы... Вытащите меня...»

– Это же Семёнов! – сразу понял Романов. – Живой! Живой!

– Проничев, давай тащи мне ножницы для резки «колючки»! Быстрее!

– Вы чё это, господин унтер-офицер, туда? Прямо щас? Стреляют же! – ужаснулся рядовой.

– Ножницы тащи! Быстро! – зашипел на него Романов.

Иван ловко вылез из траншеи, лёг на спину и, стараясь не делать шума, стал медленно перекусывать ножницами колючую проволоку в первом ряду заграждения.

Щёлк, щёлк... Проход готов. Иван пополз на спине ко второму ряду...

На участке их роты немцы стрельбу закончили. Только где-то на правом фланге, по позициям третьего батальона, короткими очередями продолжал бить пулемёт. Потухли все осветительные ракеты...

– Темнота... Чудно как! – обрадовался Романов.

Щёлк, щёлк... Готов проход во втором ряду...

Иван уже видел лежащего на спине Семёнова.

– Не кричи! Не кричи, Семёнов! – прошептал он.

Щёлк... Есть доступ к раненому. Романов повернулся на левый бок, затем на правый, стягивая с себя шинель.

– Семёнов, это я, Романов... Не кричи только! Господом Богом тебя прошу, не кричи! – шептал Иван, укладывая раненого на расстеленную шинель.

– Грудь горит... не могу терпеть... – захрипел Семёнов.

Романов, упираясь левой рукой в землю, правой тащил за собой шинель с лежащим на ней раненым солдатом.

– Тяжёлый какой... Сколько же он пудов весит? – подумал вдруг Иван.

На левом фланге немцы запустили белую осветительную ракету на парашютике. Ветром её несло к коридору в заграждении, по которому Романов тащил к своим окопам раненого Семёнова.

– Успеть бы, а... Успеть бы... Господи, помоги! – шептал Иван.

Стало светло, как днём...

– Проничев, – закричал Романов, – принимайте раненого!

– Щас, давайте! – из траншеи высунулись несколько пар рук, беря Семёнова.

И тут ударили немецкие пулемёты... Иван почувствовал, как в спину его больно ударило чем-то горячим. Один раз, второй, третий...

На русском военном кладбище в Сент-Илер ле Гран – тишина. В окружении высоких берёз стоят ровные ряды одинаковых каменных крестов. На одном из них выбито: «РОМАНОВ ИВАН. ПОГИБ ЗА ФРАНЦИЮ».

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей.

Живёт в Москве.

Голоса эпох

Был императором философ

Скажи, какой нам лучше профи,
Держащий наш великий дом?
И сколько пота, сколько крови
Во имя чьё мы отдаём?

Я жил сполна их голосами –
Эпохи, страны, имена.
И кто же где-то там над нами,
Терзали сызмальства меня?

Кто, где и как народом правил?
Кто и теперь его ведёт?
Кто исключение из правил?
А то и просто идиот?

А имя – кто ж его родитель?
Кому как флаг оно пойдёт?
Воитель или же мыслитель?
И кто и как его поймёт?

Вопрос коварный: или – или.
И что-то есть, чего-то нет.
И ты, историк, в чёрной пыли
Ищи и ясный дай ответ.

А кто отстанет без ответа
Иль вцепится в него горой,
Герой действительно и этот,
И одновременно другой.

Но, может, плох я как фиксатор?
Но встретился всего один
Властитель – римский император,
Он – Марк Аврелий Антонин.

Вериссимус – то бишь правдивейший
Он титул в юности сыскал
И всех – да, всех к нему входивших
Улыбкой доброй принимал.

И с плебсом он делился грошами,
С патрициатом был баланс,
Плохих умел вершить хорошими,
Дарил хорошим новый шанс.

Да, в жизни тысячи вопросов –
Удача, неудача, сбой.
И осмыслял всё сам философ
В труде «Наедине с собой».

Вот человек с глазами-искрами,
Кого властитель знал и сам.
Но сколь слова добры и истинны,
Он узнавал и по глазам.

Таков он был, философ-стойк.
И это главное – что был.
И я, архивовед-историк,
Его узнал и полюбил.

Спасибо, Плиний Старший

In vino veritas – по пьянке
Весь Рим певал во все гулянки.
И доливал вдвойне, втройне,
Коль раз уж ИСТИНА В ВИНЕ.
А утром, как учил сапелье,
Везде – глубокое похмелье.
И тут хоть говори, хоть пой –
По Риму смертный перепой.

Здесь и услышан Плиний Старший.
Сказал жене (иль секретарше):
Отбой пьянящему снадобью.
In aqua sanitas – здоровью
Что более всего нужна?
ВОДА – ЗДОРОВЬЮ! Лишь она!

И начал Рим умней хмелеть,
А щёки римлян – розоветь,
Шагают в стройном марше,
Спасибо, Плиний Старший!

Киник или циник (cynicus)

Не ведая ни зон, ни ген,
Жил в старой бочке Диоген,

Не признавая никого –
Домоуправа ль, ЖКО.

И тоном мог, и полутоном
Поспорить и с самим Платоном.

Изобличать чужую дурость
Была его большая мудрость.

Таким вот был синопский киник,
Философ, а по-русски циник.

Тайна рождения

(отрывок из книги «Герои стародавних времён»)

В одну из ненастных ночей князя Юрия Луговского послали по военным делам к князю Петру Охлебишину. Воеводы согласовывали свои действия перед решающим штурмом Казани. И когда он возвращался по берегу тинистого Булака, услышал стук мечей и крики сражающихся. Решив, что это татары напали на обходную ночную стражу, он бросился на помощь. На берегу реки он увидел одинокого русского воина, бьющегося с тремя татарами. Сразу оценив обстановку – положение русского всадника было критическим, – князь Юрий бросился на помощь.

– Ко мне, я убью вас, – врубился он в схватку.

И это спасло жизнь одинокому латнику. Трое казанцев повернули к нему, и соотношение сил изменилось, но было ещё в пользу татар. Однако князь Юрий Луговской был редкостным бойцом того времени и, когда при свете луны засверкал его клинок, двое казанцев тут же пали замертво, а третий, тяжело раненый, рядом с ними обливался кровью.

Разделавшись с нападавшими, Юрий взглянул на спасённого воина, и каково же было его удивление, когда он узнал в нём царя и своего брата Иоанна. И мрачная, страшная мысль на миг полонила его. Он вспомнил, как бессердечно поступили с его матерью Соломонией, что не Иоанн, младший брат, а он должен быть ныне на русском троне. И вот теперь он может одним ударом меча восстановить справедливость.

Ночь, безмолвие, три убитых татарина. Доказательство своего царского происхождения находились при нём. Осталось нанести только один удар. Рука, державшая меч, уже напряглась, и он уже готов был совершить братоубийство, но... рука его онемела, и совесть, данный нам свыше дар, остановила князя Юрия. Совесть – это Господь внутри нас не позволяет нам погубить свою душу. Он вспомнил обещание, данное выросшему его отцу – никогда не претендовать на царский

Юрий Александрович Яхонтов – член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга года» 2011–2013 за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга года» 2012–2014 за книгу «То, что в сердце давно берегу...», «Лучшая книга года» 2017–2019 за книгу «Герои стародавних времён». Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 г. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

престол. Пелена спала, тёмные помыслы оставили его. Он вложил меч в ножны и хотел быстро удалиться, но Иоанн крепко ухватил его за руку и с чувством произнёс:

– Храбрый воин! Трижды ты спасал мне жизнь. Я в огромном долгу перед тобой. И в темноте ночи я узнал тебя, мой спаситель. Я вижу, что ты из непобедимой Ростовской рати и клянусь Святым Леонтием, я награжу тебя за все твои подвиги.

Юрий попытался освободиться, но Иоанн ещё крепче сжал его руку. Тогда князь Юрий сказал.

– Я сделал только то, что сделал бы на моём месте любой русский воин. Другие воины делают куда больше моего – они кровь проливают и жизни отдают за государя. Мне же хочется остаться безвестным, т.к. я с избытком награждён тем, что спас жизнь своему царю. Пусть меня наградит Бог, только этим я и буду доволен. А теперь прошу, освободи меня.

Но царь ответил:

– Теперь Бог и царь достойно наградят тебя.

Князь Луговской увидел, что освободиться он не может и сопротивляться государю он тоже не может, а невдалеке послышалось приближение ночного дозора. Если царь позовёт, то бегство будет уже невозможным. И не видя другого выхода, Юрий наклонился к уху царя и произнёс:

– Сын Елены Глинской чем может наградить сына Соломонии Сабуровой?

Ещё ранее князь Сергей Семёнович Луговской говорит своему сыну Юрию, что голос его очень похож на голос его родного отца великого князя Василия III. Голос своего отца помнил и князь Иоанн. Он замер, дрожь прошла по всему телу, руки его ослабли и как будто онемели. Долго он не мог прийти в себя, а когда очнулся, то увидел себя одиноко стоящим среди трупов татар. Он начал громко звать:

– Брат мой, брат мой, не убегай, не оставляй меня.

Его голос услышал ночной дозор и поспешил к царю.

– Не попадался ли кто вам по дороге? – спросил Иоанн.

– Великий государь, нам навстречу попался один из братьев Луговских.

А который из них, мы не знаем.

Князь Юда Луговской был в ночном дозоре с другой стороны военного стана и ничего не знал о случившемся. Сдав дежурство и вернувшись в свою палатку, к удивлению, не обнаружил там брата. На столе лежала грамота, написанная Юрием. В сильном волнении Юда прочитал, что его брат прощается с ним навеки, просит его нигде не искать. Свой удел, село Вышеславцево, завещает сыну Юды Томиле, а своей неверной княгине отдаёт небольшую часть имущества на содержание.

В горячих слезах о своём брате Юрии, застал Юду посыльный от царя, который звал к себе обоих братьев Луговских. Юда пришёл к царю один, показал письмо брата и рассказал о его непонятном бегстве.

Царь прочитал письмо Юрия о его уделе селе Вышеславцево. Иоанн хорошо знал, кому пожаловал его отец Василий III это село. Забывав договорную грамоту инокини Соломонии, Иоанн узнал, что село Вышеславцево Соломония завещала старшему сыну князя Сергея Луговского Юрию и только ему. Теперь Иоанн узнал, что у него есть старший брат, который мог трижды стать царём, а вместо этого трижды спасал Иоанну жизнь. Иоанн понял, что Юрий скрылся, чтобы избежать междоусобия.

Тайна Юрия Луговского стала известна только царю, а Юда ничего не знал и по-прежнему считал Юрия своим старшим братом.

Наградить Юрия царь Иоанн не мог, он исчез, детей у него не было, и царь все милости, предназначенные Юрию Луговскому, перенёс на его брата Юду, который получил боярство и большие награды. Юда понимал, кому предназначалась эта милость царя. В русском стане появились слухи, что в одну из ночей царь Иоанн встречался со своим братом, рождённым от Соломонии Сабуровой. Юда Луговской, ничего не подозревавший, только смеялся над этими сплетнями. Но молва эта быстро затихла навсегда. Только Юда Луговской не мог забыть своего дорогого брата и часто смахивал слезу по невосполнимой утрате, когда вспоминал о нём.

ПОЭЗИЯ

Антонина ШМАТКОВА

АНТОНИНА ШМАТКОВА

Антонина Никоновна Шматкова – родилась в Кемеровской области. Образование – Кемеровский горный техникум, КемТИПП. Экономист, ветеран труда. Член Союза писателей России. Поэт, прозаик. Издала семь отдельных книг. На фестивале «Играй, гармонь» исполнители песни на её стихи получили Гран-При. В Кемерово несколько лет была руководителем ЛИТО «Моя строфа» при Совете ветеранов. В Наро-Фоминске два года была членом жюри «Поэтическая акварель». Четырежды победитель литературных конкурсов. Имеет награды – четыре диплома победителя. Два из них – статуэтка «Золотая звезда» и именная статуэтка – «Серебряный крест». Награждена медалями – из них медаль МГО СПР за матерство и подвижничество во благо русской литературы и орден за вклад в литературу России XXI века. Лауреат премии в честь 140-летия А. Блока.

Живёт в городе Наро-Фоминске Московской области.

Во имя Победы

Рассказ в стихах

Часть первая

(Под Вязьмой)

Лейтенанту сказал генерал:
«Не стесняйся, бери сухари,
Генеральскую кружку бери,
Здесь устроим короткий привал.

Может, с воздуха помощь придёт,
Ждём её, и надеяться в силах.
Вечно радость весна приносила,
Посмотри-ка, подснежник цветёт.

Наливается соком берёза,
От осколков текут её слёзы.
Наклонилась в тех зарослях ива,
Будто матери стан сиротливый.

Мы находимся в плотном кольце,
Вся ложбина во вражьем свинце.
Огневое кольцо не под силу,
Вот и сотни сынов здесь могилы.

Ноют раны, и ноет плечо,
Ну а я повоюю ещё,
Если что – пистолет и патрон,
Есть берёзки, кустарник и склон.

Но пока всё ж удар мы наносим,
Хоть без танков и валенки мокнут,
Нет еды, и от мин уши глохнут;
Терпим, ждём, подкрепление просим».

А вдали, в небесах самолёт –
О, какой же он груз привезёт?!
Продовольствие надо, патроны,
Раздаются меж раненых стоны...

Генерала хотят увезти,
И за ним из Москвы самолёт.
«Нет, товарищи, так не пойдёт –
Я солдат не оставлю в пути».

Дал команду грузить в самолёт,
Чтоб они не достались врагу –
Честь, знамени: «Я их сберегу,
А победа всё ж будет, придёт»!

Он для части готовил прорыв,
Но московского ждал он приказа,
Выполнять по уставу призыв
Наш солдат подготовлен был сразу.

Чтобы скрыться, всего лишь два шага,
Затеряться в лесу без следа,
Но к Отчизне любовь и отвага
Управляли бойцами всегда.

Лишь в апреле был издан приказ:
Что есть силы к своим прорываться.
На восток уже поздно сейчас,
Надо им на Угру пробиваться.

Вдруг врага командир, подобрев,
Предлагает всем воинам сдатьсь:
«Тем, кто выжил, в бою уцелев,
Вам поможем живыми остаться».

Генерал просит срочный удар
Нанести там, где немцы засели,
И Московский последовал шквал –
Он бомбит оккупантов по цели.

Понимает враждебная сила,
 Что есть связь, что никто не сдаётся.
 Стоны ивы в поля уносило –
 Защищаться до смерти придётся.

И фашист, озверев, воздаёт –
 Связь радиста нарушена вскоре.
 Артиллерию, танки ведёт;
 Лес горит, словно адское море.

Пали многие смертью героической,
 Без охраны Ефремов остался.
 Ранен, с вешней порой расставался...
 Подступало враждебное войско.

Содрогался весь Шпыревский лес,
 Вдруг затихло на миг, грянул выстрел.
 Ярый враг, с твоей расовой мыслью –
 Упавал ты на свой перевес.

Командарма хоронят у храма;
 Всех сельчан да и пленных согнали.
 Все сурово смотрели и прямо.
 Оккупанты здесь тоже стояли.

Обращается к ним генерал:
 «Вы должны так же храбро сражаться,
 До последнего чтоб не сдаваться» –
 На немецком он яро кричал.

Часть вторая

(Угра – багровы твои воды)

Уцелевшая чудом и Богом,
 Часть солдат пробиралась к Угре.
 Ночь темна, а в потёмках – тревога,
 Дальний берег, встречай на заре.

Вспоминал переплывший солдат,
 Как решили пойти по разливу.
 Ружья, головы в водах торчат,
 В переправе кто ж будет счастливым?

А вода стала многих скрывать,
 Слышен крик уходящих под воду.
 Оккупант начал залпом стрелять,
 Озаряется край небосвода.

Стонут волны багровой воды,
 Воет ветер у той переправы.
 На войне не уйдёшь от беды –
 Старшина оглянулся направо.

Он по пальцам бойцов посчитал,
 Что спасённые чудом и Богом.
 Доставая планшет, записал
 И взирал на тот берег с тревогой.

Вновь ефремовцы шли терпеливо
 По дорогам войны вероломной.
 Ох, какая ж цена их прорыва!
 Ах, какие ж потери огромные!

Ведь под Вязьмой щитом они были,
 И друг друга, и дружбу хранили.
 Генерал вместе с ними сражался
 И солдатским отцом назывался.

Часть третья

(Его победоносные сражения на юго-западном направлении)

Вспоминал старшина и о том,
 Как Ефремов собрал ополченцев;
 И вчерашний курсант стал бойцом,
 И сражаться готовился с немцем.

Возродил генерал тридцать третью,
 Укрепил хорошо рубежи.
 Берег Нары его здесь приветил,
 Танк победный звезда сторожит.

Наши танки, зарытые в землю,
 Наносили по немцам удар,
 Оккупант с удивлением внемлет,
 Бешен, яр его внутренний жар.

Полководец, оваянный храбростью,
 В этой схватке врага победил.
 Речка Нара сияла от радости,
 Левый берег врага не впустил.

И пошла эта Армия дальше
 Из селений врага выгонять.
 Боровск рад победителям нашим,
 Верю надо тоже спасать.

Две недели бои здесь гремели,
Письмам с фронта уже не дойти.
Наметали сугробы метели,
Кроме – Вязьма ещё на пути...

Легендарная личность комдива,
Дух отважных советских солдат
В вероломной войне победили.
Так не лезь на рожон, супостат!

(Материалы автор брала из статей и из рассказа очевидца, когда в его неполных шесть лет, вместе с их большой семьёй и односельчанами гнали в плен.)

Я по траве иду росистой,
Цветущей клеверным ковром.
Любуюсь рощицей тенистой
И вспоминаю о былом.

Здесь бой когда-то шёл неравный.
Палило зарево огнём,
Но тот удар, из главных главный,
Ковал победу день за днём.

Тревожат взгляд воронки ямой,
А по краям грибы растут...
То воин наш с тяжёлой раной
Кровавый след оставил тут.

Земля! Ты помнишь эти раны
И тех солдат в ночном бою?
Алёши, Стёпы и Иваны
За мир отдали жизнь свою!

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военно-морское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

Чесменское сражение

Поэма

Три адмирала¹, три эскадры –
Сверх двух десятков кораблей –
Ушли в поход крушить преграды
Всех тех, кому были не в радость,
Осилив нрав пяти морей.
Пока их нёс попутный ветер
К турецким южным берегам,
Орлов всё сделал, чтоб отметить,
Что круг друзей был рад их встретить
Восстанием в тылу врага.

Аж двадцать семь больших и малых
Архипелага островов
Посланников к нему прислали,
Те, каждый остров, убеждали:
Власть русскую признать готов.
Июля жаркого начало,
Войны второй тянулся год,
Эскадра русская искала,
И поскорей найти желала
Меж островов турецкий флот.

¹ Три адмирала: Адмирал Спиридов, контр-адмиралы Эльфинстон и Крейг

Нашла. Мощь турок поразила!
 Коль флот по вымпелам считать,
 То наших тридцать два, их сила,
 Увы, в разы превосходила,
 У них в строю – семьдесят пять!
 Гассан-паша не зря ж Султану
 Удачей клялся без забот:
 Пусть равными потери станут,
 Победою остатки грянут –
 Осилит тот, чей больше флот!

Спиридов мыслил по-иному:
 Пусть равнозначны все суда,
 Их экипажи мне знакомы,
 Служить их учат по-другому –
 Держа за ратников труда.
 Их капитан – как арендатор,
 За взятку судно получив,
 Не ограничится зарплатой,
 Найдёт, как прибыль делать надо,
 Корабль в поместье превратив.
 Залог победы ж, без вопросов,
 Опора на расчёт и ум,
 И на обученность матросов,
 Готовых твёрдо в схватке грозной,
 Исполнить долг, не прячась в трюм.

И как серьёзный адмирал,
 Готовясь к зреющей атаке,
 Он уничтожить предлагал
 Корабль, на коем флаг поднял
 Руководитель грозной схватки.
 И сам тем лично предрешил
 Исход Хиоского сраженья,
 Гассана флагманства лишил,
 Чем, без влияния Паши,
 Турецкий флот привёл в смятенье.

И русский с виду меньше флот,
 Под предводительством Орлова
 Гнал флот турецкий, словно скот,
 Весь в бухту Чесмы, чтобы тот
 Уже не вышел в море снова.
 Июль, шестое, 5 часов,
 Совет в каюте «Иерархов»,
 Как флот турецких моряков,
 Что в бухту спрятался со страха,
 Добить решает граф Орлов.

И план созрел, июль, жара,
 Все корабли сухи, как порох,
 Флот жмётся: к кораблю корабль –
 Костёр готов, чтоб запылал,
 Ему лишь нужен спички всполох!
 И по приказу – Ганнибал
 Как спички брандеры готовит:
 Четыре мирных судна взял,
 Всем, что горит нашпиговал,
 И тем, что их поджечь позволит.

И кораблям, что в бой пойдут,
 Приказ стрелять брандскугелями,
 Они как флот поджечь найдут,
 Хотя б один корабль зажгут –
 Прикурят остальные сами.
 В ночь на седьмое русский флот,
 Под пологом седого мрака,
 Прикрыв надёжно бухты вход,
 Свершил брандскугельный налёт
 Артиллерийскою атакой.

Налёт бесследно не пропал,
 Что турки вряд ли ожидали,
 Корабль их свечкой запылал,
 И искры щедро рассыпал
 На всё, что жертву окружали.
 Грейг в дело брандеры пустил,
 Те дружно к жертвам устремились,
 Но корабля достиг один –
 С командой лейтенант Ильин,
 Запал к линкору прицепили.

Линкор объяло вмиг огнём,
 Ильинцы лишь отплыть успели,
 Взрыв громом прогремел на нём,
 Обломки пламенным дождём
 По всей эскадре разлетелись...
 И до семи часов утра,
 Когда все взрывы отгремели,
 Турецкий флот сгорел дотла,
 А русский, как страна ждала,
 Достиг в бою заветной цели.

Победа в Чесменском сраженьи,
 Уверен, что не ошибусь,
 Нашла как стимул, без сомненья,
 В боях на суше отраженье,

Прославив подвигами Русь,
Законно «Чесменским» без слов,
За то, что цель достиг рискуя,
Был назван Алексей Орлов,
Поскольку был на всё готов
В даль неизвестности стартуя.

И то сказав, не согрешим,
Успех в Крыму и в Чесме близки,
В войне той взял Голицын Крым
И так же к орденам своим,
Приставкою отмечен – «Крымский».

ПРОЗА

Леонид ДОНСКОВ

Рассказы

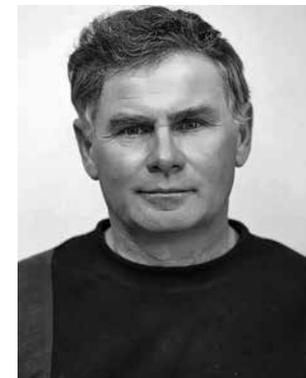
Сверхновая по имени Рыжий

Памяти Георгия...

Часть первая. Ах! Как жаль...

Майская южная ночь. Безбрежное безоблачное и безлунное небо. Чёрная Бездна бесстрастно взирает, как и миллиарды лет назад, на крохотную землю: бесчисленными мирами, галактиками, созвездиями и звёздами. Много видит, понимает, но надменно, холодно и равнодушно – не вмешивается, только снисходительно и высокомерно позволяет: в восторге любоваться своей загадочной необъятной тайной, от рождения... и до самой смерти....

Ветерок резво пронесётся над остывающей от полуденного зноя степью; приносит запахи: буйно цветущих тёрнов, медово-сладкий – белой акации, тонкой струйкой, всего одно-два соцветья только зацветающей дерезы, и взбитый шальными порывами, перемешанный от весеннего разнотравья. Травы ещё сочные, мягко клонятся под порывами неугомонного ветра, вскоре летом засуха и безжалостное солнце их иссушит, сделает грубыми, колючими и шуршащими под злым суховеем. Кузнечики, цикады на все лады поют, пиликают и стрекочут. Весьма упитанный сверчок – медведка, по-казацки – турлук, самозабвенно «тур-р-чит», зазывая подружку на свидание. Зудят, противно ноют комары. И, попискивая, проскальзывают в вышине смутными тенями летучие мыши. Филин, наводя ужас на мелких грызунов и зайчишек, глухо ухая, огромной рогатой копытой бесшумно и ловко летает в густом ольшанике у реки. Ошалелые соловьи ночь напролёт трогательно, нежно и трепетно воспевают своих прекрасных подруг. Ёж, на время забыв свой ежовый характер, галантным кавалером ухаживает за скромной и стеснительной ежихой. Ах! С каким пылом он читает ей свои стихи, с

Леонид Сергеевич Донсков – родился в 1966 г. на хуторе Сизов Чернышковского р-на Волгоградской обл. В 1974 г. вместе с родителями переехали на хутор Тормосин Чернышковского р-на, где была средняя десятилетняя школа. После окончания десятого класса поступил в сельскохозяйственный техникум, в 1986-1988 гг. служил в Советской армии, затем недолго работал на стройке, а с 1989 г. – на семейной ферме. Первый опыт прозы – повесть про козочку «Ёси» (1992), напечатана в журнале «Отчий Край» в 1995 г. (редактор В.Б. Смирнов), также «Ёси» несколько раз была прочитана по областному радио. Печатался в журналах «Дон» и «Парус». Книг не издавал. В сборниках не печатался.

Живёт на хуторе Тормосин.

каким выражением и чувством! – «Чуф! Уф! Уф!.. Чуф! Чуф!.. Уф! Уф!..». Да где уж тут устоять колючей красоте....

Тёплая тёмная ночь нежно и обворожительно мягко царит на земле, даря покой и безграничную в сладкой неге тайну!

...**А**линноногий жеребёнок, скукоженный в позе эмбриона, брыкался и пихался коленями и ещё мягкими копытцами: хотелось вытянуться, распрямить согнутую спину, подогнутую головку оторвать от передних ножек: устал, занудился в утробе матери.

Комета – ухоженная откормленная и здоровая лошадь пастуха Ярового Виталия, растерянно переступая ногами и вздрагивая большим телом, тяжело вздыхала, глухо угу-гу-кала: маялась в потугах уже более получаса. Жеребёнок всё активнее толкался – просился на волю. Кобыла, негромко испустив тревожное и болезненное «Уф!», в сладких муках широко расставив задние ноги, наконец родила долгожданного малыша. Он медленно мордочкой вперёд на сложенных под нижней челюстью лодочкой копытцах, весь в слизи и сукровице мягко соскользнул в траву. Лошадь, тяжело дыша, устало дрожа от минувшего напряжения, медленно обернулась, затем счастливо свободно со всей силой вздохнув, тихонечко чуть слышно заржала, осторожно, переступая большими копытами, развернулась и, потянувшись губами, с наслаждением начала облизывать нос, рот и глаза своему малышу...

Жеребёнок, лёжа на боку, с удивлением сделал первый вдох и с облегчением распрямил свои тонкие ноги. Медленно моргая, впервые в жизни увидел тёмное, всё в мерцающих звёздах бесконечное небо, материнские губы и большие... такие родные глаза. В нос ударили тысячи запахов! Неожиданно ветерок упруго коснулся его спины. И он весь вздрогнул: Я РОДИЛСЯ!!!

Удивлённая Бездна смотрела своим бездонным, расцвеченным миллиардами мерцающих звёзд зрачком и видела, как на зелёном лугу, весенней ночью кобыла принесла ЧУДО! Как нерешительно, покачиваясь, встал на тонюсенькие ножки рыжий жеребёнок и растерянно посмотрел на вдруг удалившуюся от его глаз... землю.

И тогда, там далеко-далеко в вышине кто-то очарованный сказал: «О! Какой это будет замечательный конь!»

Жеребёнок, пошатываясь, обошёл мать, потыкался губами под грудь. Кобыла, не переставая лизать, носом подтолкнула его чуть назад. Малыш сердито топнул копытцем, но повинувшись инстинкту, ткнулся куда-то в живот, мать чуток отставила свою правую ногу, и сынок, сложив язычок почти трубочкой вокруг соска, с восторгом, довольно помахивая хвостиком, стал сосать молочко. Он старался, тянул, причмокивал, да так, что на губах появилась белая пена. Вдруг, потеряв сосок, бзыкал, недоумённо укал, стучал в гневе копытцем и, находя потерянное, опять начинал с наслаждением, громко чмокая, сосать. Отдохнув и сделав вокруг мамы круг, он без удивления, но по-деловому обнаружил, что есть и с другой стороны сосок: помахивая хвостиком, чувствуя себя самым важным и главным первооткрывателем, принялся и за него.

Когда наступил рассвет, малыш вдруг узнал, что этот мир куда больше, чем он представлял. Что-то заалело на востоке, и перед его глазами вырос вдалеке лес, а совсем рядом с тем местом, где была привязана мама, оказался дом. А потом возшло Светило! Оно было такое яркое, что и взглянуть нельзя!!!

Он смотрел вокруг с любопытством... а мир жил своей обыденной жизнью...

Почти на самой вершине в густой кроне ольхи, чуть покачиваясь на ветви, сидел уже вылетевший из гнезда молодой Канюк, он же Сарыч, и отчаянно, во всё горло (с неуёмным аппетитом растущего организма!) пронзительно и неумолимо канючил. Старый Сарыч, распластав большие, чёрные, с вкраплениями бурых пятен крылья, низко над землёй парил в лучах восходящего солнца. И, опустив, вытянув вниз голову с изогнутым крючковатым клювом, хищно поводил ею вправо, влево, зорко выискивая жертву.

Взмахивая огромными крыльями, могучий Белохвостый Орлан, возвращаясь в пески с зорьки – ранний рыбалки, тяжело волочил по небу в отвисших лапах мокро отливающего серебряной чешуёй сазана. А где-то там, в лесу, на старом, лет тридцать как уж высохшем осокоре, высоко над землёй, в развилке среди голых ветвей, на краю гнезда, раскинув против ветра полтораметровые крылья, с глухим клёкотом дожидались добычу два почти взрослых птенца.

Витютень, сидя на ветке тутовника, монотонно протяжно и однообразно дразнил: «Ку-ку-шка! Ку-ку-шка!». Сидящая тут же рядышком подруга уточняла: «Ку-ку-шка ду-ра! Ку-ку-шка ду-ра!». И откуда-то издалека другая Горлица тоже насмеялась: «Под-пры-гивая, под-ска-кивая. Под-пры-гивая, под-ска-кивая...». Ну не в чести у порядочных птиц... длиннохвостые...

Бородатый мудрый Ворон, пролетая над новорождённым рыжим жеребёнком, на всю округу клокоча вечно простуженным горлом, подал голос летевшей следом чёрной супруге: «Ка-кой!», и та тоже восторженно подхватила: «Ка-кой!!!»

А жеребёнок смотрел на траву, исследовал кустики пырея, обнюхивал душистый чуморик; свой любопытный носик уколол перекатихой и, навострив мохнатые ушки, слушал, как поёт ветер, потрескивая в кустиках щётки. С замирающим сердцем дивился смелости крохотного хохлатого жаворонка, взлетевшего прямо из-под его ног и с весёлым пением, трепеща крылышками, отважно поднимавшимся вверх... к солнцу!

Кобыла ходила следом... любовалась, обмирая от нежности, в восторге шептала: «Угу-гу» и трогала его за рыжую шерстку губами. Приходил хозяин, хозяйка, что-то кричали, ахали, смеялись и радостно махали руками. А вечером случилось неслыханное диво: Светило... ну то самое, на которое и смотреть больно, вдруг стало не таким ярким, добрым и ласковым. Зачарованный он смотрел, как на краю земли потускневшее солнце отправляется за горизонт, куда-то за густые заросли краснотала с возвышающимися над ними островами осиновых и тополёвых колок. И кобылица видела изумительную картину, достойную красок лучших живописцев: на фоне заходящего за далёкую на возвышенности рожицу солнца её тонконогий с гордо поднятой головкой – ушки вперёд – отливающий рыжим золотом малыш вдруг вытянулся в струнку, подался в сторону заката, задрал хвостик с рыжей огненной метёлкой на кончике, закивал головой с развивающейся гривкой и тоненько чуть слышно заржал: «Иго-го! До свидания! Приходи завтра!». Большое лошадиное сердце, вздрогнув от умиления, забило в сладкой истоме и тихой радости. И она тоже тихо заржала, касаясь гривой травы, низко закивала головой ласковому солнышку: «Приходи...»

В эту ночь он впервые видел настоящие цветные сны, те, что были раньше в утробе, были неосязаемы, смутны... и пусты. Ветер, тихонько напевая в травах, наполнил их чувствами и раскрасил цветом, напоил запахом и смыслом.

Под безлунной звёздной Бездной дикими кошками отважные, грациозные Амазонки неслись на длинногривых скакунах по белесым волнам ковыльной степи. Привстав на стременах, изогнувшись гибким станом, воинственные девы пускали назад, во тьму преследовавших их врагов, тонко певшие стрелы, увозя в ночь, бросив поперёк седел свою законную добычу – красивых юношей! Надрываясь, хрипло пели трубы! Осатанело ржали лошади! Лязгали буластом острые мечи! Чужая! Горячая! Сладкая и липкая! Тёмно-красная кровь щедро заливала грудь и гриву! И под тяжёлыми копытами трещали черепа поверженных хазар! По Старой степи, кружась в кровавом предчувствии, собирались в огромные стаи чёрные коршуны! Пьянящий вольный ветер пел в ушах, свистел в нестриженной гриве! И он, свирепый рыжий жеребец, зло скаля зубы, вместе с отважным седоком настигая чужую лошадь, видел остриё пики (с летящим за ним лисьим бунчуком), нацеленное во вражью спину! Боевой клич «Сарынь на кичку!» вздымал на дыбы! Кипела кровь! Белыми хлопьями слетала пена с губ и гривы! И с ненавистью грыз он железные удила! В злую погоню с вытянувшимся над шеей удалым станичником, указывающим блеском клинка на самого Прусского Короля со слетевшей треуголкой и тонкой косичкой на затылке, удравшего только ценой яростно истоптанного копытами и изрубленного казачьими саблями эскадрона закованных в броню кирасир – личной охраны Фридриха!

Долго рассказывал под звёздной поволокой Чёрной бездны, тихонечко пошвыстывая и навевая сон в душистых зелёных травах, новорождённому жеребёнку вечно шалый от воли, хмельной от весны степной бродяга ветер, а он много видел, много знает....

Под утро кобылица встрепенулась: со стороны песок прямо на неё смотрели горящие недобрым красным огнём два глаза, а поодаль ещё два – волки!!!

Дико захрапев, Комета вскочила на ноги, забила копытом и пронзительно, истошно заржала...

Виталий спал, и счастливая улыбка не сползала с его лица даже во сне. В его сон врывался тонконогим рыжим пострелом жеребёнок и, задравши хвостик с косматой метёлкой на самом кончике, мчался лёгким ветерком, да так, что кобыла-мать удивлённо игу-го-кала и испуганно семенила за ним, а он, Виталий смеялся да бил себя ладонями по коленям: «Добрый будет коняка!» Среди ночи в его сладкий сон мерзкой жабой впрыгивала тревога, и в ужасе обмирало сердце! Виталий, скрипя зубами, стонал, и в холодном поту хватаясь за грудь, шептал: «Нужно завести на баз кобылу с малышом». Но опять появлялся весь залитый солнцем рыжий жеребёнок, и Виталий, позабыв о неясном страхе, счастливо улыбался и беззаботно смеялся....

Эх, если бы не верёвка, да не вбитый в землю на метр лом с кольцом, за который калмыцким узлом привязана та самая злосчастная верёвка! Кобыла била копытами, хрипела. Одним ударом убила бы любого волка, зубами поймав за шкуру, швырнула бы себе под ноги, истоптала, изломала бы все кости! Но проклятая верёвка!!!

Невысокая тощая волчица, с нещадно общипанными щенками боками, болтающимся исцарапанным, искусанным выменем и пустыми сосцами, вместе с высоким худым волком стали со знанием дела кружить вокруг привязанной кобылы с жеребёнком. Лошадь, до предела натянув верёвку, бегала по кругу, волки рядом, но, не приближаясь к страшным копытам, не давая ей ни единого шанса нанести смертельный удар ни передними, ни задними

копытами. Жеребёнок, прикрытый телом кобылицы, был в безопасности, но уже начал уставать, то и дело попадал под ноги матери. Тогда он чуть подвинулся к центру и побежал по малому кругу. Волки увеличили скорость, и тут верёвка стала бить, толкать маленького рыжика под задние ноги. Высокий волчице рывком метнулся, опередив кобылу на корпус, как бы сымитировал бросок к жеребёнку, и она рванулась вперёд, догоняя его....

Натянутая как струна толстенная бечёвка, как праща вытолкнула рыжего лошадиного ребёнка, и он мгновенно оказался за спасительным кругом. Волчица, прижав уши, распластавшись над землёй, молнией метнулась между малышом и копытами кобылицы, высокий волк тут же гигантскими скачками развернулся и, отрезая путь жеребёнку назад, погнал галопом маленького лошадиного дитя в сторону песок, волчица пристроилась чуть сзади и слева, волк – справа. Малыш устал и вскоре перешёл на рысь, а затем на шаг. А там, вдали осталась его мама, игу-го-ка-ла! – звала. А он не понимал, почему эти тощие дядя с тётей, изгибая в недобром оскале губы, показывая белые острые клыки, не пускают его к ней ... она же волнуется! Волки, тоже перешли на шаг ... пусть уйдёт подальше сам...

В глубокой ложине перешли сыпучий песок – разбитую тракторами дорогу... сил у жеребёнка больше не осталось...

Чёрная Бездна, растерянно помаргивая звёздами, хмуро смотрела на землю, затем в один миг мрачная мгла разом поглотила все звёзды... И вдруг скатились две звезды, как две слезы...

Чуть свет Яровой, не продрав как следует глаза, в сильном волнении выскочил на крылечко. Как набат билось в тишине далёкое: «Игу-гу!»

Кобыла трясла головой, молотила правым копытом по песку, храпела, вздрагивая всем телом, пронзительно ржала. За ночь, выбила всю траву, до песка пробила, безостановочно бегая по кругу, глубокую тропинку...

Бывалый пастух быстро прошёл внешней стороной по полукругу, обращённому в сторону песок раз, другой. И найдя след жеребёнка сразу, так, что ёкнуло сердце: два волчьих! То и дело, теряя следы на траве и тут же находя их на песке, он шёл прямо на юг в сторону виднеющихся через равнину кучугур, начинавшегося там же вдалеке стеной краснотала, с раскиданными по нему бесконечными роцицами переходящими одна в другую да зарослями тёрнов и ракиты. Отойдя метров на восемьсот, перешёл глубоко выбитую тракторами в песке дорогу. С досадой заметил, как сократился шаг малыша, догадался: маленький измучился, устал и просто шёл, а справа и слева следы – большие волка и поменьше волчицы. Виталий, торопясь, шагал, тяжело сипло дыша, взбирался на песчаный бугорок, за которым начиналась с высокой травой зелёная низина. Будто споткнувшись, он остановился, резко развернулся в сторону дома, сел; достал баночку из-под кофе с самосадам, вынул из кармана зажигалку, свёрнутую прямоугольником газету, бережно оторвал правильный прямоугольник, осторожно открутил крышечку с баночки и стал щепоткой брать табак и сыпать на клочок бумаги. Подняв глаза, увидел, как лошадь, монотонно покачивая головой с развивающийся гривой, натянув как струну повод, ходит по кругу... Щепоткой брал табак и сыпал... и сыпал, обильно осыпая колени тёмно-коричневым крошевом пересохшего листа, и не отрывал глаз от кобылы... «Какая короткая жизнь...» Нервно вздрогнув, оглянулся на остатки кровавого пиршества.... И выпал лодочкой сложенный газетный обрывок с горкой крупно нарубленного самосада... «Ах! Как жаль...»

Часть вторая. Новая!

Где-то далеко...

Чёрная Бездна в ярости бичевала молниями, и они клубились в смрадном дыму огненно-ядовитыми змеями, то и дело взрываясь безумными сериями ослепительно-раскалённых белых шаров. Ахая в безбрежной пустоте, била выжженные мёртвые планеты, пинала кометы, астероиды. И в грозовой истоме первородного бытия, во вселенских судорогах и потугах, круша плазму, пустоту, эфир и хаос, рожала ослепительно красивую, в гигантских ярко рыжих сполохах новую ЗВЕЗДУ!!!

В далёкой галактике – Млечный путь. В одном из четырёх галактических рукавов Ориона, поодаль от страшной чёрной дыры, возле Солнца – маленькой красной звезды, на совершенно крохотной удивительно красивой планете Земля. По правой стороне степной речушки Аксенец в Цимлянских песках, на зелёном лугу, ночью, понуро опустив голову, стояла несчастная, недавно осиротевшая лошадь. И вдруг в её больших карих со слезой глазах вспыхнул рыжим огоньком всплеск далёкой звезды! Сильным телом вздрогнула кобылица! Встряхнула гривой! Ударила копытом по песку! Запрокинув голову, взвилась на дыбы! И спугнув тишину! Через: Забвенье! Безбрежность! Холод! Вечность! Со звёздным ветром! Скорбным эхом! До огненно-рыжей Сверхновой долетел материнский стон: «Ры-жий!!!»

Эта печальная история, напетая мне, простому чабану, грустным ветерком, записана в Цимлянских песках, под бездонным ясным южным небом, от утренней до вечерней Пастушьей звезды в пятнадцатый день сентября две тысячи двадцатого года.

Дружба

Кобыла Анита была вздорной и ленивой, но это для нас, для людей, а посудите сами: надевают уздечку, седло, затягивают подпругу, да так, что и вздохнуть нельзя, не то, что скакать с седоком по жаре, когда и мухи-то ленятся летать. Тут ещё хозяин сидит в седле да хворостиной погоняет, самого бы под седло и кнутом, кнутом... Вот тут-то Анита отведёт уши назад и ждёт... ага, седок что-то сильно распрыгался в седле, сидит неуверенно, того гляди сам свалится, рысь его не устраивает, галоп подавай, ну и получай – взбрыкнёт так, что задние ноги выше головы взлетят, но нет, сидит проклятый, только рукой в луку вцепился, ругается: «финита – ля комедия!» и хворостиной грозит, но бить уже не бьёт, в галоп не пускает, рысь понравилась... и кобыла переходит на шаг – медленный, ленивый, будто говоря хозяину: «Да отпусти ты меня в табун, меня же любая курица догонит и перегонит».

Ох, и вздорная, ох и злая: только вздумаешь подпругу подтянуть, уши назад и мордой к руке, так и клацнут здоровенные зубы перед плечом или ухом; ногу в стремя, а поводья не натянуты... чуть-чуть до колена не достала – страсть!

Вздорная, ленивая и глупая – горе, а не лошадь... Хотя не всё просто – жизнь не чистый лист бумаги... Двухлетняя озорная кобылка, которую тогда называли Сосанка, была ухожена и любима хозяином. Сосанка – выпойш, ласковый и добрый, с которой играла хуторская детвора, была отдана пастуху:

жестокому, мрачному пьянице... Вот он-то и обучал её, да так, что через неделю скинула она своего первенца: со звездой во лбу, в белых чулочках...

Вечно сонная и задумчивая, она только и оживала, когда в пронзительной летней тишине и вдруг далёкое, порою еле слышное «Игу-гу» – жеребёнок! Где была сонливость – не узнать Аниту, её пустые бессмысленные глаза оживали, уши прядали, она крутилась, нетерпеливо перебирая ногами, вырывая повод из моих рук, и тоненько ржала, отвечая жеребёнку... чужому жеребёнку...

Осенью у Аниты стал заметно прибавляться живот, она ждала своего второго малыша; коротко привязанная стояла в стойле, застоявшись, переминалась с ноги на ногу, перебирала губами, вздыхала, вспоминая волю, табун и солнце; смотрела на снег, было скучно...

Из сенника вылезал белый с чёрными пятнами кот Василий, потягивался, прыгал вниз, потом забирался на изгородь и шёл по ней к Аните. На середине жерди, где была кора, останавливался и начинал точить когти так, что только щепка летела, потом, сладко зевнув, шёл дальше. Подойдя к Аните, заглядывал в ясли – ага, опять солома – взмахнув чёрным хвостиком с белым пятнышком на самом кончике, спрыгивал на снег, глядел с любопытством под ясли, шевелил усами... но мышей не было. Снова влезал наверх яслей и шёл к Анитиной голове. Вася мурлыкал от предвкушенья удовольствия, высовывал розовый язычок и с ходу начинал тереться о нижнюю губу кобылы. Головой, спиной, хвостом, раз и другой. Доска на яслях узкая, и кот, разворачиваясь на месте, цеплялся когтями за измызанную, отполированную до блеска шейю кобылы доску. Нижняя губа у Аниты нежная, с редкими жёсткими волосинками нервно подрагивала под Васькиными ласками. Лошадь что-то тихонечко, одному Васе понятное, игучет. Кот трётся и мурлычет. Осторожно, одними губами Анита берёт его за загривок, относит в сторону и тихонечко ставит на землю. Очутившись на земле, он мигом опять оказывается на яслях, снова трётся о её губу. Может, ей и не щекотно? Может, это игра, дружба? Ну, скучно и одиноко стоять в опостылевшем стойле, хочется нежности, тепла, участия... Ночь. Мороз. В конюшне холодно, на стенах и окне иней, и вдруг приходит Вася – тёплый, мягкий и ласковый. Анита лежит, утёрлась на глубокой соломенной подстилке, приветливо, тихонечко ржёт. Василий, в восторге показывая розовый язычок, лезет на её тёплый бок, к гриве, самозабвенно мурлыкая, топчется и наконец-то ложится спать. Вот уже не так одиноко, и не так тоскливо...

Василий с шести месяцев ловил мышей и крыс. В доме их не водилось и, чтобы кот не обленился за зиму на печи, его отнесли в сенник. Изобилие мышей так потрясло кота, что он там – на базах – навек и остался жить, и стали его звать Сенной Василий, там-то он и подружился с кобылой Анитой.

Весной родила Анита жеребёнка в белых чулочках со звездой во лбу, и назвали его Верный... Но был он не очень-то верным. Слышишь, встревожено-призывно ржёт Анита, привязанная на сенокосе в заброшенном, совершенно заросшем, ещё дореволюционном поповском саду; ты – туда и видишь, как она бьёт копытом, крутится на поводу, ноздри раздуваются, а в глазах вселенский испуг и недоумение. Кобыла непрестанно «стрижёт» ушами, с ужасом и волнением оглядывает непролазные заросли, а Верного нет – беда! Зовёшь: «Верный! Верный!» – в кустах тихое движение, осторожный шорох, ветки раздвигаются, и появляется его мордочка, он скалится, то ли пугая, то ли дразня, постукивает зубками, как принято у жеребят, и тонко

пронзительно ржёт. Кобыла, чуть приседая на задние ноги, шумно вздыхает, выпускает воздух через дрожащие ноздри, нижняя губа подрагивает, да и вся она дрожит от волнения и радости. Вот шельмец!..

Продали Аниту с Верным, под седло её – нет нужды, в телегу – жаль, вот и продали. А Вася всё так же живёт в сеннике, ловит мышей и крыс. Только долгими зимними ночами приходит в дом, мурлычет свои песенки, точит когти о коврик и спит на тёплой печи, свернувшись, как тогда... совсем один...

Первый зимний день

Ночью выпал снег, и под утро мороз за двадцать. Везде бело, и в воздухе морозная дымка. Снегом прикрыло всю осеннюю неразбериху – грязь, огород с невыполотыми сорняками, дорогу, всю в шрамах, выбоинах и колеях, со следами коров и пешеходов, с ямами, оставленными тракторами, с лужами мутной стыллой воды. Снег лёг толсто, пушисто, с крыш свисают большие козырьки, как пышные горбушки хлеба. Через улицу, скрытые огромными сугробами, лежат деревья – свалить свалили, а распилить не успели, пришла зима. Дальше, за лежащими сугробами, сказочный лес – деревья, стена хвороста, камыш – непроглядная бело-пушистая снежная, в белой дымке тайна... Как странно... Каждое дерево, куст, тропинка знакомы с детства, и всё же каждую зиму, каждый снегопад я не узнаю ничего, только смутно помню, только всё в прошлом...

Выхожу на улицу, за сенник, гребу зимними утеплёнными кирзовыми сапогами снег; мягкий, пушистый, ещё мороз и солнце не сковали вольные пушинки в ледяные оковы, ещё просят они на волю: кружить, летать, порхать, но улетел ветер, не догонишь, без удил и поводьев – вольный ветер.

А... что-то не так... Ах, это курица, гребёт, клюёт солому, тёплый коровий навоз. Улыбаюсь. Нужно загнать, пропадёт без тепла курятника, без корма да на морозе. И вдруг: «Господи!» – мурашки по коже – она же без ног, нет у неё ног по колено – мозолистые культи, и она гребёт тёплый навоз... а вокруг холодный мёртвый снег... Мысль скользкая и противная: «Поймать. Убить. Избавить от мучений. Господи, за что?!» Что-то давит... какая-то мысль-воспоминание... Точно – вспомнил: у соседки прошлой зимой курица ноги обморозила, началась гангрена, распухли, посинели ноги, и моя мать – секатором... так и стала курица ходить на культиях... Вдруг стало уютно и тепло. За что же её убивать? Поквохтывая от удовольствия, гребёт солому, клюёт навоз, ждёт солнца и весны, чтобы опять купаться в пыли, встречать рассветы, грести грядки, искать личинки и червячков, а там, глядишь, нанесёт яиц и выведет деток...

Да что там, пусть живёт, зерна не жалко... Ловлю, сажаю к летним цыплятам в отдельный курятник, они молодые, не обидят.

Улыбаюсь появившемуся солнцу, искрам на снегу, сказочному лесу через дорогу... Начинается день, первый зимний день!

ПОЭЗИЯ

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – родился в 1953 г. в городе Казани в семье офицера, фронтовика ВОВ. Вырос под Киевом в городе Белая Церковь. В 1974 г. в городе Опочка Псковской области окончил Опочецкое Зенитно-Ракетное училище ПВО. В 1987 г. окончил Военную Инженерную Радиотехническую Академию ПВО им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А. Служил в войсках ПВО под Тернополем в г. Борщеве, в Днепропетровске, Харькове и Москве. Полковник. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Член Союза писателей России. Автор десяти книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО СП России «Золотое перо Московии» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Живёт в Москве.

Кругом земля родная

В зеркале преданий

Где ивы у реки
Склонились под обрывом,
Там воды глубоки,
Там солнечное диво!..

Блестящая волна,
Как зеркало преданий,
Горит, виденьями полна
Из самых древних далей...

Здесь славный Святогор,
Плечом раздвинув тучи,
Раскрыл небес простор –
Защитник наш могучий!

Не страшен злой Кощей
И Водяной зелёный,
Удрал трёхглавый Змей
Быстрей стрелы калёной...

Русалки здесь живут
И кот Баюн учёный...
А ивы – к водам льнут
Испить любви исконной.

Смотрю, не насмотрюсь...
Кругом земля родная –
Моя Святая Русь,
Былинная, живая!

Дело чести

Если пахарь берётся за черен¹ меча
Иль за ратовище² копейное – хватать! –
Значит, мирный народ вдруг врага повстречал,
Нужно в поле сражение смертельное дать.

Лишь на время чапыги³ в руках заменить
На багор, чтобы стаскивать конников наземь,
Взять рогатину острую, чтобы добить –
Защитить нашу землю родную и князя.

Против конного строя мамаевских орд
Православная пешая рать устояла!..
В ополчение выйти был счастлив и горд
Каждый русский!.. – победа им всем воссияла!

Выходи и не бойся свой меч обнажить,
Если снова злой хищник стране угрожает..
Будешь славой покрыт, станешь в вечности жить –
Дело предков тебе вновь судьба назначает!

Злодею

Кощею мир «по барабану»,
Людская кровь – ему богатство!..
И не болят чужие раны
У людоеда в тёмном царстве.

Но правда так по роже треснет,
Что зубы вылетят у вора!..
Не избежать Кощею мести
И не уйти от приговора...

Бог не прощает изуверства –
И барабан судьбы вдруг грохнет!..
Злодея ждёт процесс Нюрнбергский,
Мир в судный день – ногою топнет!

¹ Черен – часть эфеса, которая охватывается ладонью и пальцами.

² Ратовище – древко копья.

³ Чапыги – ручки плуга и сохи.

Элеонора Валентиновна Кузнецова – родилась в Москве. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Работала в школе преподавателем биологии, рисования и черчения; заведующей в библиотеке, а также инженером-техническим художником в Московском институте теплотехники. Член Союза писателей России. Также является членом ЛИТО «Отрадное», «Избранники муз», «Ясноцвет» и «Казачка». Публиковалась в журналах «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова» и «Великороссы», Антологии одного стихотворения «Золотое перо Московии», в альманахах «Казачка», «Наша Отрада» и «Ясноцвет», в авторском сборнике религиозной лирики «Лепта на храм» и газете «Московский литератор». Международной академией русской словесности награждена почётным дипломом имени Владимира Фирсова. Является дизайнером логотипа альманаха «Казачка».

Живёт в Москве.

С родной землёю связь

Ах ты, поле

Ах ты, поле! Широкое поле,
Необъятного неба приволье!
Скачут радостно кони шальные –
Под копытами травы хмельные.

Казачи отпускают поводья, –
Всё ликует в степи, колобродя..
Во весь дух с ветром мчатся куда-то –
Этим счастьем Россия богата!

Захватило чтоб вольную душу,
И не важно, в жару или в стужу, –
Запоёт кровь в восторге лихая,
Связь с землёю родной сохраняя.

Россия

Как же я люблю тебя, Россия –
Не объять просторы, глядя вдаль:
И поля, и рощи золотые,
И твою щемящую печаль.

Ты во мне, как сполохи зарницы
В отраженье глаз живых озёр...
Я люблю лесов твоих ресницы
И холмистый красочный узор.

Сарафан твой – набивного ситца,
В нём природы всей видна краса...
Величава и стройна девица,
За плечами длинная коса!

Жадно смотрит, злится за граница –
Как же так? Россия на ногах?!
Но приедут всё же – поклониться,
Рады будем всем, кто нам не враг!

С любовью

Куда ни глянь, ни кинь свой взор –
Кругом любви живой источник...
Весь мир – божественный узор,
Им вдохновляется художник.

Любой цветок, любой листок –
Повсюду чудо совершенства!
Нам мироздания исток
Несёт надежду на блаженство.

Дана нам с детства благодать!
Хранить её? Или разрушить?
Идти за правдой или лгать?..
Рассудок – или сердце слушать?

И мы живём – то свет, то тьма...
Любовь ведёт нас по дорогам, –
Она спасает всех сама,
Когда идём с ней вместе к Богу.

ПРОЗА

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Талисман

Мама назвала её Лерой. Валерия – значит крепкая. И вправду крепкая – она оказалась единственным восьмимесячным младенцем, выжившим в то лето в их роддоме. В то время как доношенные, девятимесячные сладко посапывали туго спелёнатые акушерками, эта голосила, сообщая миру о пребывании в нём. И никто тогда даже не догадывался о миссии этой зеленоглазой девчушки с рыжеватым хохолком.

Любой человек, как правило, помнит себя с четырёхлетнего возраста. Лера помнила себя с трёх. И её детские воспоминания всегда были связаны с травмами. В три года ей чуть не проломили голову качелями – обошлось лёгким сотрясением мозга. В семь лет она упала с велосипеда прямо в костёр, и папа с дядей еле потушили загоревшуюся одежду. В девять лет она обварила ногу кипятком. В десять лет её пытался изнасиловать сосед – высокий красивый парень, только что вернувшийся из армии. В двенадцать лет она, не умея плавать, полезла купаться в море. Благо, что спасатели были рядом и вытащили её на берег...

Вот такой Лера росла – независимой, свободной, дерзкой, с характером дикой кошки. Говорят, у кошки девять жизней. И каждый раз, попав в беду, Лера проживала очередную.

После блестящего окончания школы и медицинского училища, Валерия устроилась на работу в одну из столичных аптек. Работа фармацевта ей очень нравилась. Но были здесь и свои сложности. Однажды в их аптеку ворвались с единственной целью – выкрасть наркосодержащие препараты. Вора, конечно, удалось это сделать, применив насилие. Леру ударили по голове чем-то тяжёлым. Дзынь... Ещё одна кошачья жизнь отлетела. Очнулась Валерия уже в больнице. У её кровати дежурил оперативник. Она слабым голосом рассказала обо всём, что случилось в тот день. Её слушали внимательно, не перебивая и не задавая лишних вопросов. Берегли. Эта рабочая встреча оказалась знаковой. Наркоманов поймали, а Лера

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великороссы» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

обрела защитника и помощника на всю жизнь – тот оперативник стал её любимым мужем.

Это происшествие в корне изменило не только личную жизнь, но и карьеру Валерии. После этого удара она стала «видящей». Известие о чудо-способностях быстро облетело их маленький городок. Круг людей, желающих услышать о том, что их ждёт впереди, постепенно расширялся. Людям порой казалось, что она произносит слова, не имеющие логического объяснения, но ведь это был поток информации, открытой Сверху. Лера не боялась его, а наоборот подставляла руки ладонями вверх, чтобы принять то, что совершенно непостижимым образом обогащало её изнутри.

Однако, сообщая другим правду, Лера никогда не посылала наверх запрос о своей семье – муж и сын были настолько сокровенным в её жизни, что она берегла это, как зеницу ока. Но как защитить себя и своих близких? Эта мысль будоражила её, не давая покоя.

Однажды первого января, пока родные ещё спали, надев спортивный костюм с начёсом и шапочку с помпоном, Лера отправилась в лес, чтобы искупаться в проруби и получить заряд на год. Лесная тропинка была узкой, и, чтобы не провалиться в сугроб, Лера смотрела под ноги. Но когда она вдруг подняла глаза, то увидела стоящую в каких-то пятидесяти метрах лосиху. У лосихи во лбу было приметное белое пятнышко. Она посмотрела на Леру долгим томным взглядом, потом медленно двинулась в сторону женщины. Та застыла от ужаса и, еле шевеля губами, начала читать молитву «Отче наш». Лосиха подошла к Лере, лизнула ей руку, будто собака, и, выдохнув пар, развернулась и побрела прочь в зимний мрачный лес.

Лера где-то читала, что лоси, как и любые дикие животные, очень осторожны и даже пугливы, и почти никогда не идут на контакт с человеком. Эта встреча была редким исключением, и её можно было рассматривать как знак свыше. Добрый, хороший знак. И действительно. После этой встречи год в их семье прошёл на удивление спокойно, и Лера уже не терзалась, как бы с её мальчиками ничего не произошло.

Теперь Лера каждый год ходила в лес первого января, и этот день дарил ей удивительную встречу. То по дороге к проруби, то обратно встречала она лосиху с пятнышком во лбу, которую мысленно окрестила Этуаль, что по-французски значит «звезда». Эти встречи стали настолько важными, что она считала их своим талисманом. После них Лера была спокойна за себя и своих близких и знала, что с ними ничего не случится.

Вот и в этот раз Валерия вышла в лес, как обычно. Пока она шла к лесному озеру, небо потемнело. «Странно! – подумала женщина. – Почему не видно Этуаль? Может, мы встретимся на обратном пути?» Искупавшись, Лера отправилась домой, но Звёздочку так и не встретила. Что-то недоброе промелькнуло у неё в голове. Живой талисман потерялся.

Едва переступив порог дома, она узнала, что у мужа случился сердечный приступ. Лера вызвала «скорую». Его госпитализировали, но не прошло и недели, как Лера стала вдовой. Слава Богу, остался сын. Её радость, её кровиночка. Стараясь уберечь его от опрометчивых поступков, Валерия понимала, что он уже взрослый и руководствуется собственным опытом. Пасха в тот год была поздняя, 5 мая. Лера знала, что бракосочетание во время Великого поста – «плохая примета», но, поскольку невеста была в положении, молодые решили поторопиться со свадьбой, и она постаралась их понять.

А на майские праздники друзья сына пригласили молодожёнов попутешествовать по Индии. На раннем сроке у невестки был очень сильный ток-сикоз, и, опасаясь за жену и будущего ребёнка, сын принял решение поехать туда один.

Стоял тёплый майский день. Валерия проводила очередного клиента и зажгла свечу. Она только начала читать молитву, как вдруг свеча погасла. Через секунду зазвонил телефон, и в трубке послышалась английская речь. Не поняв ни слова, Лера всё поняла. Сына больше нет. Она «увидела» аварию: перевёрнутый микроавтобус вцепился в стену на серпантинной дороге. В машине семь человек. Все живы, суетятся, и только её сын безмолвно сидит, как вкопанный, на переднем сидении справа.

Отлетела ещё одна «кошачья жизнь», ибо ребёнок до смерти связан невидимой пуповиной со своей матерью. Но Лера знает, что она должна выстоять. В память о муже. В память о сыне. У неё в запасе есть ещё пара жизней, и ей нужно себя беречь ради ещё не рождённого ребёнка. Она крепкая. Она выдержит. Имя поможет!

Младенец должен был появиться на свет в Рождество. Невестку уже положили «на сохранение». Не нарушив традицию, Лера пошла первого января в лес. Ещё не рассвело. Шёл лёгкий снежок. Не успела она дойти до проруби, как вдруг перед ней возникли две фигуры. На лесной тропинке стояла огромная лосиха, а рядом с ней на тоненьких ножках, прижавшись к маме, стоял молодой лосёнок. Лера и Звёздочка двинулись навстречу друг другу. Лосёнок семенил рядом с мамой.

Слава Богу, талисман нашёлся! У женщины, имя которой значит «крепкая», на глазах выступили слёзы. Теперь она точно знала, что всё будет хорошо!

ПОЭЗИЯ

Владимир Иванович Плёсов – москвич, 1958 г. рождения. Образование среднетехническое, служил в армии. Пишет стихи и рассказы. Печатался в журналах «Луч», «Дон», «Южная звезда».

Живёт в Москве.

Владимир ПЛЁСОВ

«Всё пройдёт...»

Брошу шишки, жёлуди,
Чтобы был здесь лес,
Чтоб в бетонном городе
Вырос до небес.

Чтобы птицы тренькали,
Нору рыл барсук,
Чтобы деревенькою
Потянуло вдруг –

Сенокосом, выгоном,
Гогогом гусей...
Вот такую выгоду
Сею для людей.

Будет лес с тропинками,
Сосны и дубы;
И пойдут с корзинками
Люди по грибы.

Возвратятся с полными,
Лень забыв и злость.
В жизни всё исполнится –
Только зёрна брось.

Покидаем города,
Покидаем страны,
Утекаем, как вода,
Как вода из крана.

Возвращаемся назад,
На родное место –
В семьи...
 в школу...
 в детский сад...
В старенькое кресло.

И глядим опять на мир,
И опять тоскуем...
Воздух собственных квартир
В чемодан пакуем.

Случайно всё на этом свете –
и жизнь, и звёзды, и заря,
и объявление в газете,
и эта сырость ноября.

Всё неожиданно, всё зыбко,
могло всё быть или не быть;
и даже детская улыбка
могла в молекуле застыть.

В такой сюжет поверить жутко,
где ничего, а только тишь,
где, улыбаясь, чутко-чутко
ты на руке моей не спишь...

Но всё разыграно по нотам:
есть ля минор и до мажор,
есть дух, захваченный полётом,
хоть нам неведом Дирижёр...

То, что нравилось, – ласкало,
Что не нравилось, – скребло;
Легче – с прожитым – не стало,
Колет – где-то под ребро.

Может – Ева?.. Может – печень?..
 Может – к вечеру мороз?..
 Говорят, что время лечит;
 Страшно весело – до слёз.

Хорошо, что любопытство,
 Любознательность жива,
 И от них не может скрыться
 То, что скрыто от ножа.

Оптимизм ласкает душу,
 Словно мышка в ней живёт.
 Значит, выползу на сушу.
 Значит, к берегу прибьёт.

Наконец-то первый снег –
 Сразу, без зазимка.
 Наконец-то первый след
 Сохранит тропинка.
 Наконец к ботинкам грязь
 Перестанет липнуть.
 Наконец-то, не таясь,
 Можно с ветром крикнуть!

Красота

А красота – дороже денег
 И выше облака плывёт.
 К ней снизу лестница ведёт
 С бесщётным множеством
 ступенек.

А красота – дешевле ситца,
 И низка поступь у неё.
 Чтоб различить черты её,
 К ней надо близко приклониться.

Она и низ, и высота.
 Пойми, что значит – красота!

Снег неожиданный, как всегда,
 За день – по колено;
 Обвисают провода,
 Как больные вены.

Еле движется поток
 Из автомобилей,
 Детский маленький шажок
 Требуется усилий.

Даже взрослым труден путь,
 Тоже им не сладко;
 Ударяет ветер в грудь,
 Куртки – как палатки:

Раздуваются, вот-вот
 Унесут владельцев...
 Угол дома, поворот.
 Отлегло от сердца.

Можно дух перевести
 В тихом закуточке,
 Сосчитать до десяти,
 Вспомнить чьи-то строчки.

Пастернака, может быть,
 Зимнего поэта...
 Позже – дверь свою открыть.
 Написать про это.

Ночь

Время света, время теней,
 Оторваться не могу.
 Время их хитросплетений
 На искрящемся снегу.
 Всё застыло, тихо, немо,
 Человечество во сне.
 Свет и тени чертят время
 Трети жизни на Земле.

Взрослыми не связана интригами,
 Чистая, как замыслы Дидро, –
 Девочка, торгующая книгами
 В магазине, около метро.

Полки прогибаются под тяжестью
 Быкова, Акунина, Дюма;
 Может, я не прав, но только кажется,
 Я бы здесь подвинулся с ума.

Но она ничем не озабочена,
Ходит, как в божественном раю.
Это государство её, вотчина,
С нею пять минут поговорю.

Притворюсь залётным неумехою,
Не читавшим книжек простаком,
Буду слушать, как она с огрехами
Перескажет повесть мне о том,

Как когда-то в старой доброй Англии
Жил один зануда, хитрый лорд...
И глаза мои, немного наглые,
Будут ей смотреть влюблённо в рот.

Мы с ней распрощаемся до пятницы, –
Здесь она напомнит про Дефо...
Ты зачем связалась с этим пьяницей,
Девочка из «Книжек» у метро?..

Он с тобой охотно поиграется
И, конечно, сразу всё поймёт.
Как четверг прекрасно начинается!
Неужели это всё пройдёт?..

Всё пройдёт. И я пройду сторонкою
Мимо этой девственной судьбы.
Прозой жизни – не такую тонкою –
С нею мы навек разделены.

Мы печалим, нас печалят,
Мы друг друга не жалеем;
Как листочки пожелтеем,
Как кораблики причалим.

Навсегда – к швартовой стенке,
Навсегда – к земле и праху;
Обращаемся к Аллаху,
Перед Богом на коленки.

Пусть простят за все обиды,
Пусть простят за все печали.
Мы ушли, мы замолчали...
Не ругай нас, не завидуй.

Побелело. Посветлело.
Не такой уж вечер тёмный.
Тучку сдуло. Отлетела.
Показался месяц томный.
Он разнежен, он рассеян,
Он светить почти не хочет,
Он сказаньями оваян,
Он придёт, когда захочет.
Он источится, как ножик,
Так, что выбросить не жалко,
С белизною слиться сможет
Снегового полушалка.
Растворится в этом белом,
Безграничном белом поле.
Всё засыпано, как мелом,
И светло, как на престоле.

Всё Анюты да Дуняши,
Всё Степаны да Ильи;
И папаши, и мамыши
Корни вспомнили свои.

Посадили деток в джипы,
В руки сунули Биг-мак;
Едут юные Филиппы
На детсадовский сходняк.

Примостятся на горшочки,
Будут пукать и сопеть;
Словно алые цветочки,
Будут щёчки розоветь.

Тётя Валя вытрет попки,
Тётя Лена даст обед,
Тётя Оля вытрет сопли,
Тётя Люда даст совет.

И приедет мама Света
Забирать своё добро;
Влезут в мощную карету –
Будет быстро, как в метро.

Встретит внучку баба Надя,
С нею вечер проводя.
Скажет сказку, на ночь глядя, –
Спи, счастливое дитя.

В одно окно смотрели двое.
Один увидел облака,
Увидел даль, увидел море,
Волну и лодку рыбака.

Второй увидел отраженье
Лица, так близко, своего,
Его немое напряженье...
И не увидел ничего.

Не одушевляются предметы,
И ушла сердечность навсегда,
Все «Дрозды» с «Катюшами» допеты,
В тупиках ржавеют поезда.

В чашке кофе не такой, как прежде,
Не такой, как прежде, разговор,
Стало больше выбора в одежде,
Но не стал приветливее взор.

Не такие дети и подростки,
Не такая сочность у травы,
Не такие книги и подмости,
Не такая вежливость на «вы».

И не так манящи электрички,
И не тот же простенький уют...
Только желтогрудые синички
Так же всё – по-прежнему! – поют.

Я касаюсь, прикасаюсь
К углям и ко льду.
Я не знаю – опасаясь
Иль зову беду.

Я в себе не разобрался –
Взрослый я, юнец.
Я ещё не догадался –
Далеко ль конец...

Возвращаюсь, убегаю,
Вновь кого-то жду.
Ненавижу, обожаю,
Чувствую вражду.

И опять иду куда-то,
Не могу стоять.
Остановка для солдата –
Значит погибать.

Как мало стало от души!
Как много смыслов!
В цивилизованной глуши
Не видно мысли.
Не видно взлётов и идей.
В порту кораблик.
В руках – синица, воробей,
А не журавлик.

Прекращается абстрактность,
Начинается конкретность,
Та естественная честность,
Не делимость и не кратность.
У которой всё наружу,
У которой нет защиты.
Не ругайте, не взывайте –
Как на солнце...
Как на стужу...

Задавайте вопросы
И не ждите ответов,
Сами делайте взносы,
Избегая советов.
Сами звёзды срывайте
И срывайтесь в обрывы,
Сами молча решайте,
Где враги, где кумиры.
И летите, летите
Над планетой, над бездной,
Никого не зовите –
Это всё бесполезно.

Голос ваш оборвётся,
Только Он его слышит.
Голос ваш отзовется.
Кто-то в спину вам дышит.
Но ему не поможешь,
Сам он станет отважен...
Ты летишь – значит можешь!
А ответ – он не важен.

Мечта должна не сбыться,
Не сбыться никогда –
Иначе всё случится.
Зачем тебе беда?

Зачем тебе причалы,
Душа должна творить,
Она должна отчалить
И только плыть и плыть.

Пусть где-то будет берег –
Далеко, далеко,
Ты должен в это верить,
Но не искать его.

Огромным океаном –
И штормами, и в штиль –
Будь юнгой, капитаном,
Рождая свой лишь стиль.

Редеть команда станет,
И ты уж поседел,
Волна стеною встанет...
Но это всех удел.

Греби, плыви по звёздам
В далёкие края,
Как в детстве веря грёзам,
Подняв все якоря.

И ветерок попутный
Тебе чтоб помогал,
Но чтобы берег смутный
В бинокль не увидал.

Пусть кто-то крикнет рядом
От радости «Земля!»
Ни сердцем и ни взглядом
Не радуйся: «Моя!..»

Твоя ещё далече,
Встречай за валом вал,
Заделай в трюмах течи
И вновь сожми штурвал.

Семь футов – и не меньше,
И шире паруса,
И дел, и слов – простейших,
И неба – как роса.

Пусть годы силы съели
И суша так зовёт,
Не приближайся к цели –
О скалы разобьёт.

Сразу – вьюга и мороз:
Из воды да в полымя.
Снег сугробами нарос –
Кучами тяжёлыми.
Но из облачных кулис
Солнце чуть проклюнуло.
Птичка села на карниз
И окошко клюнула.

Люд моторы прогревает. –
Зачадил с утра прогресс.
Обороты набирает.
Набирает нервный стресс.

Чтоб пройдя дневные драки,
Став, как выжатый лимон,
Литры вылить в бензобаки
И нырнуть в желанный сон.

И уже не портить воздух,
Растянуться и дышать.
Дать природе тоже отдых.
Дать ей время нас прощать.

Снами вымолить прощенье
И опять с утра чадить.
Может это всепрощенье
Лишь природа подарить.

Как она по-христиански
Обращается с детьми.
Не суёт в сапог испанский
И не режет на куски.

Не старается ответить,
А пытается замаять.
Сотни раковых отметин
Оставляем мы зиять.

Называем всё прогрессом,
Объясняем всё и вся,
И за мелким интересом
Мы не видим, что Земля

Превращается в пустыню,
В свалку мусора, старья.
Мы подобны дочке, сыну,
Обрубившим якоря.

Мы летим, кругом не глядя,
За спиной – отходов бак.
Не летите, Бога ради,
Мир дороже мелких благ.

Снег клюют вороны –
Прячут лишний корм;
Голуби-бароны –
Круглые, без форм.
Воробьи-воришки
Шмыгают меж них...
Тойтерьер в штанишках
Так и лезет в стих.

Если в берег бьёт волна –
Значит так и надо.
Значит, жизнь ещё полна
И сама – награда:

За старанья, за труды
Или от избытка.
Только ждать не должен ты
От неё прибытка.

Жизнь такая, как и есть, –
Пусть она пребудет, –
Даст попить и даст поесть,
Выпустит, осудит.

И возьмёт себя сама –
Ведь она хозяйка...
Не спеши сходить с ума.
Жалко?..
– Что же, жалко.

Дети должны быть здоровы,
Деды должны быть добры.
Землю удержат основы,
Шумом наполнив дворы,

Чистыми сделав подъезды
И безопасным жильё.
Ветер тепла и надежды
Сердце овеет твоё.

Вольно ступая, без страха,
Только по зову пойдёшь;
Если намокнет рубаха –
Это не слёзы, а дождь.

Если глава поседеет –
Это не пепел, а снег.
Тело пускай не болеет,
В мире живёт человек.

Не отходи, не уходи
За этот перевал,
Ещё минуту погоды, –
Я так тебя искал.

Давай с тобой поговорим,
Пока не рухнул мир,
Давай с тобою погорим,
И пусть потом – пунктир...

Давай отыщем те слова,
Которые близки;
Чуть-чуть кружится голова,
И давит на виски.

И камнем падает на дно
В ответ на мой твой взгляд,
И даже руки заодно
О многом говорят.

Не уходи, не торопись
За страшную черту,
Держи меня, сама держись,
Как ива на ветру, –

Назло седому январю...
А я к тебе спешу.
Давай галчонка подарю.
Давай на пальцы подышу.

Не дописаны стихи,
Книги не дочитаны,
Не замолены грехи,
Звёзды не посчитаны.

Ничего не решено.
Небо кровото́чится.
И рассыпано пшено –
Собирать не хочется.

Точил полночный месяц серп,
Преображаясь в алебарду.
Земля, уставшая, как смерд,
Спала, забыв про ложь и правду.

И ярко Сириус светил –
Непостижимый и двуокий,
И малой искоркою плыл
По небу спутник одинокий.

Ремесленник не мастер,
Но метит в мастера:
Как в короли – Ланкастер,
Как в карпы – густера.

Плохого в этом мало,
Но критики полно.
И всё же ты сначала
Учись держать стило.

Работать без ошибок
И выработать вкус,
Стать мудрым на ушибах
И сбрить свой первый ус.

Тогда берись за дело,
За то, к чему идёшь;
Внутри уже созрело,
И пробирает дрожь.

Сними, как с камня, лишку
И дух свой напряги.
Но не беги вприпрыжку.
Но сил не береги.

Отобразая время,
До капли всё отдай.
Излей себя, как семя.
Уйди... И прорастай.

И, может, поколение,
Которое придёт,
Возьмёт твоё творенье
И радостно замрёт.

И вдруг, как у киота,
Прорвётся естество:
«Какая же работа!..»
«Какое мастерство!..»

А ты был просто честен,
Мозоли набивал,
А то, что стал известен, –
Так это не желал.

Ты к цели шёл не быстро.
Ты раздувал меха.

И всё же – Божья искра!
И пот ученика.

Облегчили тело.
Облегчите душу.
Что писали мелом,
Обведите тушью.

Что годами грызло,
Крикнете словами.
От недоброй мысли
Избавляйтесь сами.

Не держите злобы.
Не кидайтесь фразой.
Лёгкие уловы
Отпускайте разом.

Поступайте честно.
Спрашивайте совесть.
Если очень тесно –
Не садитесь в поезд.

Слова, как нити пряжи
Из сердца, из души.
Из них поэты вяжут
Анапесты в тиши.

Любой из них мечтатель
И видит мир своим;
И греется читатель
Пуловером таким.

Согреется не тело,
Но, может быть, душа,
И, значит, сделал дело
Писатель не спеша.

Не жаркие потоки,
Не лето предлагал,
Нашёл другие строки –
Из них тепло связал.

Перед знанием – догадка.
Перед выстрелом – прицел.
Нет в природе беспорядка,
Всё в ней к месту, всё у дел.

Наш удел – решать загадки:
С инструментом или без
И записывать в тетрадки,
Чтоб потом не путал бес.

Видеть яблока паденье,
Голым «Эврика!» кричать.
Всё отжать до обобщенья
И... по-новому начать.

Снова яблоко и выстрел,
Копий сломанных набор.
Кто в природе самый быстрый –
Мысль, гепард или прибор?

Нет конца соревнованью.
Мир – огромный стадион.
Мы бежим, стремимся к знанью. –
Это долгий марафон.

Нету финиша, наверно. –
Так задумано Творцом.
Если будет кто-то первым –
Поздравляю всех с концом!..

Уходящая натура,
Приходящая печаль.
Уходящая культура,
Приходящая мораль.
Уходящая возможность,
Приходящая в совет.
Уходящая безбожность,
Приходящая в Завет.

Возвращаемся мы к прежде –
Не к истокам, а к повторам.
Мы исполнены надежды,
Не поняв за дружным хором,

Неусвоенные уроки фашизма

Прошло почти 80 лет со дня нашей Великой Победы над гитлеровской Германией, но мы до сих пор полностью не осознали, с каким врагом нам пришлось сражаться. Нам так и не удалось понять до конца смысл фашизма, заглянуть в бездну падения человечества; в эти глубины сатанинские. Да и стоит ли человеку подвергать свою психику такому страшному испытанию, просматривая фото и кинодокументы, читая отчёты о чудовищных преступлениях, где речь идёт о сотнях тысяч и миллионах замученных людей? Мы заклеили позором само понятие фашизма, не вдаваясь в подробности и не исследуя его глубинных истоков. Фильм Михаила Рома «Обыкновенный фашизм» был чуть ли не единственной попыткой разобраться в сути этого явления. Концлагеря, газовые камеры, массовые расстрелы, пытки и сжигания людей. Ещё 20 лет назад казалось – такое невозможно забыть. И вот – забыли. И уже недобитые нацисты почитаются как герои в отдельных, ныне независимых странах, ещё недавно входящих в состав СССР, страны – главного победителя мировой угрозы фашизма. А в Западной Европе

Максим ВОРОБЬЁВ

Максим Зотикович Воробьёв – родился в 1966 г. Окончил ГЦОЛИФК (ныне РГУФКСиТ). С 1990 г. участвует во Всесоюзных соревнованиях по сверхмарафону. Мастер спорта Международного класса. Обладатель Кубка Европы по суточному бегу 1994 г. Неоднократный призёр чемпионатов России и Европы по сверхмарафону. В 2003 г. организовал Пуцинский городской общественный благотворительный Фонд детского спорта. Принимает активное участие в литературной и художественной жизни города и района. Регулярно печатается в местной и центральной печати. Составились 2 персональные фотовыставки в Пуцинском музее, работы находятся в Русском музее Санкт-Петербурга, вошли в фундаментальный каталог первого фотобиенале Русского музея. Живёт в Пуцино.

и Америке не только забыли, но и вспоминать не хотят. Да и вообще: «а был ли мальчик?». Некоторые американские историки даже призывают пересмотреть взгляд на Третий рейх, как «империю зла». По их мнению, зверства гитлеровского нацизма сильно преувеличены и не имеют документальных подтверждений в отчётах концлагерей. При этом не важно, что большая их часть была уничтожена для сокрытия улик, раз нет документального подтверждения – значит, нет и события. А воспоминания очевидцев, мол, сильно преувеличены и не соответствуют реальности. Может, и, вправду, всё было и не так страшно, подумаешь, обычная Европейская война – разборка в середине XX века? Ответы на эти вопросы не так просты, как нам может показаться, а главный вопрос: почему эти вопросы раздаются? Почему побеждённый и заклеенный человечеством фашизм оказался столь живучим? Неужели у Западной цивилизации столь короткая память? Вряд ли. Скорее тут дело в нежелании помнить. Но чем обусловлено это нежелание?

Истоки

Итак, что же такое фашизм? Что это за чудовище, пожирающие миллионы жизней, несущее лишь страх и смерть? На мой взгляд, фашизм – более глубокое и всеобъемлющее понятие, чем нацизм. Он может базироваться не только на идее избранности какой-либо нации или расы, но и вообще на принадлежности к любому кругу «избранных». Неважно, идёт речь о материальной или духовной сфере.

Откройте любой словарь или энциклопедию и найдёте там слово: фашизм. Вам коротко (или исчерпывающе) объяснят, что это политическое течение, возникшее после I Мировой войны. Однако политические реалии изменились до неузнаваемости, а фашизм оказался более живучим, чем многие другие партии. Думается, рассматривать фашизм как чисто политическое, возникшее совсем недавно течение в корне неверно. Исследуя историю возникновения фашизма, его истоки, я пришёл к выводу, что первопричиной является не только и не столько политика, сколько психология. А это уже гораздо глубже и серьёзнее, чем пропагандистская мишура. Самая суть фашизма – это гордыня и ненависть. Из них проистекают страсти властолюбия, самолюбования и презрения к людям. Зло кроется в самой испорченной грехопадением природе человека.

Великий писатель и сердцеведец Фёдор Михайлович Достоевский в своих «Записках из Мёртвого дома» пишет: «Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь. Я стою на том, что самый лучший человек может огрубеть и отупеть от привычки до степени зверя. Кровь и власть пьянят: развивают зарубелость, разврат; уму и чувству становятся доступны и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен. К тому же пример, возможность такого своеволия действуют и на всё общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явление, уже само заражено в своём основании».

Возьмите законченного эгоиста, пренебрегающего всеми нормами и

законами нравственности человеческого сообщества. Эгоиста, готового на любое злодеяние и убийство ради своей выгоды, самоутверждения и власти, и вы получите портрет идеального фашиста. Но эгоизм, в той или иной степени, свойственен каждому человеку. Именно эгоизм порождает уверенность в своей правоте, несмотря ни на какие доводы разума и совести. В «Дневнике писателя» за 1877 г. Фёдор Михайлович записал и следующее наблюдение: «Знаете ли, что весьма многие люди больны именно своим здоровьем, то есть непомерной уверенностью в своей нормальности, и тем самым заражены страшным самомнением, бессовестным самолюбованием, доходящим иной раз чуть ли не до убеждения в своей непогрешимости». В глубине души чело-

век почти всегда склонен считать свою точку зрения правильной – это естественная человеческая черта открывает путь страшной опасности. Опасности забвения своих грехов и неведения своих ошибок и недостатков. Убежденность в собственной непогрешимости – неотъемлемая черта тиранов и маньяков, но много ли найдётся людей полностью свободных от самомнения, умеющих владеть своими чувствами и противостоять соблазну самоправедности? Если честно задать этот вопрос самому себе, то в ответ мы услышим обличение совести. Конечно, если она в нас ещё осталась.

Таким образом, в каждом из нас притаился фашист. Этот факт нужно осознать, и не отводить взгляд от беспощадной и горькой правды, ибо, когда мы говорим о фашизме, речь идёт о реальной, а не теоретической беспощадности. Беспощадности и смерти. Любая неискренность, любая недомолвка может обернуться ценою тысячей и миллионов человеческих жизней. Фашизм – это не политика, а мировоззрение. Мировоззрение, подготовленное не только философами, теоретиками и пропагандой, но и психологией. Мировоззрение, истоки которого теряются в глубокой древности, восходя чуть ли не к первому убийце Каину. Так древние кочевники стихийно считали оседлые народы недостойными звания людей. Так античные авторы создавали философские трактаты, обосновывающие разделение человечества на свободных и рабов. Яркий пример тому «Политика» Аристотеля. Здесь отчетливо прослеживается психологическая закономерность. Для человека почти невыносимо сознавать, что именно он является носителем и источником зла. Ощущение личной вины и ответственности за убийство и насилие постоянно будет внутренне терзать убийцу. Однако стоит только убедить себя, что ты совершаешь благое дело, а твоя жертва

Слева направо: Альберт Шпеер,
Адольф Гитлер, Арно Брекер.
Париж 1940 г.

совсем не является человеком, то внутренние мучения отступают. Да и зачем волноваться, если перед тобой лишь разумное животное, ничем, кроме внешнего вида, не отличающееся от коров, овец или свиней. Ну, или, в крайнем случае, неполноценный человек, «недочеловек». Разве можно относиться к животному так же, как к человеку? Это неестественно, человек имеет право распоряжаться животными по своему усмотрению. Да и вообще: «тварь я дрожащая или право имею»? Всё, совесть обманута. Где-то в глубине души, конечно, копошатся смутные сомнения, но именно в глубине, не оказывая явного разрушающего действия на личность, не вызывая душевных мук. Нельзя забывать и о том, что культ сильной личности, неизбежный при всякой единоличной диктаторской власти, позволяет гражданам государства снять с себя всякую нравственную ответственность за происходящее. Из этого культа неизбежно вытекает всеобщее подчинение. Ход размышлений рядового гражданина примерно таков: «Всё решает верховный вождь, следовательно, он за всё и несёт ответственность, а мы лишь пешки, долг которых лишь выполнять приказы. Тем более что их невыполнение повлечёт за собой жестокие кары, не только для меня лично, но и для моей семьи. А ведь о близких надо заботиться. Так или иначе, я просто вынужден подчиниться независящим от меня обстоятельствам и поэтому не несу никакой ответственности». Совесть обманута и на этот раз.

И всё же, несмотря на некоторые схожие исходные предпосылки, фашизм так и не развился ни в древнем мире, ни в средневековье. Ближе всех к нему подошёл Чингисхан, создавший самую громадную империю в истории человечества, основанную на жесточайшей дисциплине и страхе. Если с поля боя бежал один человек, то в наказание казнили весь десяток. Если десяток, казнили сотню. Если отступала сотня, то казнили тысячу воинов. Создавалась система круговой поруки и коллективной ответственности на основе всеобщего страха смерти. Для того чтобы создать настоящее фашистское государство Чингисхану не хватило индустриализации и полной десакультурации человеческой жизни. Взгляд на человека только как на биологический объект в те времена казался и кощунственным и глупым. Неверующий ни во что человек на протяжении всей истории человечества, за исключением последних трёх столетий, воспринимался как ущербный.

Предпосылкой современного фашизма послужил исключительно материалистический взгляд на человека, как на предмет товарно-денежных отношений. Для того чтобы появился фашизм в современном понимании, нужны были потрясения европейских революций; нужен был приход к реальной власти крупного капитала; нужны были философии А. Шопенгауэра, И. Бенгтама, Т. Мальтуса, Г. Спенсера и Ф. Ницше; нужна была теория эволюции Ч. Дарвина, позволяющего низвести человека на уровень примата; нужны были средства массовой информации и пропаганды, позволяющие манипулировать сознанием масс; нужно было внутреннее отречение Запада от евангельских заповедей, нужно было, наконец, ещё и такое явление как политическая партия. Всё это было необходимо для того, чтобы в начале XX века, подобно дракону из яйца, вылупился фашизм. Первым его вождем неслучайно стал вчерашний пламенный революционер Бенито

Местная вспомогательная полиция, конвоирующая евреев к месту расстрела в районе Кривого Рога. 1941 г

Мусолини. В данной статье нет возможности подробно рассмотреть исторические корни возникновения фашизма, проследить его становление, расцвет и падение. Исторических материалов более чем достаточно и желающие могут без труда ознакомиться с ними.

Насилие, ненависть и страх – вот три основных кита, на которых держится любая фашистская партия и любое фашистское государство. То же самое можно сказать и о появившемся ещё в эпоху средневековья сатанизме. Рыцарские ордены, основанные с целью участия в крестовых походах, очень скоро превратились в рассадник оккультизма, а иногда даже и неприкрытого сатанизма. Госпитальеры, тамплиеры широко практиковали не только тайные учения, но и вели откровенно грабительские войны с целью наживы, прикрываясь таким красивым словосочетанием как «священная война». Особенно преуспел в этом Тевтонский орден, сосредоточивший военные усилия на завоевании Восточной Европы и Руси. По отношению к пруссам был применён настоящий геноцид. Лишь совместными усилиями народам восточной Европы удалось сломить агрессию германских захватчиков в Грюнвальдской битве 1410 г. Недаром деятели Третьего рейха любили сравнивать себя с древними германскими рыцарями и считали себя их последователями. Изучая историю тевтонского ордена, с этим утверждением можно согласиться. С потрясающей художественной силой изображены страдания порабождённого народа, жестокость и беспринципность тевтонских завоевателей в романе Генрика Сенкевича «Крестоносцы». Вобрав в себя всю жестокость средневековой войны, кайзеровский германский генеральный штаб привнёс в неё и последние достижения науки и техники, в том числе отравляющие вещества, которые активно использовались немцами во время Первой мировой.

Мечта о мировом господстве Германии родилась ещё во времена Бисмарка, и как всякая навязчивая идея, овладевшая массами, не хотела умирать. Германские воюки не могли смириться со своим поражением и активно жаждали реванша. Реванша любой ценой. Именно их усилия поставили во главе Германии Гитлера, под руководством которого наследники Фридриха Барбароссы далеко превзошли Чингисхана по числу смертей и людских страданий. Германский фашизм стал индустрией смерти.

Связь фашизма с оккультизмом и сатанизмом глубинна и органична. По сути это две стороны одного и того же явления. Иначе и быть не могло, ведь образовавшийся после отречения от Христа духовный вакуум требовал наполнения. Удивительно единодушно и сатанисты, и фашисты заявляют, что «совесть – химера», от которой надо освободиться. Носители этой идеи прекрасно понимали, что именно совесть – один из главных признаков личности, отличающий человека от животного. Добровольно отказываясь от совести, человек не только перестает быть человеком, но и опускается ниже животного мира, становясь inferнальным существом. Недаром Гитлер выдвинул лозунг: «Надо развить обезлюдивание». Какое словечко подобрано! Хотя, конечно, точнее было бы сказать: «обесчеловечивание», утрата человеческого облика. Наглядное доказательство тому – проект Аненэрбе Третьего рейха. Изучение «наследия предков» с целью практического применения магического воздействия было одной из главных его задач. Кроме того, велась и «научная» работа, в ходе которой ставились чудовищные эксперименты над людьми.

Такие одиозные псевдоучёные как Герман Вирт и оккультист Фридрих Хильшер стояли у истоков формирования Аненэрбе. По их признаниям, большое влияние на них оказали труды Е.П. Блаватской, в частности идеи о «высших» и «низших» расах (вон оно как обернулось духовное наследие теософии, воспитавшее Рерихов и давшее начало движению «Нью Эйдж»!).

Природа ненависти и эгоцентризма такова, что они разрушают и уничтожают не только окружающих людей, но и самих носителей этих чувств. Если добавить сюда неизменную ложь, сопровождающую любые действия фашистов, то мы получим вполне законченную картину деградации личности. Беседуя с американским врачом Джильбертом в тюремной камере Нюрнберга, Г. Геринг поучал: «Конечно, можно полагаться на честное слово, когда вы обещаетесь доставить товары. Но когда дело касается интересов страны, нельзя говорить ни о какой морали». Православные знают, кого называют «отцом лжи».

Психологические типы фашистов

Поскольку фашизм имеет в своём основании именно психологические причины, то вполне закономерно будет вкратце охарактеризовать наиболее ярко выраженные черты личности, присущие фашистам. Описание психологических типов – всегда неблагоприятная задача, поскольку в «чистом» виде они почти не встречаются. Даже общепринятое деление по темпераменту (холерик, сангвиник, флегматик и

Солдаты немецкой полиции СС обыскивают еврейских рабочих во дворе фабрики Германа Брауэра в Варшаве. 1943 г

меланхолик) заключает в себе некоторую долю условности. В реальности человеческая личность совмещает в себе разные черты. Они могут быть выражены ярко, а могут быть совсем незаметны. С поправкой на эту особенность человеческой психики и надо воспринимать приведённые ниже наиболее характерные типы фашистов.

Первый тип: Идеиные фашисты. Почитатели А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Кроули и Ч. Дарвина; а также героев истории фашизма, неважно носят ли они имена Гитлера, Геринга или же Степана Бандеры. В подавляющем большинстве случаев интересуются магией, астрологией, оккультизмом или сатанизмом. Они убеждены в том, что падающего надо толкнуть, а слабый должен или умереть, или стать рабом сильного. Они уверены, в своём избранничестве некими силами. Это самый немногочисленный, но самый опасный и страшный тип фашистов. Именно благодаря таким личностям, фашизм будет оживать вновь и вновь. При других обстоятельствах они вполне могут стать серийными убийцами или террористами. Впрочем, фашизм вполне позволяет им совмещать и первое, и второе. Ведь у кого сила и власть, тот и прав. Благодаря практикуемому сатанизму почти не осталось злодеяний, которых бы они не совершили. Яркий пример идеологии немецкого национал-социализма – Дитрих Экарт, Альфред Розенберг, Юлиус Штрейхер и Ланц Фон Либельфед, но в той или иной мере эта характеристика относится и к Муссолини и к вождям и идеологам Третьего рейха, от Рема до Гейдриха, Геринга, Гесса, Гимmlера и Гитлера. Они совмещали в себе черты и первого, и второго, а иногда и третьего типа о которых речь пойдёт ниже. Именно к ним относятся

Гитлер поздравляет оберстгруппенфюрера СС Зеппа Дитриха, командира I танкового корпуса СС, с награждением Рыцарским крестом Железного креста с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, за успешные действия в битве за Нормандию. На заднем плане гауптштурмфюрер СС Отто Гюнше, личный адъютант А. Гитлера. Действие происходит в главной ставке Вольфшанце. 1944 г.

слова генерала Шарля де Голля: «Фашизм – это смертельная раковая опухоль человечества. Борьба с ним должна продолжаться до тех пор, пока не будет повешен последний фашист». В литературе некоторым прообразом этого типа может считаться Ставрогин из «Бесов» Ф.М. Достоевского. Также художественно выразительно тип идейного фашиста представлен И. Шварцем в образе дракона в его одноименной сказке.

Второй тип: Самый многочисленный, но, пожалуй, не менее страшный. В художественной литературе он наиболее полно и всесторонне представлен у огромного ряда писателей. От Анны Зегерс и Генриха Бёлля до Александра Чаковского и Вадима Кожинова. Вчерашние обыватели, искатели личной выгоды и пользы. Стихийно-интуитивные последователи И. Бен-Амина, никогда, впрочем, о нём и не слышавшие, зато прекрасно усвоившие лозунг: «бери от жизни всё». Влачащие серое существование в обыденной жизни и смертельно завидующие тем, кто имеет больший материальный достаток, они неожиданно получают предложение, от которого невозможно отказаться. Достаточно вступить в некую организацию, и ты автоматически становишься сверхчеловеком. Никаких личных усилий прилагать не надо, а выгода налицо. В привычных рамках Западной цивилизации общепринято мнение, что за удовольствие надо платить. И вдруг оказывается, что можно не только избежать издержек, но и, наоборот, за получение удовольствия тебе же и будут платить деньги. Это невероятно, но факт. Тебе будут платить за всепоглощающую страсть власти над людьми.

Слева направо: последний комендант Освенцима Рихард Баер, врач концлагеря Освенцим Йозеф Менгеле, комендант концлагеря Аушвиц II (часть Освенцима) Йозеф Крамер, предыдущий комендант Освенцима Рудольф Хёсс, сотрудник администрации концлагеря Нейенгамме Антон Туманн. Офицеры СС на отдыхе в курортном местечке Солахутте в 30 км от Освенцима. 1944 г.

Ты можешь наслаждаться ею за счёт других людей, сколько пожелаешь, и чем более ты преуспеешь в этом, тем большее место займёшь в фашистской иерархии, а, следовательно, получишь тем большие дивиденды. Сделка неотразима. И совершенно не важно, ждут ли тебя миллионные прибыли или небольшой частный особнячок в тихом месте. Смысл один и тот же. Исторических примеров – не перечислить, один папаша Мюллер-гестапо что стоит.

Третий тип: Уголовники, асоциальные личности, садисты, авантюристы и искатели острых ощущений. Именно из таких элементов в основном состояли штурмовые отряды СА и СС. Многие из них – люди с психическими отклонениями, во всяком случае, с нравственными – наверняка. Яркий пример – главный диверсант Третьего рейха Отто Скорцени. В большой мере обладал этими чертами и Г. Геринг – «наци номер два». Этим типажам также посвящены страницы многих литературных произведений и воспоминания очевидцев.

Четвертый тип: Обманутые и одураченные. Они совсем не так несчастны и безобидны, как может показаться. С течением времени они вполне могут превратиться в фашистов первого, второго или третьего типа, тем более почувствовав вкус крови и власти.

Современный фашизм

Ещё во время Нюрнбергского процесса начались попытки оправдания фашизма. Не случайно гросс-адмирал Денниц, виновный в

Военнослужащие в/ч 3229 внутренних войск МГБ СССР, участники ликвидации формирований ОУН-УПА, в Коростенском лесу на Западной Украине. На обороте фото имеется надпись: «Группа "УХ", громившая националистов УПА в Карпатах в 1.06.49 г. Полдень в Коростенском лесу. После неудачной охоты ... 1. Буцкий В.А. 2. Третьяков Н.С. 3. Малахов И.В. 4. Васильев В. 5. Митрофанов 6. Куликов». 1949 г.

массовых убийствах на море, получил за свои преступления всего 10 лет тюрьмы, а Яльмар Шахт, «финансовый диктатор» Третьего рейха, приведший Гитлера к власти, был и вовсе освобождён от ответственности. Разумеется, такой приговор был вынесен под давлением американского капитала, который на протяжении всей Второй мировой войны участвовал в производстве германской военной техники, поставлял топливо и машинное масло для самолётов, танков и подводных лодок вермахта, несмотря на то что США вели войну с Германией. Ничего личного, только деньги. С тех пор попытки обелить фашистских главарей и представить их такими рыцарями предпринимаются беспрестанно. Особенно на Западе, поскольку это выгодно трансконтинентальному монополистическому капиталу. Миллионными тиражами распространялась ложь о фашизме и его главарях. Нравственных выродков и недоумков представляли гигантами мысли и духа. Однако к реальности все эти изыски не имеют ни малейшего отношения. Смысл кампании по реабилитации нацистских главарей и пересмотре истории – в возрождении фашизма.

В настоящее время главным условием развития и экспансии фашизма является жажда наживы и национализм. Именно на них делается ставка в продвижении идей фашизма и наборе новых сторонников. Однако широко используются и другие идеи, способные объединить малограмотные массы и вызвать их агрессию. Например, футбольные фанаты вполне могут послужить материалом для создания боевых отрядов и фашистских организаций. Что и продемонстрировала трагедия в Одессе 2 мая 2014 г.

История повторяется. Националисты на Украине ведут себя точь-в-точь так же, как немецкие штурмовики в Германии 30-х годов. Поддержку на государственном уровне фашизм получил и в странах Прибалтики. Марши неонацистов в разных уголках мира призваны продемонстрировать силу и живучесть фашизма, утратить непокорных и сомневающихся.

Именно на страх и рассчитывают фашисты, стараясь запугать людей самыми страшными преступлениями. В принципе у них есть только два способа заставить граждан подчиняться, это тотальный террор и массированная пропаганда, оболванивающая массы. Главная цель – приход к реальной власти. Что будет затем – мы уже знаем из исторического опыта XX века и мрачных предсказаний Р. Брэдбери, О. Хаксли и Дж. Оруэлла.

Подобно кайзеровской Германии фашизм жаждет реванша и мечтает о мировом господстве. При этом становится второстепенным принадлежность фашиста к какой-либо национальности. Главное – общее дело: война и власть.

Лидер бандформирования Украинская повстанческая армия (ОУН-УПА) Роман Иосифович Шухевич (30.06.1907 – 05.03.1950). Сотрудничал с нацистской Германией в 1939–1942 гг.: обучался в секретной школе абвера, служил в вооружённых подразделениях Третьего рейха, был заместителем командира в спецподразделении «Нахтигаль» в звании гауптмана, а с ноября 1941 г. заместителем командира 201-го батальона шуцманшафта. По данным ряда исследователей, причастен к массовым убийствам поляков и евреев в ходе деятельности УПА на западе Украины. Выданный одной из своих соратниц, застрелился во время попытки его задержания в ходе спецоперации органов МГБ.

Необходимо господство над людьми, для того чтобы люди утратили человеческий облик и стали бесохраняемыми носителями фашистской идеологии.

«Мы боремся за наше существование, – говорил Гитлер в беседе с японским послом Осима 3 января 1942 г., – и в этой борьбе не должны руководствоваться какими-либо человеческими чувствами». Заветы наци номер один рьяно выполняются его последователями.

Достижения научно-технического прогресса одинаково могут служить как благим, так и бесчеловечным целям. Усиление контроля и ограничение личной свободы человека стали реальностью наших дней. Современные технологии позволяют следить за каждым человеком, собирать информацию и вмешиваться в личную жизнь. Уже сейчас эти данные активно используются в самых неблагоприятных целях, как разведками разных стран, так и просто авантюристами. Несложно понять, что благодаря технологиям власть современного тоталитарного режима станет ещё более страшной, чем в Третьем рейхе. Особенно учитывая современное нравственное состояние человечества. С конца XX века навязчиво пропагандируется и внедряется в умы идея золотого миллиарда – чисто фашистская в своей основе. Кто будет в числе избранных? Кто будет определять «достойных»? (Лично я точно не попаду в число избранных, хотя бы

Памятник Шухевичу в Ивано-Франковске. 2019 г

потому что написал эти строки). Да, собственно, почему именно миллиард? Может и ста миллионов достаточно? Или одного. Как, наконец, будут избавляться от «недостойных»? Ответа на эти вопросы вы никогда не услышите. Правдивого, во всяком случае. И вот уже на горизонте маячат лагеря смерти, газовые камеры и крематории. А вы думали, фашизм в далеком прошлом?

Такие явления современной жизни как исламистский радикализм и неоязычество также связаны с возрождением фашистской идеологии. Они свидетельствуют о кризисе Западной цивилизации и всего человечества, задыхающегося в вакууме бездуховности.

Общество не может управляться исключительно юридическими законами, без нравственных. Ибо без нравственности нет и уважения к закону. Серийные убийцы и маньяки стали кошмаром Западной цивилизации. Сегодня мы вплотную подошли к «демократическому фашизму», готовому принести в жертву закону, выгоде или химерическим идеалам тысячи и миллионы человеческих жизней. Особенно яркий пример – США, пытающиеся руководить всем миром по своему разумению. К сожалению, этому разумению далеко не только до мудрости, но даже и до здравого смысла. Военные агрессии во Вьетнаме, Ираке, Афганистане, бомбардировки Сербии и Ливии – это преступления, прямо предусмотренные шестой статьёй Устава Нюрнбергского трибунала.

Дракон фашизма жив. Он ждёт минуты, когда снова потоками польётся человеческая кровь, и запыхают печи крематориев.

Неусвоенные уроки

Итак, подведём итоги всего вышесказанного. Вот уроки фашизма, которые так и не усвоило современное человечество.

Урок первый. Фашизм всегда будет возникать и развиваться в безрелигиозном обществе, заполняя духовный вакуум демоническими культами и откровенным сатанизмом. Противостоять ему может только горячая религиозная вера. И только Православная вера даёт возможность человеку отличить ложь от правды, а зло от добра в любых жизненных обстоятельствах.

Урок второй. Фашизм всегда будет возникать и развиваться в буржуазно-капиталистической цивилизации, ибо он выгоден. Его будут оправдывать всеми мыслимыми и немыслимыми средствами. Начиная от «психологии сильной личности» и заканчивая экологическими проблемами. Трудно ведь природе вынести на себе количество людей, превышающее миллиард особей. Золотой миллиард, разумеется.

Урок третий. Победить фашизм мирными и демократическими средствами невозможно, ибо он их презирает и считает слабостью. Хотя в своих целях может к ним прибегать и даже пропагандировать, однако своих противников фашисты будут устранять любыми методами. «Нам нужно в конечном счёте иметь волю (и мы её имеем) к тому, чтобы хладнокровно и трезво уничтожать тех, кто на какой-то стадии не захочет идти в Германии вместе с нами», – говорил Г. Гиммлер на совещании группенфюреров СС в Познани 4 октября 1943 г.

Урок четвёртый. Фашистам никогда и ни в чём нельзя доверять. Ложь – неотъемлемое свойство фашизма, он всегда будет иметь двойной стандарт для оценки своих действий. Прибегая к убийствам и пыткам своих противников, фашисты неизменно будут кричать о правах человека при любом намёке на ущемление своих интересов.

Урок пятый. Для распространения своих идей и вербовки сторонников фашизм опирается на низкий интеллект масс. Масс-культура, низвергающая человека в область животных инстинктов, ориентированная только на потребление – идеальный союзник фашизма. Именно на почве примитивного представления о жизни и расцветает национализм – основной стержень создания фашистской организации.

Урок шестой. Для прихода к власти фашизму нужна крайняя форма государственной либерализации, граничащая с анархией. Нужна слабая власть и беззаконие. Граждане страны, измученные социальной незащищённостью и неопределённостью сами будут настаивать на «твёрдой руке», способной навести порядок.

Урок седьмой. Фашизм надо уничтожать в самом зародыше, пока он не набрал силу. Мы не готовы к встрече с фашизмом лицом к лицу, но это не значит, что надо трусливо отворачиваться и делать вид, что усиление фашизма нас не касается. Мы всегда будем застигнуты фашизмом врасплох, если не потрудимся изучить историю. Именно при трусливом отношении Запада и поощрении агрессии Третий рейх развязал Вторую мировую войну. В современном обществе, настроенном на комфорт и сытое существование, неожиданная и реальная угроза жизни и здоровью вызывает страх, оцепенение и паралич воли. Любая слабость перед лицом фашизма делает вас или рабом или жертвой. Третьего не дано.

Сопrotивление

Противостоять фашизму могут только любовь, вера и мужество. Причём прочно укоренившиеся как в обществе, так и в душе каждого отдельного человека. «Первая обязанность человека – преодолеть страх. Пока у человека трясутся поджилки, его действия останутся рабскими», – писал ещё в XIX веке великий английский учёный Томас Карлейль. Фашизм несёт смерть, следовательно, схватка с ним будет смертельной. Речь идёт о самом существовании человечества. Как ни прискорбно это сознавать, но без вооружённой борьбы, без кровопролития фашизм победить невозможно. Если человек не готов отстаивать свою свободу, честь и достоинство с оружием в руках, он автоматически становится рабом или жертвой фашизма. Бездействие при совершении преступления делает нас его соучастниками. Это закон не юридический, а нравственный. Здесь приговор пацифизму.

Война – это страшное зло, но зло, таящееся в человеке, может быть и гораздо страшнее.

«Есть вещи и хуже войны, – говорил Эрнест Хемингуэй, – трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже». Никакие законы, тем более либеральные, не в силах предупредить появление фашизма в той или иной стране, поскольку, как уже говорилось выше, фашизм – это внутреннее состояние человека. Группа людей, имеющая такое сходное внутреннее состояние, неизбежно должна будет объединиться, чтобы более успешно преследовать свои цели. Напомню, что для фашистской идеологии законы не более чем фикция. Лозунг такого объединения может быть любым: от нацизма до борьбы за экологию. Главное – добиться власти и повиновения, устроить жизнь на земле по своему произволу, к чему, собственно, и призывает западная цивилизация.

Рационализм, гуманизм, атеизм – как бы ни называлось данное течение, суть его одна – отменить веру в Бога и устроить жизнь на земле без Него. Жизнь по своим понятиям, во главе которых стоят выгода и вседозволенность. Но такие принципы по природе своей античеловечны, ибо сводят человека только к разумному животному или «субъекту социальных отношений», а человек неизмеримо выше и больше всех этих понятий. Фашизм – неизбежное следствие исторического пути Запада, его высшего выражения – капитализма и логическое завершение развития общества без Бога. Фашизм – несмыслимое клеймо и позор человечества. С каждым годом его наступление становится всё более агрессивным.

Единственная реальная сила, противостоящая ныне этому натиску – Православие. Потому и ненавидят нашу Веру и нашу Отчизну лютой ненавистью последователи сатаны. Ибо для России высшей идеей является не материальное благополучие народа, а нравственные ценности и Православная Вера. Только в свете Православия должны оцениваться действия власти, и только в свете Православия возможна истинная любовь к Родине. Возложив упование на Бога, мы будем неодолимы. «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь; Господь защититель живота моего, от кого усташуся» (Пс. 26,1). Великая Победа в мае 1945-го стала возможной только благодаря огромному духовному и нравственному потенциалу нашего народа, сформированному Православием. Перед лицом наступающего мирового

фашизма наша главная обязанность – сохранять наши духовные устои, быть верными своему Отечеству и Православной Церкви. Неустанно бороться со своими страстями и не допускать засилья греха в окружающем мире. Даже если придётся взяться за оружие. Трагедия, происходящая на Украине, лишь начало испытаний, которые ждут Россию в XXI веке. Обстоятельства истории сложились таким образом, что именно от позиции России зависит сейчас судьба человечества. Останется ли на земле место для доброты и истины или всё поглотит океан лжи и ненависти? Россия – последняя надежда. От нашего мужества и стойкости зависит будущее человечества. Бог, сотворивший небо и землю волен изменить ход истории и помиловать своих заблудших чад. И верится: после катаклизмов и потрясений Православная Церковь с новой силой и воодушевлением ещё воспоёт: «С нами Бог! Разумейте и покоряйтесь языцы, яко с нами Бог!»

ОУН-УПА – запрещённая в России организация.

Все фотографии взяты из открытых источников.

